

INSTITUTE OF WORLD CIVILIZATIONS

**INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS**

*Materials of the interuniversity student conference
(May 26, 2022)*

Moscow
Publishing house IWC
2022

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Материалы межвузовской студенческой конференции
(26 мая 2022 г.)*

Москва
Издательский дом «ИМЦ»
2022

УДК 327.3
ББК 66.4(2Рос),9
М43

М43 Международные отношения в условиях развития цивилизаций:
материалы межвузовской студенческой конференции (26 мая
2022 г.). — Москва: Издательский дом «ИМЦ», 2022. — 212 с.

ISBN 978-5-907445-88-8

В сборник вошли статьи участников Межвузовской студенческой конференции «Международные отношения в условиях развития цивилизаций». Работы посвящены различным аспектам мировой политики, а также взаимодействию цивилизаций как основных участников глобальных процессов. Особое внимание уделено роли России в современных международных отношениях, и тем трудностям, которые наша страна должна преодолеть, чтобы защитить свою идентичность и безопасность.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений.

The collection includes the studies of the participants of the Interuniversity Student Conference “International relations in the context of the development of civilizations”. The texts are devoted to various aspects of the world politics, as well as to interactions of the civilizations as the major actors of the global processes. The additional attention is paid to the role of Russia in the contemporary international relations and to the difficulties our country has to overcome in order to defend its identity and security.

The publication is addressed to researchers, teachers, postgraduates, and students of higher educational institutions.

УДК 327.3
ББК 66.4(2Рос),9

Возрастное ограничение: 16+

ISBN 978-5-907445-88-8

© Коллектив авторов, 2022
© НАНО ВО «ИМЦ», 2022

Содержание

Романов А.А., Амельченко А.Я. Проникновение Китая в ключевые экономические проекты Африканского континента.....	9
Romanov A.A., Amelchenko A.Y. China's penetration into the key economic projects of the African continent.....	9
Беляева М.В., Аникина М.И. Международный опыт в языковом образовании: немецкие образовательные платформы в обучении немецкому языку как иностранному	17
Belyaeva M.V., Anikina M.I. International experience in language education: German educational platforms in teaching German as a foreign language.....	17
Басова П.В., Красовицкая Ю.В. Программы студенческого обмена как возможность межкультурной коммуникации в современном мире	33
Basova P.V., Krasovitskaya Yu.V. Student exchange programs as an opportunity for intercultural communication in the modern world	33
Брюхова Ю.П. Динамика проблемы миграции в индийском штате Мегхалая.....	48
Briukhova Yu.P. Dynamics of the migration problem in the Indian state of Meghalaya	48
Бутырина К.И. Отношения континентального Китая и Тайваня на современном этапе	58
Butyrina K.I. Mainland China-Taiwan Relations at the present stage.....	58
Волынкин Е.В. Троллейбус, который идет на восток: отношения России и Китая в «Новую эпоху»	65
Volynkin E.V. The trolleybus that goes east: Russia-China relations in the «New Era»	65

Гаврилова А.С.	
Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе.....	79
Gavrilova A.S.	
International relations in the Asia-Pacific region at the present stage	79
Гимазиева Л.М., Яковлев М.Д.	
Роль турецкой политической культуры в международных отношениях Османской империи: модель цивилизационного развития турецкой культуры	86
Gimazieva L.M., Yakovlev M.D.	
The role of Turkish Political Culture in the International Relations of the Ottoman Empire: a model of civilizational development of Turkish culture	86
Дементьева Ю.А.	
Столкновение ценностей китайской и западной цивилизаций в современных международных отношениях	92
Dementyeva Yu.A.	
The conflict of values of Chinese and Western civilizations in modern international relations.....	92
Колосков Д.П.	
Прокси-война как основная стратегия НАТО на Украине	98
Koloskov D.P.	
Proxy war as the key strategy of NATO in Ukraine	98
Коровашкина Е.С.	
Сравнительный анализ культурных идентичностей США и Ирана на основе Иранской Ядерной Сделки	102
Korovashkina E.S.	
Comparative analysis of cultural identities of the USA and Iran based on the case of Iran Nuclear Deal	102
Мухаметзянова З.Р.	
Культурная дипломатия РК — через деятельность группы BTS	111
Mukhametzyanova Z.R.	
Cultural Diplomacy of the Republic of Korea through the Activities of the BTS.....	111

Нехорошева А.Н.	
Насильственное открытие Японии как определяющий фактор ее дальнейшего развития	117
Nekhorosheva A.N.	
The forced opening of Japan as the determining factor of its further development	117
Петров М.В., Романов А.А.	
Российско-европейские отношения после 2014 г.: сложности и возможности	129
Petrov M.V., Romanov A.A.	
Russian-European relations after 2014: difficulties and opportunities	129
Росуцан А.С., Семижонов В.А.	
Институты Сервантеса и Камõesа, как инструменты мягкой силы Испании и Португалии	135
Rosushchan A.S., Semizhonov V.A.	
The Cervantes and Camões Institutes as a soft power instrument of Spanish and Portuguese foreign policy	135
Слепенков В.А.	
Основные аспекты гуманитарной дипломатии в контексте деятельности международных организаций современности	150
Slepenkov V.A.	
The main aspects of humanitarian diplomacy in the context of the activities of international organizations of our time	150
Соломяну С.Е., Крючков И.В., Синицына Е.В.	
Сравнительный анализ и оценка формирования имиджа глав государств РФ и США	162
Solomyants S.E., Kryuchkov I.V., Sinitsyna E.V.	
Comparative analysis and assessment of the formation of the image of the heads of state of the Russian Federation and the United States	162
Сорокина Е.Д.	
Российско-норвежские международные отношения на современном этапе	173
Sorokina E.D.	
Russian-Norwegian international relations at the present stage	173

<i>Романов А.А., Теплякова В.В., Сабиров И.И.</i>	
The influence of radical Islam on the political situation in Central Asia.....	185
<i>Romanov A.A., Teplyakova V.V., Sabirov I.I.</i>	
The influence of radical Islam on the political situation in Central Asia.....	185
<i>Ши Юйчэнь</i>	
Возможный путь к интеграции в Азиатско-Тихоокеанской интеграции — региональная интеграция при содействии АСЕАН.....	200
<i>Shi Yuchen</i>	
A Possible Path to Asia-Pacific Integration — Regional Integration Facilitated by ASEAN	200

УДК 327

А.А. Романов,

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой Мировых цивилизаций и мировой политики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

А.Я. Амельченко,

студентка 2 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

ПРОНИКНОВЕНИЕ КИТАЯ В КЛЮЧЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

А.А. Romanov,

PhD in Historical Sciences,
Head of the Department of world civilizations and world politics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: aaromanov@mail.ru

A.Y. Amelchenko,

2nd year student,
Faculty of international relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: anastasia.amelchenko.02@mail.ru

CHINA'S PENETRATION INTO THE KEY ECONOMIC PROJECTS OF THE AFRICAN CONTINENT

Аннотация. Эта статья направлена на выявление экономического интереса Китая в различных сферах африканских стран. Сегодня Китай осуществляет крупные финансовые вложения в строительство портовых городов в Африке, военных баз, а также скупает контрольные пакеты акций в отдельных проектах по добыче золота или нефти. К чему приведёт такая политика Китая в отношении зарубежных стран? Определённые прогнозы на этот счёт будут даны в данной статье.

Ключевые слова: Китай, Африка, порты, наркоторговля, золото, компании, нефть, снижение инфляции.

Abstract. This article is aimed at revealing China's economic interest in various areas of African countries. Today, China is making large financial investments in the construction of port

cities in Africa, military bases, and buying controlling stakes in individual gold or oil production projects. What will China's policy towards foreign countries lead to? Certain forecasts on this issue are to be given in this article.

Key words: China, Africa, ports, drug traffick, gold, companies, oil, inflation reduction.

1. Значение портовых объектов Африки для Китая

Африканский континент сегодня представляет особый интерес для мира в целом и Китая в частности. Эта территория является «золотой жилой» в области добычи редких земельных металлов, камней и нефти.

Китайская военная база в Джибути — не единственная китайская инвестиция в сферу безопасности Африки. Китай почти 20 лет участвовал в многосторонних миротворческих операциях и миссиях на Африканском континенте, демонстрируя приверженность Пекина поддержанию стабильности в африканских странах. В 2003 году китайские военные направили инженерные, транспортные и медицинские подразделения в составе миротворческой миссии ООН в Либерии в ДРК. В 2012 году Китай направил свои первые боевые подразделения в составе ООН в Судан, а в 2013 г. — в Мали. В 2017 году Китай открыл уже упомянутую военно-морскую базу в Джибути, обеспечивающую точку материально-технического снабжения в регионе, где Китай под предлогом борьбы с пиратством стал держать собственный военный контингент, что позволило вести наблюдение за транспортной и стратегической деятельностью на Африканском Роге и других морских путях. По некоторым сведениям, Китай и несколько африканских стран участвуют в обмене разведывательными данными, технологиями и совместной подготовке военных и полицейских интернациональных кадров. Так, к примеру, по данным некоторых информационных агентств, в 2014 году Китай проводил обучение полиции ООН в Либерии; делился с властями Нигерии разведанными с беспилотников для борьбы с терроризмом в 2016 году и передавал патрульные катера военным Ганы — опять же — для борьбы с морским пиратством. Китай пожертвовал огромное количество средств G5 Sahel на борьбу с экстремизмом в Западной Африке.

В чём преимущество африканских земель для Китая, так это в том, что в Африке — большие запасы редких природных ресурсов и около 60% необрабатываемых сельскохозяйственных земель с растущей покупательной способностью и большим количеством низкооплачиваемых рабочих.

90% африканского экспорта зависит от работы портов. В странах к югу от Сахары в последнее время было обнаружено не менее сорока шести портовых проектов (завершённых и незавершённых) Китая. Все они финансируются, строятся или управляются китайскими корпорациями. Китайские предприятия построили 90% этих объектов. Известно, что Китай профинансировал 27 из 46 портов. Управляют 75% построенных портов. Многоцелевой порт Дорале в городе Джибути вызывает большие опасения, учитывая его близость к морскому перевалочному пункту и военной базе США. Китай контролирует 2 из 5 терминалов в порту Джибути [7].

Кроме того, Мозамбик, Намибия, Сейшильские острова Танзания получают более 90% поставок оружия из Китая. Кения и Гана получают больше половины. Существует информация, что Намибия, Кения, Сейшильские острова и Танзания фигурировали в интенсивных спекуляциях как объекты военно-морского базирования, однако Китай отрицает это.

В ключевом доктринальном тексте Китая «Наука военной стратегии» (2020 г. издания) упоминается о т.н. подходе «двух океанов», имеющим в виду значимость Тихого и Индийского океанов [3]. Как утверждается, НОАК необходимо «создать условия для утверждения в обоих морях путём строительства морских стратегических опорных пунктов и мощной схемы двух океанов», способной противостоять любой кризисной ситуации. Стратегия базирования Китая в Индийском океане отчасти направлена на решение «дилеммы Малакки»: импорт Китая из стран Ближнего Востока и Африки вынужден пересекать морские пути в Индийском океане, которые патрулируются США. Новые пути позволят снизить нагрузку на Малакку, потенциально имеющую возможность быть перекрытой США [4].

Таким образом, Китай под предлогом защиты прибрежных территорий Африки, а также африканской торговли от неза-

конных операций, подчиняет основные морские торговые пути отечественным компаниям, выигрывая тендеры на строительство портов и монополизируя контроль над ними. Кроме того, осуществляется несогласованное с другими государствами строительство военных баз, что может сдерживать западное влияние на страны Востока отныне. Однако, чтобы углубить понимание мотивов КНР расширения её влияния в Африке, следует обратиться к следующему пункту статьи.

2. Вопрос золотодобычи в Африке в контексте китайско-африканских отношений

Во время финансируемого США и Саудовской Аравией наступления моджахедов на Афганистан в 1980-е гг. Дубай стал беспощадным портом продажи наркотиков, играющим ту же роль, что и Гонконг во время Вьетнамской войны. Международные банки в Шардже (эмират в ОАЭ) стали получать баснословно большие прибыли через Дубайский контроль наркоторговли в аэропорту Шарджа, по некоторым данным, отвечавшем за беспощадную торговлю оружием. Золото являлось наиболее ценной валютой наркоторговли и продажи оружия. Дубай — мировой центр торговли золотыми слитками, поскольку именно Британский Банк Ближнего Востока доминирует в Дубае. Как известно, золотой фиксинг выстраивает именно Лондон. Теперь Британский Банк Ближнего Востока на 100% через подставных лиц принадлежит китайскому банку HSBC (The Hongkong and Shanghai Banking Corporation), который монополизировал золотодобычу в Гонконге вместе с Kleinwort Benson, который имеет тесные сношения с Rio Tinto — компанией, основанной на доходы семьи Мэтисон, от продажи опиума. Наследниками Мэтисона являются семьи Кесвик и Свайр, которые и доминируют в Совете директоров HSBC, Jardine Matheson, P&O, Nedlloyd и Cathay Pacific Airlines. Дочерняя компания Kleinwort — Sharp Pixley — является одной из пяти фирм, которые ежедневно собираются в NM Rothschild & Sons в Лондоне, чтобы в одностороннем порядке зафиксировать цену на золото. Сэмюэл Монтегю, дочерняя компания Midland Bank, является третьим лондонским «золотым фиксатором».

Midland был куплен HSBC в 1999 году и частично принадлежит кувейтскому клану Аль-Сабах. Двумя другими золотыми фиксаторами являются Johnson Matthey и NM Rothschild, оба имеют связи с Anglo-American и HSBC.

Anglo-American, контролируемая семьёй Оппенгеймеров из Южной Африки, владеет Engelhardt (обладает монополией на переработку мирового золота) и De Beers (монополист мировой торговли африканскими алмазами). De Beers добывает алмазы в руднике Джваненг, на краю пустыни Калахари в Ботсване (с 1973 г.) и с морских платформ у побережья Намибии. De Beers, как и Standard Chartered, была основана Сесилом Родсом.

По словам бывшего офицера британской разведки Джона Коулмана, автора «Комитета 300», «Родс был главным агентом Ротшильдов... которые лишили южноафриканских буров их неотъемлемого права, золота, алмазов, которые лежали под их землёй» [5]. Однако Д. Коулман не упомянул, что право первоуродства на эти богатства принадлежали не бурам, — а коренным южноафриканцам. Теперь же Родс совместно с китайскими банками осуществляет контроль за добычей золота на Африканском континенте.

Как это ни странно, в последние два года выявляется неоднозначная тенденция: уровень золотодобычи в африканских странах падает. На некоторых рудниках это происходит, казалось бы, случайно. Так, к примеру, один из крупнейших южноафриканских производителей золота и металлов платиновой группы Sibanye-Stillwater 10 марта 2022 года приостановил добычу золота в ЮАР из-за забастовок профсоюзов, требующих увеличения заработной платы. Другой случай: правительство Бурунди заявило, что намерено было приостановить золотодобычу некоторых международных золотодобывающих корпораций, т.к. страна не получает справедливых доходов от эксплуатации редкоземельных ресурсов иностранными компаниями. Помимо всего прочего, китайско-российская компания Nordgold также вынуждена была остановить добычу золота из-за террористических угроз близ рудника Taparko в Буркина-Фасо. На этом руднике Nordgold за 2021 год добыла 6% всего мирового золота.

Таким образом, правительство КНР через частные компании контролирует мировую золотодобычу с целью сдерживания инфляции, в чём поможет переход к «Золотому стандарту» по системе «Базель III». Вполне очевидно, что во многом этому способствует разгоревшийся на Ближнем Востоке терроризм.

3. Нефтяной сектор контроля Китая в африканских странах

Что же касается нефтяной сферы, добыча нефти не останавливается — по крайней мере до тех пор, пока существует работающий на произведённом из неё топливе транспорт. Ввиду операции на Украине резко возросли цены на нефть. Однако существуют данные, что в скором времени цены снизятся — это произойдёт после преодоления ведущими мировыми державами инфляции и при начале обеспечения валют золотом вместо нефти. Для этого предпринимаются определённые шаги — как уже, наверное, поняли уважаемые читатели, — точно так же снижаются темпы наращивания мощностей нефтедобычи. Но это снижение — временное и подразумевает скорее сдерживание роста, чем полный спад.

Китайские национальные нефтяные компании активно вкладывают средства в разведку и добычу нефти в странах Африки. Африка — второй по величине регион мира в области поставок нефти и газа в Китай после Ближнего Востока. При этом более 25% объёма нефти и газа импортируется в Китай.

Три основные китайские нефтедобывающие компании (CNPC, SINOPEC, CNOOC) берут на себя почти равную долю в затратах на разработку и добычу нефти в Африке в размере \$15 млрд. Как прогнозируется экспертами, совокупная инвестиция с 2019 года по 2023 год должна стать четвёртой по величине после BP Plc., Royal Dutch Shell Plc и Eni SpA. Эти вклады превышают \$10 млрд, инвестируемые Китаем в Южную Америку, и более чем в 2 раза превышают инвестиции Китая в Северную Америку. Как считают аналитики Global Data, около 2/3 расходов приходится на Нигерию, Анголу, Уганду и Мозамбик. Нигерия — крупнейшая нефте- и газодобывающая страна Африки: сегодня она добывает около 2 млн барр. нефти в день. Внутренняя нефтедобыча

Китая снижается, и прогнозируется, будто в ближайшие 15 лет до 80% нефти Китая будет импортировано из Африки [1].

За последние 3 года CNOOC осуществила ряд крупных вкладов, например, приобрела контрольный пакет акций в одном из проектов австралийской нефтегазовой компании FAR Ltd., ведущей бурение у побережья западноафриканской Гвинеи-Бисау. Предполагается, что к 2023 году Нигерия удвоит темпы добычи нефти под управлением китайских корпораций. Позже, представитель FAR заявил, что CNOOC получит 55,6% акций Simara и Esperansa от шведской Svenska Petroleum Exploration AB [6].

Кроме того, CNPC подписала контракт с правительством Бенина на строительство нефтепровода в регионе. Его длина будет составлять 1980 километров от Нигера до Бенина. Этот проект будет содействовать транспортировке сырой нефти из Нигера на международный рынок [8].

Необходимо также отметить, что многие британско-американские корпорации по добыче нефти, такие как British Petroleum, Royal Dutch Shell, Standard Oil и другие отказываются от акций во многих африканских проектах, отдавая их китайским компаниям, в страхе не выдержать нападков террористов и не желая инвестировать более в страны Африки [2]. Вышеуказанная информация наталкивает на мысль, что терроризм может вполне играть на руку Китаю, однако вопрос терроризма, вероятнее всего, будет поднят в другой авторской работе, поскольку является достаточно объёмным.

Таким образом, вывод, исходящий из анализа всей указанной информации, заключается в том, что Африканский континент важен для Китая с точки зрения возможности занять все основные континентальные экономические ниши. Цель Китая состоит в вытеснении стран Запада из золото- и нефтенесущих стран Африки для беспрепятственного проникновения китайского капитала в Европу и в дальнейшем — в США. Проводится намеренное снижение темпов добычи золота на Африканском континенте для ликвидации инфляции в мире. Нефтяные ресурсы, как кажется, будут необходимы до тех пор, пока большая часть стран мира полностью не перейдёт на использование электроэнергии. Китай сегодня играет решающую роль в пере-

распределении основного земельного капитала (драгоценные металлы, камни, нефть и т.д.). Укрепить китайскую валюту поможет переход к новой мировой финансовой системе Базель-III, IV посредством внедрения «Золотого стандарта».

Список литературы

1. *Вакилян М.* Китай: экономический гигант на нефтяной платформе // URL: <https://oilcapital-ru.turbopages.org/turbo/oilcapital.ru/s/article/general/18-05-2022/kitay-ekonomicheskij-gigant-na-neftyanoj-platforme> (Дата обращения: 20.05.2022).
2. *Дейч Т.Л.* Китайские компании на африканских сырьевых рынках // URL: <https://www.inafran.ru/node/57> (Дата обращения: 15.05.2022).
3. *Каплан Р.* Китай: стратегия двух океанов // URL: <https://history.wikireading.ru/338639> (Дата обращения: 14.05.2022).
4. *Кашин В.* Почему опять кипит Южно-Китайское море // URL: <https://carnegie.ru/commentary/61801> (Дата обращения: 12.05.2022).
5. *Коулман Д.* Комитет 300. Что это такое? // URL: <https://mirkultura.ru/komitet-300-cto-eto-takoe-dzhon-koleman/> (Дата обращения: 22.05.2022).
6. *Сони А.* СНООС получит контрольный пакет акций в западноафриканских нефтяных лицензиях // URL: <https://www.reuters.com/article/svenska-deals-сноос-idUKL4N251693> (Дата обращения: 14.05.2022).
7. *Devermont D.* Assessing the Risks of Chinese Investments in Sub-Saharan African Ports // URL: <https://www.csis.org/analysis/assessing-risks-chinese-investments-sub-saharan-african-ports> (Дата обращения: 15.05.2022).
8. *Africa Oil Week.* Understanding Chinese Investment In African Oil And Gas // URL: <https://africa-oilweek.com/Articles/understanding-chinese-investment-in-african-o> (Дата обращения: 22.05.2022).

УДК 372.881.111.22

М.В. Беляева,

кандидат филологических наук,
профессор кафедры германистики и лингводидактики,
Московский городской педагогический университет, Москва

М.И. Аникина,

студентка 4 курса,
институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет, Москва

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ:
НЕМЕЦКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ
В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

M.V. Belyaeva,

PhD of Philological Sciences,
Professor Department of German Studies and Linguodidactics,
Moscow City Pedagogical University, Moscow
E-mail: BelyaevaMV@mgpu.ru

M.I. Anikina,

4th year student,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City Pedagogical University, Moscow
E-mail: akinarita01@gmail.com

**INTERNATIONAL EXPERIENCE IN LANGUAGE EDUCATION:
GERMAN EDUCATIONAL PLATFORMS
IN TEACHING GERMAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. Предлагаемое исследование отражает эффективность реализации международного образовательного опыта в реалиях российского школьного образования. В статье рассматриваются дидактические возможности немецких образовательных платформ в обучении немецкому языку как иностранному на уровне среднего общего образования. Методологическую основу исследования составляют методы и технологии использования электронных образовательных платформ в обучении, описанные А.А. Андреевым и Е.С. Полат, а также методика использования аутентичных ресурсов сети Интернет в обучении иностранному

языку С.С. Хромова и Н.А. Каменевой. Представлен сопоставительный анализ ряда образовательных платформ по критериям, соответствующим общим и предметным педагогическим принципам согласно ФГОС среднего общего образования. Предложена авторская разработка плана-конспекта урока для десятого класса общеобразовательной школы, позволяющая продемонстрировать дидактический потенциал аутентичной платформы «ZUM Deutsch Lernen». Разработанный материал отражает дидактические возможности платформы для развития устно-речевых умений монологической формы речи старших школьников. Приведены результаты апробации данного плана-конспекта в ГБОУ Школа № 1279 «Эврика» города Москвы, свидетельствующие об эффективности ее внедрения в образовательный процесс. Эффективность обуславливают такие аспекты как рост уровня мотивации и активности учащихся в их речевой практике, а также уровня грамотности и логичности производимых ими высказываний.

Ключевые слова: международный образовательный опыт, немецкие образовательные платформы, языковое образование, школьное российское образование.

Abstract. The article discusses the didactic possibilities of German educational platforms in teaching German as a foreign language at the level of secondary general education. The methodological basis of the research is the method and technologies for using electronic educational platforms in teaching, described by A.A. Andreev and E.S. Polat, as well as the method of using authentic Internet resources in teaching a foreign language by M. Castells. A comparative analysis of a number of educational platforms is presented according to criteria corresponding to the general and subject pedagogical principles in accordance with the Federal State Educational Standard of secondary general education. The author's development of a lesson plan for the tenth grade of a general education school is proposed, which allows demonstrating the didactic potential of the authentic platform "ZUM Deutsch Lernen". The developed material reflects the didactic capabilities of the platform for the development of oral speech skills of the monologic form of speech of older students. The results of approbation of this outline plan in GBOU School No. 1279 "Evrika" of the city of Moscow are given, indicating the effectiveness of its implementation in the educational process. Efficiency is determined by such aspects as an increase in the level of motivation and activity of students in their speech practice and, consequently, the level of literacy and logic of their statements. The proposed study reflects the possibilities and effectiveness of the implementation of international educational experience in the realities of Russian school education.

Key words: international educational experience, German educational platforms, language education, Russian school education.

Цифровая трансформация языкового образования является одним из международных образовательных трендов школьного обучения [10]. Она предполагает изучение иностранного языка с использованием информационных технологий и цифровых образовательных ресурсов, в число которых входят образовательные платформы на изучаемом языке. Их использование как преимущество международного опыта позволяет развивать иноязычную коммуникативную и социокультурную компетенции школьников, что выступает главной целью языкового образования на международном уровне.

Методологическую базу исследования составили труды А.А. Андреева и Е.С. Полат, которые рассматривали вопросы теории и практики использования информационных технологий, а также специфика и перспективы применения электронных образовательных платформ и сайтов в обучении. Реализация аутентичных материалов в обучении немецкому языку как иностранному является темой работ Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез. Специфика и перспективы применения образовательных платформ и сайтов в обучении, а также способы оценивания знаний учащихся с помощью информационных технологий представлены в работах Г.О. Петросян и Е.Г. Гришечко.

Дидактические возможности аутентичных обучающих платформ

Большинство исследователей сходятся во мнении, что электронная образовательная платформа — это компьютерная система, которая используется для размещения электронных образовательных ресурсов администраторами платформы [2]. Отличительная черта аутентичных образовательных платформ — это, соответственно, аутентичность публикуемых на них материалов, «которые носители языка продуцируют для носителей языка, собственно оригинальные материалы» (Г.О. Петросян) [6]. Они, в свою очередь, выступают главным аспектом обучения устной речи старшеклассников, что создают на уроке иностранного языка естественную речевую среду, повышая мотивацию учащихся к речевой практике [3].

Инновационное качество аутентичных образовательных платформ заключается в их комплексном и систематизированном содержании, что позволяет ученикам самостоятельно и последовательно изучать новый материал, выполнять практические задания, проводить текущий контроль знаний [9]. Данные дидактические возможности платформ соответствуют основному требованию ФГОС среднего общего образования к обучению иностранным языкам: формированию умений использовать иностранный язык как средство для получения информации из иноязычных источников в образовательных и самообразовательных целях.

Далее приведем ряд дидактических особенностей электронных обучающих платформ, обуславливающих их эффективное использование на уроке иностранного языка, которые были сформулированы Ю.Ю. Хажироковой:

- универсальность применения (использование платформ возможно как при дистанционной, так и при традиционной или гибридной форме обучения);
- доступность материалов (если ученик не может осваивать материал согласно календарно-тематическому расписанию по каким-либо обстоятельствам, то он может пройти пропущенный материал самостоятельно на платформе);
- гибкость в создании уроков и оформлении учебного материала (широкий спектр инструментов и возможностей образовательных платформ поможет учителю создать качественные уроки);
- облегченная проверка самостоятельной работы учеников;
- совершенствование профессиональных навыков учителя (современные технологии и условия быстроразвивающегося мира требуют от учителя постоянного развития его навыков);
- повышение интереса и мотивации учащихся (стимулирование любознательности и ориентация на иноязычное общение) [8].

Согласно А.А. Андрееву, внедрение электронных платформ позволяет учителю гармонично сочетать их с традиционными методами обучения на всех этапах занятия: от организационного

этапа до рефлексии. Это обусловлено возможностью компьютерных программ реализовать:

- презентацию учебного материала ученикам;
- моделирование различных ситуаций общения;
- организацию разнообразных игровых заданий;
- контроль и оценку знаний [1].

В свою очередь, электронные платформы, представляющие аутентичные материалы, согласно О.В. Катковой, могут выступать как основное средство организации урока, при этом учитель лишь направляет деятельность учащихся; отношения учителя с классом основаны на принципах сотрудничества и совместного творчества; преобладают индивидуальные и групповые формы работы [4].

Несмотря на все преимущества аутентичных образовательных платформ, важно учитывать, что они, как и другие информационные технологии, являются лишь средством получения информации и знания, но не выступают самоцелью, а служат, прежде всего, конкретным практическим задачам. Это важное замечание было сделано А.А. Андреевым. Он также указывал на то, что фокус обучения на уроке иностранного языка не должен смещаться с развития речевых навыков и умений на повышение компьютерной компетенции [2]. Для этого предлагается сконцентрировать работу на базе одной платформы, «единой обучающей оболочки», что позволит не отвлекать учащихся от их основной задачи обучения, а «встроенным приложениям иметь вспомогательный характер, обслуживая процесс обучения» [2].

Немецкие обучающие платформы

Немецкоязычный корпус образовательных платформ для изучения немецкого как иностранного предлагает пользователям большой выбор возможностей и инструментов для изучения языка. Однако содержание платформы, использование которой предполагается в школьных условиях, должно соответствовать основным дидактическим и предметным принципам ФГОС. Таким образом, можно определить следующие критерии отбора

наиболее подходящей платформы для её внедрения в процесс обучения старших классов:

- содержание должно предполагать наличие обучающих аутентичных материалов для школьников, соответствующих уровню их языка (B1-B2 по общеевропейской компетенции владения иностранным языком);
- материалы платформы должны быть систематизированы и представлены в различных формах (текстовой, аудиовизуальной, звуковой, графической) для успешной комбинации учителем с целью усвоения, актуализации, контроля приобретенных учениками знаний;
- материалы платформы должны быть доступны для учителя и учащихся и во внеурочное время с целью повторения уже изученного, либо для самостоятельной работы учащихся.

Данным критериям соответствуют такие образовательные платформы как «Schlaukopf.de», «ZUM Deutsch Lernen», «ANTON». Платформы «Schlaukopf.de» и «ANTON» предлагают пользователям, которые изучают немецкий язык как иностранный, широкий спектр образовательных материалов: аудиовизуальные об особенностях грамматики немецкого языка, интерактивные упражнения на развитие языковых навыков, а также различные уровни сложности текстов и заданий для реализации принципа дифференциации, формировании речевых умений. Однако материалы о культуре и особенностях стран изучаемого языка, которые были бы предназначены для развития социокультурной компетенции, не представлены. Полученные результаты сопоставления платформ могут быть основой для их интеграции с дополнительными аутентичными материалами лингвострановедческого аспекта. Сложность для преподавателя в работе с платформами «Schlaukopf.de» и «ANTON» также может заключаться в отсутствии конструктора заданий и упражнений, что не позволяет назвать продукты данных платформ гибкими и, как следствие, они не всегда могут быть органично вписаны в образовательный процесс и способствовать созданию естественной ситуации общения на занятии. Решение данной проблемы предложено платформой «ZUM Deutsch Lernen», ко-

торая предлагает пользователям не только конструктор упражнений и образовательных проектов, но и множество других сервисов и возможностей работы и обучения, среди которых:

- дидактические материалы для преподавателей (описания отдельных методов и готовые сценарии занятий и языковых проектов);
- комплексные задания и цепочки упражнений по отдельным темам;
- интерактивные упражнения и интерактивная доска;
- встроенный словарь с необходимой лексикой (ZUM-Wiki);
- канал на одном из самых популярных сервисов для загрузки видео с обучающими материалами;
- мобильное приложение с возможностью выполнения интерактивных упражнений.

Таким образом, аутентичная образовательная платформа ZUM Deutsch Lernen предлагает наиболее широкий спектр методических материалов и аутентичных образовательных продуктов, которые могут быть использованы школьным учителем для её внедрения в процесс школьного обучения школьников немецкому языку.

Реализация возможностей платформы ZUM Deutsch Lernen на практике:
разработка и апробация плана-конспекта урока

Создание и реализация плана-конспекта занятия, как элемента поурочного планирования в рамках учебной программы старшекласников, позволяет продемонстрировать дидактические возможности использования аутентичных платформ на практике и сформулировать практико-обоснованные выводы об эффективности её внедрения в образовательный процесс.

Важно учесть описанный Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез принцип единства разрабатываемого занятия для школьников. Любое планирование должно иметь системный характер: включать в себя систему взаимосвязанных элементов, ориентированных на достижение конкретной цели, а также самостоятельно выступать частью более сложной системы — программы обучения [3]. Таким образом, план-конспект, который создается в рамках ис-

следования, не может быть создан без опоры на материал, над изучением которого на данный момент работает конкретный класс. Вследствие этого, основополагающим этапом разработки конспекта является выбор школы для осуществления исследовательской деятельности и ознакомление с материалами программы, изучаемыми на данный момент школьниками.

Выбор школы для апробации практической части работы был сделан в рамках весенней педагогической практики. Руководство ГБОУ Школы № 1279 «Эврика», где она проводилась, были заинтересованы в проводимом исследовании, поэтому в рамках работы была предоставлена возможность разработать и провести занятие со старшими классами под контролем преподавателя-методиста, а также осуществить опрос о работе с платформой среди школьников.

Учащиеся десятого класса данной школы изучают немецкий язык по УМК «Горизонты» Аверина М.М., Джин Ф., Рорман Л. Данное УМК структурировано и разделено на главы. На момент проведения исследовательской работы ученики работали над главой «Путешествия», которая была рассчитана на три урока. Согласно содержанию годового поурочного планирования, а также книги для учителя данного УМК было необходимо разработать и провести второе занятие тематического блока под темой «Что я хочу посетить в Германии», ориентированного на создание монологического высказывания, содержащего обоснованный выбор и его аргументацию цели путешествия учащихся.

Планирование занятия должно начинаться с осознания и правильного, четкого определения его конечной цели. Обращаясь к трудам Е.С. Полат, стоит отметить, что цель, поставленная перед занятием, должна также нести в себе заряд определенного навыка или умения, «который выражается в глаголе» [7]. Таким образом, была выведена следующая формулировка основной дидактической цели занятия: «Создание учениками устного монологического высказывания о выбранной ими цели путешествия». Данная формулировка способствует реализации намерений учителя, так как в ней проставлены главные приоритеты работы.

Для создания наиболее наглядного примера занятия с внедрением материалов платформы на большинстве его этапов,

а также для проведения анализа результатов апробации необходимы следующие дополнительные средства: школьная доска и планшеты, мультимедийный проектор, карточки для рефлексии, анкеты опроса об эффективности использования платформы. Последнее должно содержать тезисы, которые бы позволили определить целесообразность и эффективность внедрения материалов платформы. Для этого ученикам предлагается отметить, насколько по пятибалльной шкале они согласны со следующими высказываниями, где пять баллов — это максимальный балл:

- 1) информации платформы ZUM Deutsch Lernen было достаточно для создания высказывания по теме «Что я хочу посетить в Германии»;
- 2) интерактивные упражнения платформы ZUM Deutsch Lernen способствовали эффективному усвоению лексики урока;
- 3) интерактивная доска платформы ZUM Deutsch Lernen была эффективна на этапе организации высказывания;
- 4) благодаря материалам ZUM Deutsch Lernen было составлено лучшее монологическое высказывание за последнее время.

Разрабатываемое нами занятие подразумевает фронтальную, парную и индивидуальную формы работы, что удовлетворяет требования ФГОС для организации занятий.

Первый этап урока является организационным и выступает введением школьников в тему занятия. В тематическом блоке разрабатываемое занятие является вторым, поэтому учителю важно актуализировать материал прошлого урока и подвести учеников к цели актуального.

Следующий этап подразумевает введение новой лексики по теме в ходе просмотра видеоматериала с платформы и сопутствующим выполнением учениками интерактивных упражнений. Просмотр видеоролика «360Video: Barockstadt Dresden», несмотря на фронтальную форму работы, задействует участие всего класса. Такие условия создаются благодаря выполнению упражнений, а также возможности самостоятельного регулирования обзора учениками. Поскольку учитель демонстрирует

свой экран через проектор, то ученики могут влиять на то, что именно они увидят в видеофрагменте и как выполняют задание. Подобный тип работы содержит в себе элемент игры, а также позволяет ученикам сориентироваться в достопримечательностях города Дрезден, о которых они в конце урока представят устное монологическое высказывание.

После просмотра видеоролика наступает этап закрепления усвоенных знаний. Учащимся необходимо спонтанно составить высказывание о том, какие достопримечательности понравились им больше всего. При этом они могут использовать следующие клишированные фразы, которые учитель представляет на доске: «Ich finde ... am schönsten, aber die Geschichte von ... ist interessanter». Подобное упражнение выступает речевой разминкой, а также готовит школьников к созданию более сложных монологических высказываний.

Следующий этап занятия организован в рамках парной формы работы. Учащимся необходимо в парах прийти к общему соглашению, какую достопримечательность они находят для них двоих наиболее интересной. Важно при этом сохранять коммуникацию на немецком языке, поскольку это старшие классы, то клишированные фразы для обсуждения могут быть также вынесены на доску, например, «Ich teile deine Meinung nicht», «Ich bin mit dir einverstanden». Таким образом, на уроке реализуется коммуникативная компетенция, несмотря на то, что основная дидактическая цель занятия — это составление монологического высказывания, которое обладает лишь условным коммуникативным характером [9]. Затем учащимся необходимо с помощью планшетов перейти по активным ссылкам выбранных достопримечательностей на страницу платформы, где к каждой из них представлен ряд вопросов, ответы на которые они могут найти в аутентичных текстах сайта. Учащиеся распределяют между собой, какие бы аспекты они хотели осветить в своём монологическом высказывании, что для них наиболее интересно. Таким образом, реализуются принципы автономности, индивидуальности и доступности, поскольку некоторые вопросы в значительной мере легче других, а значит, могут быть взяты учениками, чей уровень языка ниже [10].

На следующем этапе занятия старшеклассники работают индивидуально над выбранными темами для своих монологов. Коммуникативная ситуация данного задания заключается в представлении информации о цели путешествия одноклассникам с целью заинтересовать их и пригласить на совместное путешествие. Продолжая работать с планшетом, учащиеся переходят к выбранным текстам, обрабатывают их содержание под требуемый план высказывания, который представлен для них на доске и содержит следующие пункты содержания с клишированными фразами.

1. Einleitung: Ich möchte gern ... besuchen, weil ...
2. Die erste Frage: Ich habe die Informationen über Besonderheiten dieser Sehenswürdigkeit gefunden ...
3. Die zweite Frage: Ich habe auch erfahren, wann diese Sehenswürdigkeit eröffnet wurde...
4. Zusammenfassung: Ich schlage euch vor, diese Sehenswürdigkeit zu besuchen! Ich denke, es wäre ...!

На платформе представлены небольшие тексты, которые авторы сайта соотносят с уровнем языка обучающихся В1-В2 соответствующему среднему уровню языка класса, однако на подготовку высказывания, согласно требованиям к реализации подхода «снизу» по Н.Д. Гальсковой, должно быть дано не менее пяти и не более семи минут [3]. Важно, чтобы ученики не прописывали текст полностью, а фиксировали для себя основные детали высказывания [4]. Для этого образовательная платформа ZUM Deutsch Lernen предлагает возможность ведения записей на виртуальном листе — ZUM Pad. Он позволяет школьникам выделять текст разными цветами и шрифтами, копируя информацию или предоставляя возможность добавлять картинки и элементы текстов.

Во время презентации устных высказываний речь школьников не прерывается, а на ошибки учитель указывает после ответа. Это позволяет провести исследование наиболее корректно, чтобы была возможность измерить время речи ученика, не сбивая его на поправки [5]. Количество допускаемых ошибок при этом фиксируется учителем-наблюдателем. Также учитель-наблюдатель отмечает, есть ли прогрессия в формировании устного

высказывания относительно структуры и содержания в отличие от предыдущего опыта монологической речи учеников. Результаты своих наблюдений учитель вносит в представленную ниже таблицу, которая способствует формированию выводов об эффективности применения материалов аутентичной платформы на занятии:

Таблица 1

Таблица фиксации результатов урока-апробации в 10 классе

Параметры анализа	Средства измерения	Результаты апробации	Краткий вывод, рекомендации
Активность учащихся в выполнении задания	Анализ времени речевой активности		
Языковая корректность учащихся	Анализ допущенных ошибок в высказывании		
Логичность высказывания	Фиксирование наличия четкой структуры высказывания		
Содержание высказывания	Фиксирование использования новой лексики в высказывании		

После того, как учащиеся закончат с презентацией своих монологических высказываний, необходимо перейти к заключительному этапу урока — рефлексии, на котором ученики индивидуально оценивают свою работу на уроке, отвечая на следующие вопросы.

1. Работа с материалами аутентичной платформы ZUM Deutsch Lernen далась мне легко/сложно, так как...
2. Создание монолога далось мне легко/сложно, потому что...
3. Работа в группе (не) вызвала сложностей, так как...

4. К следующему занятию мне нужно повторить лексику/грамматику/клише с сегодняшнего занятия, чтобы усовершенствовать свою речь на немецком языке.

На проведение данного этапа уделяется не более пяти минут. Согласно ФГОС, урок должен заканчиваться раздачей задания на дом, благодаря которому ученики смогут продолжить работу над темой и актуализировать знания перед следующим занятием [3]. В качестве домашнего занятия ученикам может быть предложена гиперссылка на интерактивный опрос платформы ZUM Deutsch Lernen по теме занятия, а именно о достопримечательностях города Дрезден, о выполнении которого ученики могут отчитаться в электронном журнале. После того, как учащиеся оценят свою работу на занятии и получают домашнее задание, они могут принять участие в опросе об эффективности платформы.

Таким образом, был разработан дидактически и методически аргументированный конспект урока, который включает в себя работу с материалами платформы ZUM Deutsch Lernen на каждом этапе и соответствует всем требованиям ФГОС к структуре и содержанию урока иностранного языка.

Результаты внедрения материалов немецкой образовательной платформы «ZUM Deutsch Lernen»

Проведя аналитическую работу над результатами опросов учащихся десятого класса, подсчитав количество баллов по каждому из пунктов и выведя средний балл для значения «максимальный» — 5, «средний» — 3,5, «минимальный» — 1, представляется возможным привести следующий график для наглядности исследования эффективности внедрения платформы ZUM Deutsch Lernen:

Опираясь на результаты опроса старшеклассников можно сделать следующие выводы об эффективности использования аутентичной образовательной платформы ZUM Deutsch Lernen:

- все учащиеся десятого класса считают информацию, которая предложена платформой достаточной для создания монологического высказывания по заданной теме;

- абсолютное большинство учащихся согласно с утверждением, что представленные на платформе интерактивные упражнения способствуют эффективному усвоению лексики;
- отношение к использованию такого средства платформы как интерактивная доска при организации монологического высказывания различно: двое из семи учащихся класса оценили её эффективность как среднюю, а один человек из класса посчитал её неэффективной;
- все учащиеся класса за исключением одного человека согласны с утверждением, что, опираясь на материалы платформы ZUM Deutsch Lernen, им удалось создать одно из лучших монологических высказываний за последнее время.

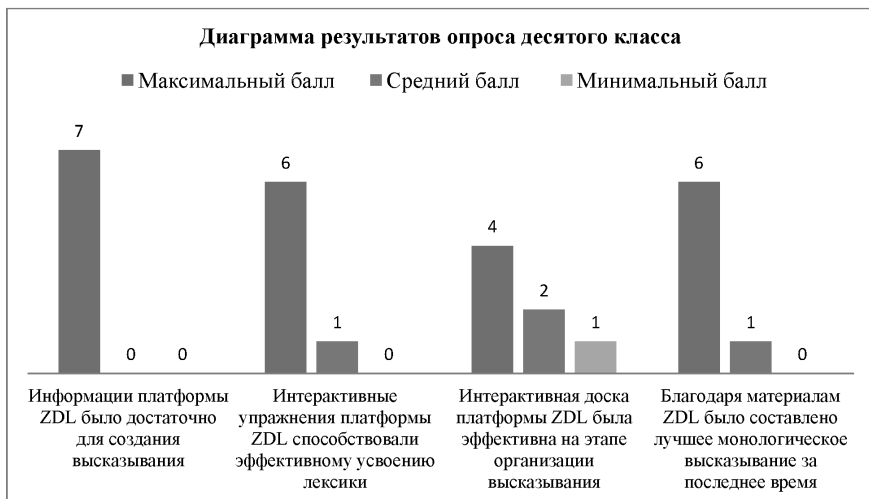

Диаграмма 1. Диаграмма результатов опроса десятого класса

Таким образом, у учащихся сложилось положительное впечатление от работы с платформой ZUM Deutsch Lernen, и абсолютно большинство учеников признало высокую эффективность внедрения материалов данной аутентичной платформы для развития умений монологической устной речи. Исключением выступает спорное отношение к работе с интерактивной страницей

для записей — ZUM Pad, что может быть объяснено недостаточным навыком работы с подобным ресурсом.

Анализ результатов опроса учителя-наблюдателя также показал положительную оценку эффективности использования материалов аутентичной образовательной платформы для развития устной речи школьников, что доказывают выведенные им суждения:

- ученики проявляли активное участие при выполнении заданий, время их речевой активности на уроке превышало показатели предыдущих занятий по теме;
- параметр языковой корректности был отмечен снижением количества допущенных лексических ошибок, что свидетельствует об эффективном усвоении лексики классом; при этом допущение грамматических ошибок осталось на прежнем уровне;
- учащиеся придерживались заданных структур высказывания, что определило логичность и связность монологических высказываний;
- содержание высказывания учащихся было отмечено активным использованием новой лексики и фраз.

Таким образом, результаты апробации плана-конспекта занятия и внедрения материалов аутентичной платформы ZUM Deutsch Lernen были определены преподавателем-наблюдателем как положительные. Была дана высокая оценка структуре занятия, а также активному использованию дополнительных информационных ресурсов и инструментов.

Реализация международного опыта в школьном языковом образовании в России: выводы

Использование международного опыта в языковом образовании является эффективным инструментом для создания естественной и динамичной образовательной среды. Благодаря дидактическому потенциалу аутентичных образовательных платформ, которые могут быть использованы в обучении иностранному языку на уровне среднего общего образования, учащимся открываются новые перспективы работы с информацией и ее усвоением. В ходе данного исследования было установлено, что внедрение аутентичных образовательных платформ повышает мотивацию уча-

щихся к обучению и активной языковой практике, а также параметры логичности и грамотности их речи, что были установлены их ведущим преподавателем-наблюдателем. Таким образом, содержание данной работы может выступать основой для дальнейших исследований и создания технологий работы с аутентичными обучающими платформами в старшей школе.

Список литературы

1. *Андреев А.А.* Дидактические основы дистанционного обучения. — М.: РАО, 1999. — 120 с.
2. *Андреев А.А.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Открытое образование. — 2013. — № 5. — С. 31–42.
3. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. — 3 — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 336 с.
4. *Каткова О.В., Мухина М.В., Гуреева Е.П., Мартысевич В.В.* Использование электронных образовательных ресурсов обучающимися в дистанционном образовании // Вестник педагогических наук. — 2021. — № 7. — С. 16–21.
5. *Кудрина В.Р., Медведева О.А.* Инновационные технологии дистанционного обучения // Modern Science. — 2021. — № 2–1. — С. 271–274.
6. *Петросян Г.О., Гришечко Е.Г.* Возможности использования цифровых образовательных платформ в преподавании английского языка: теоретический аспект // Вопросы прикладной лингвистики. — 2021. — № 43. — С. 88–115.
7. *Полат Е.С. Бюхаркина М.Ю., Моисеева М.В.* Теория и практика дистанционного обучения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 416 с.
8. *Хажирокова Ю.Ю.* Сравнительный анализ платформ для дистанционного обучения в образовательной среде // Педагогическая перспектива. — 2021. — № 2. — С. 42–49.
9. *Хромов С.С., Каменева Н.А.* Методика использования аутентичных Интернет-ресурсов для обучения иностранному языку // Russian Journal of Education and Psychology. — 2015. — № 7(51). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-autenticnyh>

internet-resursov-dlya-obucheniya-angliyskomu-yazyku (дата обращения: 30.04.2022).

10. Хромов С.С. На пути к смарт-технологиям в преподавании иностранных языков // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 4. — С. 169–171.

УДК 81

П.В. Басова,

студентка 1 курса,

направление «Межкультурная коммуникация. Немецкий язык»,

Московский городской педагогический университет, Москва

Ю.В. Красовицкая,

кандидат филологических наук, доцент,

Московский городской педагогический университет, Москва

ПРОГРАММЫ СТУДЕНЧЕСКОГО ОБМЕНА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

P.V. Basova,

1st year student,

direction “Intercultural Communication. German language”,

Moscow City Pedagogical University, Moscow.

E-mail: basovapv@mgpu.ru

Y.V. Krasovitskaya,

PhD of Philological Sciences, Associate Professor,

Moscow City Pedagogical University, Moscow.

E-mail: krasovickayayuv@mgpu.ru

STUDENT EXCHANGE PROGRAMS AS AN OPPORTUNITY FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE MODERN WORLD

Аннотация. В статье рассматривается проблема важности влияния, наряду с языковым обменом, культурного и психологического взаимодействия студентов с местными жителями во время зарубежных стажировок. Основу исследования составляют отзывы студентов ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ направлений «педагогическое

образование» и «теория и практика межкультурной коммуникации» об обучении в вузах Австрии, Германии, Великобритании и России.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, стажировка, культурные особенности.

Abstract. The article deals with the problem of the importance of the influence of cultural and psychological interaction of students with residents during foreign internships. The basis of the study is the reviews of students at the Institute of Foreign Languages at the Moscow City University in the areas of “pedagogical education”, “theory and practice of intercultural communication”.

Key words: intercultural communication, internship, cultural peculiarities.

Дисциплина межкультурная коммуникация занимается изучением взаимодействия культур и межличностного / группового общения представителей различных социальных слоев. В теоретическом и практическом отношении этот раздел общей теории коммуникации описывает условия реализации взаимодействия и возможные причины межкультурных конфликтов на базе аксиологических и нормативных различий [1, с. 6–8].

Актуальность дисциплины определяется, помимо прочего, высокой частотностью глобальных изменений во внешней политике стран, а также вектором развития мировой экономики, которые влекут за собой потребность в разрешении острых межкультурных конфликтов для достижения дипломатической стабильности [9, с. 5–7]. Межкультурные конфликты зачастую возникают по причине культурных различий. Согласно Ричарду Льюису, британскому лингвисту и специалисту в области межкультурной коммуникации, культурная дифференциация формируется с первых дней жизни ребенка и впоследствии лишь развивается и углубляется [13, с. 17–19].

Культуру можно определить как «ментальное программное обеспечение», включающее в себя все те модели мышления, чувств и действий, которые усвоены индивидом из ближайшего социального окружения, существующего по негласным правилам, и те модели, что выработаны самостоятельно на основе жизненного опыта [12, с. 5–7]. Культурные различия нередко становятся преградой для взаимодействия. В связи с этим важно изучать культурную антропологию страны изучаемого языка.

Студенческий обмен, зарубежные стажировки являются неотъемлемой частью получения и оттачивания навыков межкультурной коммуникации. Подобный опыт приобретает особую актуальность для студентов, изучающих иностранные языки и культуры.

В ходе стажировки у студента формируется межкультурная компетенция, которую невозможно усвоить на основе только лишь теоретического материала. Это связано с тем, что она базируется не только на языковедческих и страноведческих познаниях студента, но и на культурологическом и психологическом уровнях подготовки к коммуникации [10, с. 103]. Таким образом, можно предположить, что недостаточное внимание к особенностям культуры и взаимодействия с представителями изучаемого языка способно стать преградой в достижении взаимопонимания и эффективного сотрудничества. Предметные знания должны сочетаться, помимо прочего, с «личностным потенциалом и умением самостоятельно мыслить» [4, с. 33].

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис нами было проведено исследование, в ходе которого были собраны и проанализированы отзывы студентов ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ о стажировках в университетах-партнерах. Студенты, прошедшие практику за рубежом, дали интервью и ответили на следующие вопросы.

По какой программе Вы проходили стажировку?

На каком курсе?

Назовите страну и город пребывания.

Как долго проходила стажировка?

Где Вы проживали (общежитие/съемное жилье)?

С кем (с семьей/студентами из России/иностранцами)?

Расскажите о сложностях, с которыми Вы столкнулись при коммуникации.

Назовите примечательные культурные различия.

Опишите важные на Ваш взгляд особенности в укладе жизни иностранцев.

Как проходило обучение/стажировка?

Опишите Ваши впечатления от поездки.

Сбылись ли ожидания от программы?

Что бы Вы изменили?

В опросе приняли участие:

Елизавета Морозова, студентка 4 курса ИИЯ МГПУ по направлению ПОб АНГ, проходившая стажировку в городе Ноттингем (Великобритания) по программе «Тандем Ноттингем» в течение семестра с 2021 по 2022 год.

Ангелина Добрынина, студентка 3 курса ПОб НЕМ (ИИЯ МГПУ), находящаяся на стажировке в городе Байройт (Германия) по программе обмена между университетом МГПУ и Байройтским университетом сроком на два семестра.

Анастасия Вьяльцева, гражданка Германии, обучающаяся дистанционно на 2 курсе ИИЯ МГПУ на направлении «Педагогическое образование (немецкий язык)».

Также из открытого источника [11] было взято и проанализировано интервью выпускницы бакалавриата ИИЯ МГПУ по направлению «Теория и практика межкультурной коммуникации. Немецкий язык» Марии Шутовой, проходившей стажировку в Университете прикладных наук Бургенланда, Айзенштадт (Fachhochschule Burgenland, University of Applied Sciences) по программе обмена Erasmus+ в течение пяти месяцев с 2019 по 2020 год.

В первую очередь нужно отметить, что большую роль во время стажировки играет место проживания студента. Оно формирует его языковую среду. В случае если студент проживает совместно с русскоязычными или англоязычными (английский как язык международной коммуникации) студентами, коммуникация с коренными жителями будет выстраиваться сложнее. Это связано с тем, что вопросы быта составляют значимую долю повседневного взаимодействия человека. Однако подобная схема проживания студентов за рубежом положительно влияет на их ментальное здоровье. Студенту проще адаптироваться на новом месте, так как появляется четкое разграничение времени, когда студент сосредоточенно выстраивает коммуникацию с носителями языка и когда он может расслабиться и решить бытовые вопросы без стрессовых факторов. Быстрой и безболезненной адаптации также способствуют групповые мероприятия,

направленные на сплочение коллектива, а также совместный досуг. Это отмечает Мария Шутова:

«Я морально готовила себя к тому, что адаптационный период в другой стране может занять какое-то время, но, к счастью, для меня он оказался совершенно безболезненным. Наверное, я просто очень долго мечтала об этой стажировке и с самого первого дня старалась не терять ни единой минуты. Я очень благодарна координаторам из принимающего университета Австрии, которые всегда были рады помочь и ответить на вопросы. Кроме того, для нас выделили целую неделю, в течение которой мы посещали различные экскурсии по городу, знакомились с другими иностранными студентами, что тоже сыграло большую роль в легкой адаптации».

Данные опроса подтверждают сделанные наблюдения:

Где Вы проживали (общежитие/съёмное жильё)?

«Общежитие».

С кем (с семьёй/студентами из России/британцами/иностранцами)?

«С британцами/иностранцами».

С какими сложностями Вы столкнулись при коммуникации?

«Акценты, непонимание сленга».

Какого было решать бытовые вопросы на иностранном языке? Можно ли назвать проживание с британцами и иностранцами погружением в языковую среду?

«Это однозначно погружение в языковую среду. Бытовые вопросы было решать не столько сложно, сколько интересно, так как я специально ехала с желанием понять культуру и язык Великобритании, и мне было очень полезно решать вопросы, например, со сломанным чайником, неработающим отоплением или переселением из одного холла в другой именно на английском. Такой диалог вряд ли разыграешь на паре по английскому языку, поэтому я не боялась таких проблемных ситуаций, а наоборот воспринимала их как своеобразный challenge».

Елизавета Морозова

Где и с кем Вы проживаете?

«Я проживаю в общежитии с иностранцами».

Расскажите о сложностях, с которыми Вы столкнулись при коммуникации.

«Сложности в коммуникации возникают из-за языка, когда не понимаешь речь, или не знаешь значение какого-то слова, то приходится переспрашивать или просить переформулировать».

Ангелина Добрынина

Все студентки отмечают акцент и сленг, как препятствие к коммуникации. Они в значительной мере затрудняют понимание. В остальном же проживание в общежитии с носителями языка способствует развитию коммуникативных навыков. Этот вывод можно сделать и исходя из опыта Анастасии Вяльцевой. Благодаря проживанию в Германии она смогла быстрее и эффективнее усвоить немецкий язык.

«Мы с семьей переехали в Германию, когда мне было 14 лет. Родители приняли это решение, так как экономическая ситуация в Германии была намного стабильнее, чем в нашей родной Латвии (я из Риги).

*По началу было сложно освоиться, никто из нас не знал ни слова на немецком. В сентябре я пошла в школу. Родители не решились отдать меня в гимназию, так как нас запугали, что там очень сложно учиться. Поэтому мы решили записаться в *Hauptschule*, где учатся до 10 класса. Из-за незнания языка меня снова отправили учиться в 7 класс, хотя я должна была идти уже в 8. На первой неделе в школе сформировали отдельный класс, где были собраны все дети-мигранты, не знающие немецкого языка. Каждый день с 1 по 4 урок вместо обычных предметов я посещала курсы немецкого языка. Они абсолютно бесплатные, как и все школьное образование в Германии.*

*Ежедневно слушая немецкую речь, я быстро учила язык. Через полгода в *Hauptschule* я все же решила попробовать свои силы в гимназии. Сначала меня не хотели принимать в новую школу, так как по программе с 6 класса дети учат французский язык, к тому же мой немецкий на тот момент был далек от идеала. Пообщавшись с директором, я показала ему хорошие знания английского языка, так как учила его с первого класса*

(в отличие от немецких школьников, которые учат его только с 5 класса), и он решил дать мне шанс».

Анастасия Вяльцева

Акцент как «внесение в чужую фонологическую систему навыков своей фонологической системы» [8, с. 155] имеет большое значение в межкультурной коммуникации. Фонетический аспект нередко является одним из наиболее важных аспектов при определении, социальной принадлежности. Он влияет на престиж говорящего. Произносительные признаки демонстрируют социокультурный уровень, который, в свою очередь, способен подвергаться дискриминации [7, с. 163–166].

«Вливаться в новый коллектив было трудно, я столкнулась с буллингом. Одноклассники смеялись надо мной, потому что я не знала немецкого языка и не могла понять всего, что они говорили. Дети очень жестоки, особенно в таком возрасте. Другой мне удалось завести только к 11 классу, и то девочки были не немками, а русскими».

Анастасия Вяльцева

Социокультурные различия — это такой же барьер в реализации межкультурной коммуникации, как и лингвистическая компетенция. Без знания национальной лингвокультуры и особенностей менталитета страны изучаемого языка не удастся достичь полного взаимопонимания с иностранцем [5, с. 12]. В связи с этим важно акцентировать внимания на культурных различиях между странами. Так, адаптация в иностранной среде будет мягче, а коммуникация эффективнее.

«... один из больших плюсов Германии — мультикультурализм. Настоящих немцев осталось не так много. Большинство уже давно смешалось с другими национальностями. Сами по себе немцы очень терпеливы, с пониманием относятся к иностранцам. Они всегда стараются понять, что ты пытаешься им сказать, даже если приходится объяснять на пальцах. Немцы хотят, чтобы иностранцы, живущие в Германии, знали немецкий язык. Все взрослые могут пройти курсы немецкого языка и сдать экзамен для получения сертификата. Иностранцев не ущемляют в правах, помогают найти работу. В этом плане они молодцы».

Как и везде, в Германии есть свои минусы, о которых не узнаешь, не прожив здесь. Например, нужно хранить каждый чек и квитанцию об оплате. За почти 9 лет в Германии у нас образовалось минимум 3 офисные папки, в которых мы храним все эти бумажки. Зачем? Все просто: немцы те еще вымогатели. Иногда они могут предъявить, что у вас осталась задолженность, например, по оплате воды. Причем могут предъявить это за любой месяц из последних 8 лет. И если у вас на руках не будет квитанции или чека, то вам придется заплатить, даже если вы точно уверены, что платили за это. Их любимая отмазка: «Простите, мы не внесли ваши данные в компьютер».

Постоянные очереди — еще одна большая проблема. Куда бы вы ни хотели пойти (мэрия, врач, банк и т.д.) всегда нужно записываться, желательно за 3 недели. Если вам срочно надо к врачу, вызывайте скорую. Просто так без записи никакой врач вас не примет. Хотите открыть счет в банке, тоже ждите, пока дойдет ваша очередь».

Анастасия Вяльцева

«Если говорить о немцах, то они в большинстве своем не очень открытые и общительные люди, пока вы с ними не в хороших дружеских отношениях. Факты, что немцы никогда не опаздывают и у них в доме всегда порядок, оказались мифом».

Ангелина Добрынина

Назовите примечательные культурные различия.

«Культура общения, культура отдыха и еда».

Опишите важные на Ваш взгляд особенности в укладе жизни.

«Я жила на кампусе, поэтому именно уклад жизни не почувствовала какой-то определённый, все студенты занимаются своими делами, сконцентрированы на себе, все занятия и активности в вузе направлены на самореализацию и саморазвитие».

Что значит культура общения, отдыха и еда? В чем отличия? Можете ли Вы привести пример, описать реальную ситуацию?

«Все очень индивидуально, я бы не стала разграничивать русские/британцы, потому что есть разные русские и разные британцы».

Что касается общения, то это small talks, общение из вежливости, тот самый шаблонный разговор о погоде, как мне показалось, они меньше важности вкладывают в эти разговоры, и они часто ничего не значат, то есть если мы мило поболтали, то это не значит, что мы начали дружить и т.д.

Отдых (опять же нужно помнить, что я жила в общежитии), это любовь к пиву, они очень любят пить пиво, чуть ли не каждый вечер в университетских кафе или пабах можно найти компанию молодых людей, ещё клубы и вечеринки, и нормальное отношение к марихуане, которое они не скрывают.

Еда в столовке: English breakfast каждое утро, fish and chips каждое воскресенье, успела соскучиться по нашим супчикам и гречке.

Ещё раз хочу отметить, что это личный опыт и не нужно из этого делать какое-либо общее определение обо всех англичанах, я ведь жила на кампусе со студентами, в основном первокурсниками, у которых это, по сути, первый опыт независимой от родителей жизни и это скорее характеристика этой тоникой прослойки общества, а не его бесконечного разнообразия».

Елизавета Морозова

«В Европе очень много внимания уделяется экологии и проблемам окружающей среды. Одним из обязательных мероприятий курса по управлению международными проектами была конференция в Визельбурге, где мы разрабатывали схему использования многоразовой посуды в точках общественного питания (проект Rephil)».

Мария Шутова

Сильные культурные различия способны отразиться на образе жизни студента, а также повлиять на его будущие решения.

«Еще когда мы переехали в Германию, я поняла, что в местных университетах учиться не хочу.

Во-первых, осталась травма от буллинга в школе, боялась, что не смогу снова влиться в коллектив.

Во-вторых, в школе нас запугивали, что в университете очень сложно, половина отчисляется уже в первом семестре и т.д. К тому же, я видела отношения учителей со школьниками

ми. В Германии это не те теплые отношения, к которым мы привыкли, а скорее чисто деловые. Учителям в целом нет дела до школьников, главное, чтобы оценки нормальные получали. Общение с учителем заканчивается, когда звенит звонок с урока.

Я, честно говоря, испугалась, что мне будет еще сложнее, чем немецкоговорящим студентам. Мой немецкий, конечно, и был на хорошем уровне, но мне казалось этого недостаточно, чтобы учиться в университете.

В 10 классе я познакомилась с молодым человеком, он сам был иностранным студентом (из Азербайджана), учился в университете в моем городе. Мы стали встречаться, а когда его обучение закончилось, он решил переехать в Россию, в Москве ему предложили работу. Мне тогда оставался последний год в школе, так что мы договорились, что я перееду к нему и поступлю в вуз в Москве».

Анастасия Вяльцева

Немалую роль в вопросе межкультурной коммуникации сыграли события 2020 года, когда эпидемиологическая ситуация в мире сильно ухудшилась, и страны были вынуждены прервать авиасообщения и закрыть границы. Стал развиваться новый тип коммуникации в дистанционном режиме. Появились новые образовательные онлайн-платформы, позволяющие студентам учиться в родной стране, не совершая переездов и не подвергая свое здоровье угрозе.

«В 2020 году весь мир закрылся на карантин, но я не сдавалась. Наш вуз я выбрала еще в феврале. Точно знала, что хочу учиться именно здесь. Я не могу объяснить это желание, просто было чувство, что здесь мне понравится. И я не ошиблась. Сразу после получения аттестата, я начала подготовку к вступительным экзаменам. Я решила, что с моими знаниями немецкого языка и любовью к преподаванию (я работала 5 лет тренером по фигурному катанию в Германии), мне стоит попробовать себя в роли учителя немецкого языка. Всего надо было сдать 3 экзамена: немецкий, русский и обществознание. С первым проблем возникнуть не должно было, а вот с русским и обществознанием было труднее. Хорошо, что наш вуз предла-

гает подготовительные курсы к вступительным экзаменам. Обществознание было для меня темным лесом, такого предмета в Европе нет, но я успешно подготовилась и сдала. Русский я учила в Риге, но мои знания заканчивались на уровне 7 класса, к тому же я многое забыла, но и тут мне помогли с подготовкой, и я получила хорошие баллы.

Первый год я проучилась полностью на дистанте. Границы были закрыты из-за пандемии. И вот наш вуз прошел еще одну проверку на прочность. Ни один из преподавателей не отказал мне в помощи. В то время, когда все были в аудитории, меня подключали через Teams к паре. Я успешно сдала все экзамены, как в первом, так и во втором семестре, присутствовала на всех парах и училась наравне со всеми. Летом 2021 года я наконец-то приехала в Москву. Мы с моим молодым человеком снимали квартиру в Чертаново. Проблем с этим у нас не возникло, хозяйка попалась очень отзывчивая.

В Москве я быстро привыкла к новой жизни. Я хорошо себя чувствую здесь, так как наконец-то, впервые в жизни, живу в стране, где все говорят на моем родном языке. Сначала меня поразила скорость жизни в мегаполисе. В Германии никто никуда не торопится, жизнь течет плавно, а здесь все куда-то спешат. Но даже в этом я нахожу что-то интересное, ведь город живет 24/7.

1 сентября я наконец-то пришла на очные занятия. Я в восторге от нашего университета! Я не знаю, как было бы в Германии, но в российском университете мне нравится. Это совсем не то, что рассказывали нам учителя в школе. Это совсем не страшно, а отношения педагогов к студентам очень теплые. Все относятся с пониманием. За 2 года обучения я не встречала педагога, с которым было невозможно договориться, или который валил бы на зачете/экзамене».

Анастасия Вяльцева

«Обучение в первом семестре проходило в режиме карантина, занятия были онлайн, из-за чего не особо удавалось ощутить студенческую жизнь в другой стране. Во втором семестре сейчас мы учимся офлайн в университете, и могу сказать, что это огромная разница, ходить на разные пары с другими студента-

ми, общаться вживую с преподавателями, это уже совсем другое, чем сидеть перед компьютером».

Ангелина Добрынина

Дистанционное образование оценивается студентами как менее эффективное. Отсутствие зрительного контакта преподавателя со студентом, а также низкий уровень вовлеченности в учебный процесс из-за пониженной концентрации — провоцируют ухудшение успеваемости студентов. Применимо к вопросу межкультурной коммуникации отсутствие контакта с носителями языка препятствует усваиванию языковой компетенции. Для того, чтобы проследить это можно сопоставить отзывы А. Добрыниной и А. Вьялцевой с отзывами М. Шутовой и Е. Морозовой.

«Мне очень повезло, что университет находился в двух минутах ходьбы от общежития, где я жила. Занятия начинались с 9:30 и заканчивались в 15:00, иногда в 17:10. с 13:00 до 14:00 — обеденный перерыв. Примечательно, что в университете нет звонков, и преподаватель сам контролирует, когда необходимо сделать перерыв между парами. Занятия проходят в небольших группах, теоретические знания всегда сопровождаются практической подготовкой. Лекции и семинары проходили на немецком и английском языках».

Мария Шутова

«Стажировка проходила замечательно, благодаря не такой загруженности по учебе по сравнению с нашим вузом я смогла путешествовать, что было очень ценно для меня».

Елизавета Морозова

Коммуникация — важнейший компонент образования студентов в течение зарубежных стажировок. Во многом именно она формирует общее впечатление о пребывании в стране изучаемого языка.

«Программа превзошла все мои ожидания. ... Я бы изменила официальную/бюрократическую сторону организации поездки, если бы это было возможно конечно, так как это было достаточно сложно при условии ковида и особенностей работы британской бюрократии».

Елизавета Морозова

«Я ехала без каких-либо ожиданий, не зная, что меня ждет. И могу сказать, что программа очень нравится. Изменила бы структуру программы, потому что я сейчас должна параллельно учиться и в Байройте, и в Москве из-за несовпадений программ и предметов, и это очень тяжело. Было бы здорово, если бы можно было сконцентрировать только на учебе в Германии, а потом перезачесть все предметы».

Ангелина Добрынина

«В рамках программы мне удалось попробовать себя в сферах деятельности, о которых я никогда раньше не думала: например, бизнес английский, управление международными проектами, английский в сфере коммуникации. Примечательно, что бизнес-английский и английский в сфере коммуникации преподавали носители языка из Великобритании.

Благодаря курсу по практике немецкого языка в сфере бизнеса и коммуникации, мне удалось значительно повысить свой уровень владения языком, избавиться от языкового барьера, а также узнать много нового об Австрии. В конце стажировки я сдала языковой экзамен ÖSD по немецкому на уровень B2.

В рамках курса по организационному развитию (organizational development) мы проводили исследования о влиянии разницы в поколениях на работу в одной команде. С уверенностью могу сказать, что опыт анализа подобной информации, а также методы интервьюирования людей очень важны для меня как для специалиста по межкультурной коммуникации.

Повторюсь, что для меня как для будущего специалиста по межкультурной коммуникации опыт стажировки в Австрии — бесценен. Мне удалось пообщаться с представителями разных стран и культур, попрактиковать немецкий и английский. Обучение в Австрии помогло мне понять, насколько разнообразен наш мир, позволило стать более открытой к новому, коммуникабельной, не бояться перемен, стремиться к своим целям. Это был выход из зоны комфорта, ведь раньше я даже подумать не могла, что я буду принимать участие в проектах по охране окружающей среды, например. Благодаря стажировке в Австрии я не только приобрела очень много практических навыков, применимых в сфере межкультурной коммуникации,

но и много нового узнала о себе. Я бы однозначно выделила этот опыт как один из главных ступеней моей жизни. Теперь я знаю, к чему я хочу стремиться, и уверена, что благодаря собственным усилиям все обязательно сбудется».

Мария Шутова

«Все мои ожидания оправданы. Я ни разу не пожалела, что выбрала именно этот вуз. Отношения с однокурсниками прекрасные, с педагогами тоже. Я никогда не думала, что мне будет нравиться учиться. Не говоря уже о том, что я с удовольствием буду вставать утром, чтобы полтора часа ехать на учебу.

Если бы меня вернули в прошлое, я бы без сомнений снова выбрала МГПУ».

Анастасия Вяльцева

Студенческие стажировки не только дают возможность получить бесценный опыт погружения в языковую среду изучаемого языка, но и помогают многим студентам расставить жизненные ориентиры. Современные программы обмена готовят лингвистов с четким пониманием культурных особенностей страны и ее лингвокультуры. Это способствует налаживанию межкультурных связей в разных областях таких, как политика или экономика.

Межкультурную коммуникацию нельзя рассматривать в отрыве от политической обстановки. С помощью средств массовой информации последняя влияет на мировоззрение общества и взаимоотношения между культурами и народами [6, с. 120]. Стоит отметить, однако, что на сегодняшний день межкультурная коммуникация осложняется также нестабильностью эпидемиологической ситуации в мире [3, с. 39–41]. За прошедший два года количество студенческих стажировок сократилось до минимума в связи с закрытием международных границ на фоне вспышек коронавирусной инфекции. С февраля 2022 года осложнился или был приостановлен процесс выдачи разрешительных документов для пересечения границ с такими странами, как Чехия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Эстония и Латвия [2]. В этом году студенческие стажировки в МГПУ были отменены, студенты не допускаются к учебному процессу из-за введенных

ограничений, связанных с политической ситуацией в Европе. (Из четверых германистов лишь один отказался от стажировки по собственному желанию, трое других не были допущены.)

Мы хотим выразить надежду на скорое улучшение политической и эпидемиологической ситуаций и на возобновление студенческого обмена в полном объеме.

Список литературы

1. *Гузикова, М.О.* Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие] / М.О. Гузикова, П.Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 124 с.
2. Какие страны перестали выдавать визы гражданам России // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/visa-ban/> (дата обращения 05.05.22).
3. *Касьянов В.В., Беликова Н.Ю., Гафиатулина Н.Х.* Язык катастрофы: Влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 2. — С. 28–42.
4. *Красовицкая Ю.В.* Аудиобиблиотека онлайн и ее ресурсы для изучения немецкого языка на всех уровнях // Преподавание иностранных языков и новые подходы к академическому сотрудничеству в эпоху интернета: материалы Междун. научно-практ. конф. (Москва, 26 марта 2018) / под общ. ред. Е.А. Бобровой. — М.: РЕЛОД, 2018. — С. 32–39.
5. *Кренска Н.* К вопросу о межкультурной коммуникации и культурных различиях при обучении иностранному языку // Русистика. — 2008. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhkulturnoy-kommunikatsii-i-kulturnyh-razlichiyah-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения 05.05.22).
6. *Назарова Е.А.* Межкультурные коммуникации в политическом пространстве (рецензия на монографию Сулеймановой Ш.С. Межкультурные коммуникации в современном политическом дискурсе) // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2021. — № 2. — С. 118–123.
7. *Попова М.В.* Роль произносительного акцента при определении социальной принадлежности говорящего // Вестник МГЛУ. — 2015. — № 15(726). — С. 160–169.

8. *Реформаторский А.А.* Обучение произношению и фонология // Филологические науки. — 1959. — № 2. — С. 145–157.
9. *Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация: учебное пособие / А.П. Садохин. — М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. — 288 с.
10. *Сорокина Н.В.* Влияние зарубежных стажировок на национальные стереотипы студентов: проблемы межкультурного обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2013. — № 2(10). — С. 103–110.
11. Студентка ИИЯ рассказывает о стажировке в Австрии // URL: <https://www.mgpu.ru/studentka-iiya-rasskazyvaet-o-stazhirovke-v-avstrii/> (дата обращения 02.05.22).
12. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. Revised and expanded. — 3rd ed. — N.Y.: McGraw. Hill USA, 2010. — 561 p.
13. *Lewis R.D.* When Cultures Collide / R.D. Lewis. — Boston; London: Nicholas Brealey International, 2006. — 599 p.

УДК 314.742

Ю.Л. Брюхова

студентка 3-го курса,
факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ДИНАМИКА ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В ИНДИЙСКОМ ШТАТЕ МЕГХАЛАЯ

Yu.P. Briukhova

3rd year student,
faculty of international relations, political science and area studies,
Russian State University for the Humanities, Moscow
E-mail: Julia-Brukhova@yandex.ru

DYNAMICS OF THE MIGRATION PROBLEM IN THE INDIAN STATE OF MEGHALAYA

Аннотация. Статья посвящена основным тенденциям и проблемам миграции в индийском штате Мегхалая. В статье представлена историческая ретроспектива возникновения и развития проблемы миграции в штате Мегхалая. Также в статье

освещаются современные тренды и динамика миграционного вопроса в Мегхалае. Проведены параллели между историей проблемы миграции в штате Мегхалая и современными трендами. Проанализированы территориальные конфликты и их влияние на жизнь населения штата. Вместе с проблемой миграции в статье рассматривается проблема национального самосознания и этнической принадлежности в штате Мегхалая.

Ключевые слова: Мегхалая, проблема миграции, территориальные конфликты, проблема этнической принадлежности

Abstract. The article is devoted to the main trends and problems of migration in the Indian state of Meghalaya. The article presents a historical retrospective of the emergence and development of the migration problem in the state of Meghalaya. The article also highlights the current trends and dynamics of the migration issue in Meghalaya. Parallels are drawn between the history of the migration problem in the state of Meghalaya and modern trends. Territorial conflicts and their impact on the life of the population of the state are analyzed. Together with the problem of migration, the article examines the problem of national identity and ethnicity in the state of Meghalaya.

Key words: Meghalaya, the problem of migration, territorial conflicts, the problem of ethnicity.

Миграция людей является универсальным явлением, и она происходила на протяжении всей истории человечества. Это также было признано одним из основных прав человека во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Почти все регионы мира испытали миграцию людей того или иного типа, вызванную теми или иными факторами, и едва ли найдется регион, не затронутый этим явлением. Часто происходит миграция людей из регионов с большей плотностью населения в регионы с меньшей плотностью, из регионов с более низким уровнем развития в регионы с более высоким уровнем развития и из конфликтных регионов в регионы с более мирным и обеспеченным населением. лучшая система безопасности для жизни человека.

Как и в других частях мира и других частях Индии, в разных штатах Северо-Восточной Индии также происходила миграция людей из-за пределов региона в разные периоды истории. Трипура пережила миграцию бенгальцев из Бангладеш до такой степени, что коренные племена были низведены до статуса меньшин-

ства. Население племен в штате сократилось с 53,16% в 1941 г. до 28,44% в 1981 г. [4]. Точно так же в Сиккиме местные племена были вытеснены непальскими мигрантами, которые составляли более 70% населения штата. Ассам имеет долгую историю миграции людей извне, особенно бенгальцев. Ассам переживает миграцию бенгальцев из бывшей восточной части Бенгалии, а затем из Восточного Пакистана или современного Бангладеш. Вся ассамская культура и цивилизация оказалась под угрозой из-за вторжения огромной орды жаждущих земли бенгальских иммигрантов, в основном мусульман [4].

Миграция людей из других частей Индии или через международные границы спровоцировала сильную этническую реакцию и движения против иностранцев в различных штатах Северо-Восточной Индии, которые часто приводили к насильственным этническим конфликтам между коренными общинами и мигрантами.

Во время британского правления неразделенный Ассам включал в себя современные Нагаленд, Аруначал-Прадеш, Мегхалая и Мизорам. Мегхалая была отделена от Ассама в 1972 году, ее границы были определены в соответствии с Законом о реорганизации Ассама (Мегхалаи) 1969 года [1]. Одной из главных проблем урегулирования границ между Мегхалаей и Ассамом является проблема этнической принадлежности местного населения. Отделённая из Ассама сначала как автономное государство 2 апреля 1970 года, а затем провозглашённое 21 января 1972 года как полноправное государство, Мегхалая в основном является племенным штатом, в котором кхаси, джайнтия и гаро составляют основные коренные племена. Мегхалая — один из индийских штатов, в котором темпы роста населения выше, чем в среднем по стране. Согласно переписи 2011 года, десятилетние темпы роста населения Мегхалаи (2001–2011 годы) составляли 27,95%, что было выше, чем общенациональные темпы роста, которые составляли 17,70% [4]. Многие часто считают, что высокие темпы прироста населения в штате обусловлены миграцией неплеменных жителей из-за пределов штата.

Мегхалая имеет одну из самых больших концентраций зарегистрированного племенного населения в Индии. Однако харак-

тер миграции племён пространственно неоднороден. Большая часть мигрантов мигрирует в другие северо-восточные штаты из Мегхалаи, в то время как в Ассаме наблюдается около половины всех прибывающих и убывающих мигрантов из Мегхалаи [6].

Определение термина «неплеменной»

Юридически и фактически термин «неплеменной» может использоваться для обозначения любого лица или его/ее потомков, которые мигрировали в Мегхалаю и принадлежат к тем общинам, которые не включены в список зарегистрированных племен в штате, как это предусматривают Акты парламента. Однако существует также общее, но политически значимое понимание термина «неплеменной», которое обозначает общины, мигрировавшие из других штатов, из других стран и поселившиеся в Мегхалае.

Проблемы неплеменной миграции

Неплеменная миграция в штате Мегхалая имеет долгую историю, но именно в 1970-х годах она стала серьезной политической проблемой, когда часть коренных племен затаила опасения, что неплеменные мигранты вытеснят их демографически, культурно и экономически. Эта проблема может быть объяснена ролью племенной образованной элиты в политическом спектре, которая «не только стала политически сознательной, но и могла сформулировать свои требования и недовольство» [4]. Образованная элита в Мегхалае представляла собой в основном городскую часть общества, члены которой набирались из числа юристов, учителей, студентов и даже государственных служащих, которые все еще оставались связанными с сельским населением. Кроме того, хотя образованная элита из общин кхаси, джайнтиа и гаро была знакома с западными идеалами, в то же время они несли ответственность за формирование этнической идентичности, поднимая вопрос о продвижении и защите своих традиций, обычаев и продвижении своих социальных, политических и экономических интересов [4].

Еще до обретения независимости образованная элита пыталась сформировать осознание пагубного воздействия внеплеменной миграции, хотя их главная цель заключалась в достижении политической автономии, посредством которой можно было бы надежно защитить интересы племен.

Важным пунктом истории формирования Мегхалаи как отдельного штата является Шестое приложение к конституции Индии, позволяющее неплеменным жителям и правительству Ассама вмешиваться в земельные, политические и культурные права коренных племен. Осознание неадекватности Шестого приложения для защиты интересов коренных племен и предотвращения отчуждения земли неплеменным мигрантам и дальнейшего усиления шовинистической попытки ассамской элиты навязать ассамскую культуру и язык племенам и ассимилировать их в более крупную ассамскую культуру сподвигли образованную элиту возобновить борьбу за создание отдельного горного штата. Все это в итоге привело к образованию Мегхалаи как отдельного штата.

Во время войны в Бангладеш 1971 года Мегхалая, население которой по данным переписи 1971 года составляло всего 1 миллион человек, приняла огромное количество бангладешских беженцев (более 600 тысяч человек) [4]. Этот приток беженцев стал ещё более ярче выраженным благодаря отчету по переписи населения 1971 года, показывающим тенденцию к росту неплеменного населения в штате. Кроме того, численное превосходство неплеменных в Шиллонге, являющемся столицей штата, делало присутствие неплеменных более заметным и, следовательно, представлялось более угрожающим. Согласно переписи 1971 года, неплеменные жители составляли 58,53% населения Шиллонга [4]. Не только с точки зрения численности, но и с точки зрения занятости в государственных учреждениях и других профессиях, таких как юриспруденция, высшее образование и, возможно, в других профессиях, именно неплеменные имели более высокое положение по сравнению с племенными. Отношения высшего и низшего между неплеменными и коренными племенами имели более широкое значение, учитывая природу индийского государства, где существует дискриминация, экс-

плуатация и подавление со стороны тех, кто имеет политическое и экономическое влияние над обычными гражданами. Это способствовало развитию анти-неплеменных настроений среди племен в государстве.

Проблемность внеплеменной миграции обострилась с появлением студенческих групп, оказывающих давление на людей, деля их по этническому признаку. Они были сформированы в 1970-х годах, в том числе Союз студентов Мегхалаи (МСУ), образованный в 1975 году, и Союз студентов Хаси (КСУ), образованный в 1978 году [4]. «Группы давления» сразу же после своего образования начали требовать выявления и депортации иностранцев. Студенческие организации начали движение против миграции предполагаемых иностранцев, поскольку считали, что такая миграция действительно продолжается даже после обретения государственности. Однако можно утверждать, что различные студенческие «группы давления» были и результатом, и причиной процесса внеплеменной миграции.

Проблема внеплеменной миграции в Мегхалае является сложным процессом, за который отвечало множество факторов. Процессы внеплеменной миграции могут рассматриваться критиками политики племенной идентичности как акт местничества и этнического шовинизма, однако нельзя отрицать, что она сыграла решающую роль в попытке защитить интересы племенного населения в штате [4]. Было бы совершенно ошибочно утверждать, что образованная элита инициировала и продвигала повестку дня по сдерживанию внеплеменной миграции больше для получения политического преимущества, чем для реального намерения защитить интересы племенных общин, поскольку их приверженность и намерение выполнить эту задачу были очевидны. К примеру, в начале 1970-х годов, то есть вскоре после инаугурации автономного государства, они разработали знаменательный Закон о регулировании передачи земли в штат Мегхалая вместе с государственной политикой резервирования рабочих мест. Более того, были предприняты и другие попытки сдерживать внеплеменную миграцию, например, попытка принять законопроект о разрешении на проживание в Мегхалае 1973 года и законопроект о регулировании занятости Мегхалаи в 1980 году.

Время от времени такие проекты и инициативы приводили к возникновению этнических конфликтов, но, несомненно, способствовали предотвращению ситуации экзистенциального кризиса, когда коренные племена низводились до статуса меньшинства на своей собственной земле, тем самым угрожая не только их идентичности, но и самому их существованию.

Штат Мегхалая испытал множество беспорядков в связи с проблемой иммиграции. В то же время в Мегхалае существуют исторические демографические тенденции, что немного усложняет ситуацию. После обретения государственности в 1972 году Мегхалая стала свидетелем множества беспорядков (1979, 1987, 1992 и 1997 годов), направленных против некоренного населения штата — бенгальцев и непальцев. Это привело к тому, что тысячи неплеменных жителей покинули штат, а отчеты переписи населения зафиксировали постоянное сокращение неплеменного населения в штате с 19,52% (1971 г.) до 13,85% (2011 г.) [3].

Город Шиллонг является эпицентром многих столкновений и местом, где выражаются и распространяются настроения против некоренного (неплеменного) населения. Каждый год 4 апреля Союз студентов Хаси отмечает годовщину рождения Тирота Сингха, который вел партизанскую борьбу против британцев в начале 1830-х годов [3]. Программа дня с публичным собранием завершается шествием по городу. Празднование Национального дня пробуждения Хаси в 2017 году также было направлено на то, чтобы выразить гнев по поводу попытки Урановой корпорации Индии начать добычу урана в штате. Союз студентов Хаси сжег чучело Урановой корпорации Индии и Управления атомных минералов, чтобы продемонстрировать свое несогласие с добычей урана в штате. Возвращаясь, толпа забросала камнями религиозный центр, который часто посещают неплеменные жители этого района. Акты вандализма — обычное явление для этих шествий, целью которых являются неплеменные люди и их собственность.

Главной темой таких митингов является требование урегулирования въезда/выезда в штат и из него. Существующая потребность во внедрении системы урегулирования въезда со стороны племенных групп заключается в их опасении, что при отсут-

ствии такой системы мигранты начнут активно селиться и покупать земли, что приведет к изменению демографического состава. Призывы к осуществлению мер по сдерживанию притока сопровождаются неподтвержденными свидетельствами внеплеменного присутствия на территориях, где ранее проживала только коренная племенная община. Подобные претензии на первый взгляд небезосновательны. В 2001 году почти 2/3 деревень в Мегхалае были исключительно племенными. Однако к следующему десятилетию, т.е. к 2011 г., количество таких деревень сократилось до менее 30% [3]. Более 2000 деревень претерпели изменения в своем демографическом составе, т. е. в деревнях, которые были исключительно племенными, появились внеплеменные поселенцы [3]. Именно такие события подпитывают страх перед непрекращающимся притоком и призыв к более строгим правилам в отношении покупки земли и проживания неплеменного населения в штате.

Однако такая позиция не оправдана по двум причинам. Во-первых, неплеменные или дхары (как их называют на местном языке) всегда были частью общества кхаси-джайнтия с доколониальных времен. Торговые отношения между племенными торговцами и их неплеменными коллегами имели большое значение для местной экономики, поскольку очень важны такие предметы, как известняк, железные инструменты и садовые продукты [3]. Во-вторых, изменение демографического состава претерпели не только исключительно племенные деревни. Фактически менее 5% деревень имеют 75% или более неплеменного население, и это число сокращается [3]. Существует тенденция к увеличению племенного доминирования в деревнях, в которых ранее проживало значительное множество неплеменного населения. Представление об угрозе коренному населению и притоке мигрантов в качестве главной угрозы совершенно необоснованно. Вместо этого из-за угрозы физического насилия и дискриминационной политики имел место скорее отток мигрантов, чем приток. Группы, поднимающие вопрос о притоке, очень избирательны в отношении фактов, которые они используют для обоснования своих доводов, то есть упоминают только сокращение конкретных племенных поселений. Такая информация ис-

пользуется в качестве доказательства на публичных собраниях, где общественные настроения подталкиваются к требованию более строгих законов и механизмов для регулирования въезда в штат, таких как ILP (создание внутренней линии). Такое же избирательное использование данных применяется для создания страха перед притоком некоренных иммигрантов в город Шиллонг, столицу Мегхалаи.

В настоящее время государство пытается уйти от страха перед иммигрантами и бурных дней насилия против неплеменного населения. Конечно, бывают случаи, когда проблемы вновь обостряются, а эмоции накаляются. Но, как правило, они случаются непосредственно перед выборами и угасают сразу после них [5]. Тем временем племенная консолидация существует одновременно с растущей тенденцией признания внеплеменного присутствия.

Как показывают данные, процент неплеменного населения в Мегхалае с годами снижается. Местные земельные законы препятствуют миграции неплеменного населения [3].

В частности, требования народа к разделению Мегхалаи по этническому признаку росли в преддверии выборов 30 октября 2021 г. [2]. Помимо этого, в марте 2020 г. в штате происходили беспорядки: «существуют опасения серьезного ухудшения правопорядка в Шиллонге», главный министр Мегхалаи Конрад К. Сангма призвал людей воздерживаться от насилия и обеспечить мир. В пресс-релизе канцелярии главного министра говорится: «Правительство приняло все меры для поддержания правопорядка» [7]. В ноябре 2020 г. в Шиллонге проводились протесты против Закона о внесении поправок в гражданство, затруднённости въезда/выезда в штат и из него, а также против невключения языков кхаси, гаро в приложение 8 к Конституции [5].

Таким образом, политическая реакция Мегхалаи должна быть более контекстуальной и сощещательной, более критична к изменениям в настроении народа, чем раньше. Безусловно нужно продолжать применять меры для защиты коренных племён, но не менее важно принимать тот факт, что неплеменное население так же является неотъемлемой частью населения

Мегхалаи. Более того, очень важно и нужно в этом вопросе уметь отделять пропаганду от правды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Assam-Meghalaya border: the dispute, and what's been settled [Электронный ресурс]// The Indian EXPRESS. 2022, Apr 2. — URL: <https://indianexpress.com/article/explained/assam-meghalaya-border-dispute-ract-explained-7847108/> (дата обращения: 07.05.2022).
2. Demand for dividing Meghalaya on ethnic lines grows ahead of Oct 30 by-election [Электронный ресурс]// The Economic Times. 2021, Oct 15. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/demand-for-dividing-meghalaya-on-ethnic-lines-grows-ahead-of-oct-30-by-election/articleshow/87028965.cms?from=mdr> (дата обращения: 07.05.2022).
3. Is there an immigration problem in Meghalaya which ILP can solve? [Электронный ресурс]// RAIOT. 2020, Feb 24. — URL: <https://raiot.in/is-there-an-immigration-problem-in-meghalaya-which-ilp-can-solve/> (дата обращения: 07.05.2022).
4. On non-tribal migration in Meghalaya [Электронный ресурс]// RAIOT. 2019, Feb 9. — URL: <https://raiot.in/on-non-tribal-migration-in-meghalaya/> (дата обращения: 07.05.2022).
5. Protests against non-implementation of ILP in Meghalaya [Электронный ресурс]// The Times of India. 2020, Nov 20. — URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/shillong/protests-against-non-implementation-of-ilp-in-meghalaya/articleshow/79318131.cms> (дата обращения: 07.05.2022).
6. Recent Trend of Tribal Migration in Meghalaya Plateau [Электронный ресурс]// ResearchGate. 2017, Sept. — URL: https://www.researchgate.net/publication/321272561_Recent_Trend_of_Tribal_Migration_in_Meghalaya_Plateau (дата обращения: 07.05.2022).
7. 10 stabbed in Shillong, toll 2 in anti-CAA unrest in state. [Электронный ресурс]// The Indian EXPRESS. 2020, Mar 1. — URL: <https://indianexpress.com/article/north-east-india/meghalaya/caa-protest-meghalaya-shillong-death-6293318/> (дата обращения: 07.05.2022).

УДК 327

К.И. Бутырина,

студентка 2 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

ОТНОШЕНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО КИТАЯ И ТАЙВАНЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

K.I. Butyrina,

2nd year student,
Faculty of international relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: Xeniabtrn@gmail.com

MAINLAND CHINA-TAIWAN RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье описывается история и современное состояние отношений между континентальным Китаем и Тайванем, а также ключевые факторы, способные повлиять на развитие этих отношений. При этом особое внимание уделяется эволюции роли США как «третьей стороны» противостояния. Отмечается, что специальная военная операция России на Украине может оказать влияние на будущее Китайско-Тайваньского конфликта.

Ключевые слова: КНР, Тайвань, США, Тайваньская проблема, Китайско-американские экономические отношения.

Abstract. The present contribution is devoted to the history and the current situation in China-Taiwan relations as well as key factors that can influence their development. A specific attention is paid to the evolution of the role of the USA as 'the third part' of this confrontation. It is noted that the special military operation of Russia in Ukraine can somehow have an effect on the future of China-Taiwan conflict.

Key words: China, Taiwan, USA, Taiwan problem, US-China economic ties.

Сегодня усиливающееся день ото дня противостояние между континентальным Китаем и Тайванем становится одной из наиболее острых и обсуждаемых проблем мировой политики.

Конфликт между Китаем и Тайванем берёт начало в 1949 году, когда в ходе гражданской войны в Китае ко вла-

сти приходит Коммунистическая партия Китая (КПК). Националистическая партия Китая Гоминьдан, возглавляемая Чан Кайши, мигрирует на Тайвань. Изначально этот шаг рассматривался как временный: ожидалось, что гоминьдановцы при поддержке Западных держав смогут вернуть себе контроль над всей территорией Китая. В свою очередь, КПК также рассматривала вопрос о воссоединении Китая, но уже путем установления своей власти на Тайване. Здесь уместно вспомнить замечание Г. Киссинджера: «Обе китайские стороны соглашались с тем, что Тайвань и материк являются частью одного и того же политического образования. Разногласия касались вопроса о том, какое китайское правительство является законным» [2, с. 198].

Начиная с этого времени, Тайвань постепенно формирует свою политическую систему и фактически функционирует как отдельное государство, независимое от правительства в Пекине. Подобная политика противоречила официальной позиции КНР, согласно которой Тайвань воспринимается неотъемлемой частью Китая, и действия Тайваня представляют угрозу национальному суверенитету и территориальной целостности Китайской Народной Республики.

Тот факт, что проблема взаимоотношений Китая и Тайваня по-прежнему болезненно воспринимается Китаем, подтверждается целым рядом официальных документов, посвященных Тайваньскому вопросу. Пекин придерживается строгой позиции касательно любых сепаратистских устремлений, и для их подавления юридически допускается использование военной силы. Так, согласно «Закону о противодействии деятельности по расколу страны», принятому 14 марта 2005 года на сессии Всекитайского собрания народных представителей, «В случае, если силы тайваньского сепаратизма под любым предлогом и в любой форме сделают реальным отделение Тайваня от Китая или в случае, если произойдет серьезный инцидент, ведущий к такому отделению, или в случае, когда все возможности мирного воссоединения окажутся полностью исчерпанными, государство обязано прибегнуть к немирным способам и другим необходимым мерам для защиты государственного суверените-

та и своей территориальной целостности» [5]. Иными словами, как отметил известный отечественный ученый И.А. Цветков, при отсутствии решения Тайваньского вопроса, КНР «не просто может, но обязан начать военную операцию против Тайваня» [4, с. 394].

В то же время, с каждым годом Тайвань всё больше укрепляется как автономная политическая единица и отдаляется от КНР. На острове уже были проведены не одни демократические выборы. В результате последних президентских выборов, которые прошли в 2020 году, победу одержала лидер Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, переизбранная на второй срок. С начала её правления в 2016 году, отношения между Пекином и Тайбэем стали стремительно ухудшаться. По мнению пекинского правительства, Цай и возглавляемая ей партия выступают за официальное признание независимости Тайваня, несмотря на публичные заявления Цай в поддержку статус-кво — положения, при котором Тайвань фактически проводит свою политику независимо от КНР, без какого-либо официального договора [13].

Важно заметить, что «третьей стороной» в китайско-тайваньском конфликте выступают США, начиная ещё с гражданской войны в Китае. С самого начала США приняли сторону гоминьдановского правительства, и долгое время не признавали власть КПК. Так, например, до 1971 года Тайвань, или как его официально именовали «Китайская Республика», был членом Совета безопасности ООН.

С 1979 года в отношении Тайваньской проблемы США придерживались политики так называемой «стратегической неопределённости», в соответствии с которой США не давали Тайваню чётких гарантий поддержки в случае его решения провозгласить независимость или в случае начала Пекином военной операции по воссоединению страны. Ряд исследователей отмечают, что «Такая позиция США оказывала сдерживающее влияние и на Пекин, и на Тайбэй и способствовала сохранению статус-кво в зоне Тайваньского пролива» [4, с. 395].

Однако в 1990-е годы курс «неопределённости» в американской политике сменился курсом на поддержку Тайваня. При-

мером активного вмешательства США в Китайско-Тайваньские отношения может послужить т.н. третий Тайваньский кризис, который произошёл в 1995-1996 гг. Поводом к нему послужили первые парламентские и президентские выборы на Тайване. Ответом Пекина на подобную политическую самостоятельность Тайваня стали военные манёвры и ракетные испытания в Тайваньском проливе. Тогда США приняли решение вмешаться в конфликт и направили передовые силы Военно-морского флота в пролив, с очевидным посылом: показать своё военное превосходство, с которым Китай, на тот момент, сравниться не мог. В результате Китаю пришлось отступить.

Долгое время решающим фактором, сдерживающим активную политику КНР в отношении Тайваня, было именно признание руководством Китая неспособности страны противодействовать США военным путём. Но многое изменилось за эти годы. К настоящему моменту китайская армия в значительной степени модернизирована и всё ещё находится в процессе модернизации. Уже сейчас Народно-освободительная армия Китая (НОАК) превосходит США по многим параметрам. Количество действующих военнослужащих в Китае на треть больше, чем у США, а общее количество военнообязанных больше в 5 раз [12]. КНР обладает самым большим в мире военно-морским флотом. По данным на 2020 год, общее количество военных кораблей КНР составляет 367, тогда как у США — 297 [10]¹. Также, Китай уже более 10 лет занимается инвестированием в разработку и развёртывание военных систем, которые должны перекрыть США доступ на остров и в Южно-Китайское море [7].

Доступная исследователям информация свидетельствует о том, что КНР не собирается на этом останавливаться. По заявлению генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, к 2035 году Китай намерен модернизировать свои вооружённые силы настолько, чтобы они полностью отвечали вызовам совре-

¹ В современной политической литературе данные по количеству военных кораблей у двух стран разнятся. Этот аспект не является решающим в раскрытии темы данной статьи. Можно, однако, уверенно утверждать, что ВМФ Китая сравним по основным параметрам с ВМФ США.

менности и требованиям нового времени, а к 2050 году обладали возможностями для проведения крупномасштабных объединённых операций и переброски крупных группировок войск и военной техники на дальние расстояния [11].

Таким образом, военная мощь США, как фактор сдерживания, с каждым годом становится всё менее значимой, и военное превосходство США уже не такое безоговорочное. Поэтому, риск китайской агрессии в сторону Тайваня, по мере наращивания военной мощи НОАК, только увеличивается. По мнению FoxNews, Китай будет обладать достаточными военными возможностями для вторжения в Тайвань уже к 2027 году [7].

Тем не менее, анализ потенциального конфликта Китая и США нельзя сводить исключительно к оценке вооружения. Скорее всего, в противостоянии будут активно задействованы экономические рычаги давления. Поэтому, важно понимать, насколько сильно экономики Китая и США зависят друг от друга. Исходя из данных по экспорту США, Китай, хоть и входит в первую тройку, не является основным экономическим партнёром. По данным на 2021 год, экспорт товаров из США в Китай составил 151 миллиард долларов. В то же время, на США приходится наибольшая доля Китайского экспорта, и на 2021 год он составил 506 миллиардов долларов [9]. Таким образом, в случае разрыва экономических связей, Китай потеряет крупнейшего партнёра по экспорту, что, безусловно, серьёзно ударит по китайской экономике. И перед Китаем встаёт вопрос: действительно ли реализация его амбиций в отношении Тайваня стоит тех военных и экономических рисков, которым он непременно себя подвергнет?

Спекуляции по поводу возможного захвата Тайваня Китаем усилились после начала специальной военной операции России на Украине. Многие политологи и СМИ начали проводить параллели. Аналогия ясна: и там, и там большая страна имеет претензии к своему более прозападному соседу. Появилось несколько мнений, притом диаметрально противоположных, касательно того, как действия России повлияют на планы Китая. Согласно одному мнению, у Китая есть возможность как бы «под шумок» захватить Тайвань, пока фокус внимания прикован к Ев-

ропе [14]. Согласно другому мнению, российская спецоперация наоборот обострила внимание и всеобщую политическую вовлечённость, поэтому вторая подобная спецоперация вызовет ещё больший резонанс и ещё более жёсткий ответ со стороны Мирового сообщества. Как бы то ни было, Пекин очень тщательно следит за ситуацией на Украине и реакцией Запада, и выносит уроки [8].

Среди последних событий, которые в определённой степени обострили рассматриваемый конфликт, стало заявление президента США Байдена 23 мая о готовности США оказать военную поддержку Тайваню [6] и последовавшая острая реакция Пекина, выразившаяся в «сильном недовольстве и решительном протесте» [1]. Это свидетельствует о том, что градус напряженности в регионе в ближайшее время вряд ли снизится.

Список литературы

1. В Пекине призвали США не раздувать «китайскую угрозу» // РИА Новости. — 27.05.2022. — URL: <https://ria.ru/20220527/kitay-1791054752.html> (дата обращения: 02.06.2022).
2. *Киссинджер Г.А.* О Китае / [пер. с англ. В. И. Верченко]. — М.: Изд-во АСТ, 2015.
3. *Совина М.* The Washington Examiner: США потерпят поражение при войне с Китаем за Тайвань // Lenta.ru. — 23 мая 2022. — URL: <https://turbopages.org/turbo?text=https%3A%2F%2Flenta.ru%2Fnews%2F022%2F05%2F23%2Fkrah%2F> (дата обращения: 02.06.2022).
4. *Цветков И.А.* Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2021. — Т. 14. — Вып. 4. — С. 393–408.
5. Anti-Secession Law // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. — 2021-06-29. — URL: http://eng.mod.gov.cn/publications/2021-06/29/content_4888396.htm (дата обращения: 02.06.2022).
6. Biden says US would respond 'militarily' if China attacked Taiwan, but White House insists there's no policy change // CNN. — May 23, 2022. — URL: <https://edition.cnn.com/2022/05/23/politics/biden-taiwan-china-japan-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 02.06.2022).

7. China lags in Taiwan invasion ambition and US needs to take advantage, expert says // FoxNews. — May 10, 2022. — URL: <https://www.foxnews.com/world/former-defense-official-heres-where-china-lags-in-taiwan-invasion-ambition> (дата обращения: 02.06.2022).
8. China's leaders may be watching Ukraine with an eye on Taiwan // CNN. — February 23, 2022. — URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/23/china/taiwan-ukraine-parallels-china-russia-intl-hnk-mic/index.html> (дата обращения: 02.06.2022).
9. China-U.S. trade relations — statistics & facts // Statista. — Mar 11, 2022. — URL: <https://www.statista.com/topics/4698/sino-us-trading-relationship/#dossierKeyfigures> (дата обращения: 02.06.2022).
10. Congress Research Service, China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities — Background and Issues for Congress, updated. — March 8, 2022. — P. 9.
11. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress // ChinaDaily. — 2017-11-04. — URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (дата обращения: 02.06.2022).
12. Military power of USA & China // URL: https://armedforces.eu/compare/country_USA_vs_China, (дата обращения: 02.06.2022).
13. Taiwan's President says the threat from China is increasing 'every day' and confirms presence of US military trainers on the island // CNN. — October 28, 2021. — URL: <https://edition.cnn.com/2021/10/27/asia/tsai-ingwen-taiwan-china-interview-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 02.06.2022).
14. The Russian-Ukrainian conflict: views from Beijing // Beijing Channel. — 23 Feb 2022. — URL: <https://beijingchannel.substack.com/p/the-russian-ukrainian-conflict-views?s=r> (дата обращения: 02.06.2022).

УДК 327.8

Е.В. Волынкин,

студент 1 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

**ТРОЛЛЕЙБУС, КОТОРЫЙ ИДЕТ НА ВОСТОК:
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В «НОВУЮ ЭПОХУ»**

E.V. Volynkin,

1st year student,
Faculty of International Relations and Geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: evvolynkin@yandex.ru

**THE TROLLEYBUS THAT GOES EAST:
RUSSIA-CHINA RELATIONS IN THE «NEW ERA»**

Аннотация. На основании публикаций китайских ученых в статье проанализированы подходы экспертного сообщества к развитию отношений России и Китая. Провозглашение в июне 2019 г. «новой эпохи» в отношениях двух стран породило ожидания выхода сотрудничества на качественно новый уровень. Китайская дипломатия в трактовке «новой эпохи» ставит на первое место укрепление политического доверия и дружбы двух лидеров, далее следуют задачи развития экономического сотрудничества, продвижения общественного взаимопонимания, совместного решения международных проблем. Китайские ученые утверждают, что ныне отношения двух стран основаны на совпадении долгосрочных стратегических интересов. Вместе с тем «новая эпоха» наступила на фоне изменения баланса комплексной национальной мощи в пользу Китая. Акцент на ограниченности перспектив экономического сотрудничества с Россией и зависимости Китая от американского рынка приводит к выводу о нежелательности союзных отношений. Другая точка зрения подчеркивает, что близость интересов Китая и России обусловлена сходством стратегических проблем. Обе страны решают задачи экономического развития в условиях нарастающего давления со стороны Запада, они нуждаются во взаимной поддержке, чтобы обрести защищенный «стратегический тыл». При этом Китаю следует в первую очередь учитывать военные и ресурсные преимущества России. Признание неизбежности долгосрочного соперничества с

США заставляет китайских экспертов признать необходимость сокращения чрезмерной зависимости от Америки и укрепления связей с Россией. Ожидание перемен в диалоге России и Китая вследствие смягчения политики США в отношении одной из сторон в обозримом будущем представляется нереалистичным. Первый год «новой эпохи» был наполнен непредвиденными вызовами. Среди них — пандемия коронавируса, опасное ухудшение китайско-американских отношений, замедление роста мировой экономики с перспективой глобальной депрессии. Для совместных действий по выходу из кризиса двум странам необходимы взаимное политическое доверие и поддержка, ставшие квинтэссенцией «новой эпохи» двусторонних отношений.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, политическое доверие, стратегические интересы, комплексная мощь.

Abstract. Based on publications by Chinese scholars, the article analyses the expert community's approaches to the development of Russia-China relations. The proclamation in June 2019 of a 'new era' in the relations between the two countries has raised expectations for a new level of cooperation. The proclamation in June 2019 of a «new era» in relations between the two countries has raised expectations for cooperation to reach a qualitatively new level. Chinese diplomacy in its interpretation of the «new era» prioritises strengthening political trust and friendship between the two leaders, followed by the tasks of developing economic cooperation, promoting public understanding, and jointly solving international problems. Chinese scholars argue that relations between the two countries are currently based on a convergence of long-term strategic interests. However, the «new era» has come against the backdrop of a rebalancing of comprehensive national power in China's favour. The emphasis on the limited prospects for economic cooperation with Russia and China's dependence on the US market leads to the conclusion that an alliance is undesirable. Another point of view emphasises that the closeness of interests between China and Russia is due to similar strategic issues. Both countries are facing the challenges of economic development under increasing pressure from the West; they need mutual support in order to have a secure «strategic rear». In doing so, China should primarily take into account Russia's military and resource advantages. Acknowledging the inevitability of long-term rivalry with the US, Chinese experts recognize the need to reduce overdependence on America and strengthen ties with Russia. Expecting a change in the dialogue between Russia and China due to a softening of US policy towards one of the parties in the foreseeable future seems unrealistic. The first year of the 'new era' has been filled with unforeseen challenges. Among them are the coronavirus pandemic, a dangerous deterioration in Sino-US relations, a slowdown

in global economic growth with the prospect of a global depression. Mutual political trust and support, the quintessential «new era» in bilateral relations, are necessary for the two countries to act together to resolve the crisis.

Key words: russian-chinese relations, political trust, strategic interests, comprehensive national power.

Провозглашение лидерами России и Китая в июне 2019 г. «новой эпохи» в двусторонних отношениях стало важным символическим событием, породившим ожидания выхода партнерства на качественно новый уровень. Заместитель главы МИД России И.В. Моргулов отметил, что в связи с провозглашением «новой эпохи» стороны договорились «оказывать друг другу еще более решительную и энергичную стратегическую поддержку по всем направлениям.

Заместитель главы МИД КНР Лэ Юйчэн при обсуждении «новой эпохи» поставил на первое место задачу укрепления политического доверия, пояснив, что «это, прежде всего, взаимное доверие и дружба между главами двух государств» «Стратегическое руководство» со стороны двух лидеров является важнейшим фактором успешного развития отношений. Дипломат призвал действовать в соответствии с разработанными двумя руководителями планами, еще больше продвинуть политическое доверие, усилить стратегическое общение, укрепить взаимную поддержку по коренным, ключевым интересам и заботящим другую сторону проблемам.

Следует пояснить, что понятие «новая эпоха» является неотъемлемым атрибутом современной китайской политической лексики. После провозглашения в 2017 г. вступления Китая в «новую эпоху» и официального присвоения статуса компонента нормативной идеологии КПК «идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» это сочетание указывает на особенности текущего периода развития страны и на стратегический курс нынешнего китайского лидера во внутренней и внешней политике.

Задача «интеграции взаимной выгоды во всестороннее сотрудничество» опирается на большую экономическую взаимную дополняемость двух стран, которые являются «естественными

партнерами по сотрудничеству». Лэ Юйчэн рекомендовал повысить «независимую ценность» и «внутреннюю движущую силу» двустороннего сотрудничества, совместно наращивать комплексную национальную мощь и международную конкурентоспособность обеих стран. Следующая по значимости задача содействия общению между людьми, помогающему «через соединение людских сердец укреплять дружбу из поколения в поколение». И, наконец, задача стратегического взаимодействия для отражения внешних рисков. Дипломат призвал «стоять вместе плечом к плечу, поддерживать друг друга спиной к спине», в интересах всего человечества предлагать больше «китайско-российских планов», нацеленных на поддержание глобального мира и развития.

В 2019 г. в КНР вышло в свет много научных публикаций, приуроченных к юбилею двусторонних отношений. Ли Юнцюань (Университет КАОН) отметил, что главным достижением за 70 лет стало отыскание «правильного пути как поладить друг с другом». Нынешние отношения основаны на совпадении долгосрочных стратегических интересов, равенстве и взаимной выгоде, а также на огромной ответственности за свои народы, региональное развитие и мир во всем мире.

Обращение в прошлое побудило Лю Сяньчжуна (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН) сделать вывод, что юридически оформленных союзных отношений недостаточно. Политическое взаимодоверие и единство стратегических интересов не менее важны. Нужно уважать законное право партнера на защиту своих интересов, недопустимо навязывать другой стороне свои ценностные стандарты и тем более — из национального эгоизма приносить в жертву чужие интересы. «В противном случае, подобно китайско-советскому альянсу, юридический альянс станет пустой бумажкой».

По мнению ученого, двум странам следует воздержаться от создания союза, чтобы не порождать конфликт интересов, не ограничивать действия друг друга на мировой арене и не раздражать США. Память об исторических спорах все еще порождает проблемы в плане взаимного доверия, обе стороны с настороженностью следят за развитием связей партнера с Западом.

В китайском обществе по-прежнему возникают полные националистического негодования негативные слухи о России, китайские неофициальные рассуждения о территориальной проблеме вызывают в РФ беспокойство и отрицательно влияют на имидж Китая.

Фэн Шаолэй (Восточно-китайский педагогический университет) отметил, что в отношениях Китая и России нерешенным остается теоретический вопрос о трактовке «современности». С 1960–1970-х годов от развивающихся стран ожидали, что они будут равняться на Европу и США как на стандарт «современности» и продвигаться к нему в процессе модернизации. После холодной войны по инициативе Запада бывшие социалистические страны провели неолиберальную «шоковую терапию», что вызвало встречную реакцию, и в России и других традиционно больших государствах произошел полный поворот вспять. Это привело к отказу от линейной модели прогресса, когда «современность» западного образца идет на смену отсталости. На первое место вышла идея многообразия путей развития. Однако нельзя допустить полной утраты критериев «современности» как ориентира для развития. Совмещение всеобщего и особенно становится важной теоретической проблемой в изучении отношений между Китаем и Россией.

Ученый обратил внимание, что региональная холодная война в Азии закончилась вместе с китайско-американским примирением в 1971 г., то есть на два десятилетия раньше, чем в Европе. После всеобщего завершения холодной войны в Азии не было изменений геополитических границ масштаба, сопоставимого с расширением НАТО на Восток, вызвавшего острую встречную реакцию со стороны России. Это дало Азии шанс на стабильное развитие. Вместе с тем давние внутрисоюзные расколы в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове не были преодолены, хотя это произошло в Европе при воссоединении Германии. Это важное наблюдение исследователя помогает понять разницу в стратегиях России и Китая. За минувшие пять десятилетий Пекин утратил навыки борьбы за существование и развитие в условиях геополитических вызовов полномасштабной холодной войны.

Фэн Юйцзюнь отметил, что «новая эпоха» наступила на фоне растущего разрыва показателей комплексной национальной мощи двух стран в пользу Китая. Объем китайской экономики в 10 раз превышает российский, на военные нужды Китай тратит в 3 раза больше России, показатели ВВП на душу населения выровнялись. Этот разрыв воплощает «великое изменение», какого не было на протяжении четырех столетий истории двусторонних отношений.

Несмотря на разговоры об «упадке» США, комплексная национальная мощь Америки не снизилась, а международная стратегия Трампа стала более наступательной. Главный вопрос для Китая заключается в том, сможет ли он в будущем конкурировать и сотрудничать с США в рамках общей системы правил, либо возникнут «параллельные рынки». Ученый полагает, что в этом вопросе выбор Китая и России может отличаться. Он призывает считать фундаментальной целью китайско-российских отношений защиту национальных интересов Китая и не ставить «важность отношений» выше «важности интересов».

Китай должен получать максимальные выгоды при минимальных затратах. Исследователь подчеркивает, что хорошие отношения с Россией не станут для Китая решением всех проблем. Россия не заменит США ни как поставщик сельскохозяйственной продукции, ни как источник высокотехнологичной продукции. При этом за последние годы число солидарных голосований России и Китая в ООН составило 81 %, тогда как у США с Великобританией с их «особыми отношениями» — лишь 75 %. Поэтому нужно разобраться, какую цену заплатил Китай за сотрудничество с Россией, позволило ли это улучшить внешнюю среду его развития, снизить стратегическое давление со стороны США. Подспудно подразумевается, что Китай мог «переплатить» за стратегическое партнерство, тогда как Россия заплатила слишком мало. Ученый опасается втягивания Китая в политический менталитет «большого треугольника», когда антиамериканское партнерство с Россией по формуле «двое против одного» начнет наносить ущерб китайско-американским отношениям вопреки интересам Китая.

Однако нет оснований утверждать, что российско-китайское сотрудничество является первопричиной ухудшения отношений между КНР и США. Вопросы Фэн Юйцзюня могут быть зеркально обращены к Китаю. Способен ли он полностью заменить России страны Запада в качестве поставщика передовых технологий? Не вредит ли стратегическая близость к Китаю перспективам восстановления связей России с западным миром? Должна ли Россия дистанцироваться от Китая ради максимизации собственных международных выгод на фоне разрастающегося китайско-американского противостояния и подрывающей репутацию Пекина глобального коронавирусного кризиса? Эти вопросы зазвучат в том случае, если российская сторона вооружится изложенной выше внешнеполитической логикой.

Фэн Юйцзюнь признал, что в прошлом Китай получил ощутимые преимущества от хороших отношений с Россией. Избавившись от военной напряженности на границе, Пекин смог сосредоточить усилия на экономическом строительстве. «Без потепления китайско-советских отношений и позитивного развития китайско-российских отношений в течение стольких лет мы не смогли бы осуществлять реформу и открытость, содействовать экономическому и социальному развитию». Вместе с тем дальнейшее сближение неосуществимо из-за недостаточной включенности России в мировую экономическую интеграцию. Двусторонняя торговля основана на традиционной модели, в ней не созданы цепочки производственного сотрудничества, какие есть у Китая с США, Европой, Японией и другими развитыми странами. «Это очень важный фактор, ограничивающий развитие китайско-российских торгово-экономических отношений».

Дипломат и политический деятель Чжан Дэгуан призывает обращать больше внимания на сильные стороны России. Есть точка зрения, согласно которой ВВП России эквивалентен ВВП китайской провинции Гуандун, и это сильно сдерживает двустороннее экономическое сотрудничество. Однако преимущества России невозможно оценивать лишь по размеру ВВП, забывая о пресной воде Байкала и лесных ресурсах, которые являются частью национальной мощи. По словам Си Цзиньпина, чистая природная среда подобна «горам золота и серебра», поэтому при-

равнивание России к Гуандуну лишено смысла. Помимо этого, Россия добилась заметного прогресса сельскохозяйственного производства в условиях западных санкций.

Военный эксперт Ван Хайюнь указывает, что близость стратегических интересов Китая и России обусловлена сходством стоящих перед ними стратегических проблем. Обе страны являются «поднимающимися державами», они переходят от плановой экономики к рыночной. Будучи «незападными державами», они заинтересованы в поддержании разнообразия мировых цивилизаций; они привержены соответствующим их национальной специфике ценностям и принципу независимости при выборе общественно-политической системы. Обе страны стали объектами стратегического сдерживания со стороны США, и это диктует необходимость совместного противодействия гегемонистскому давлению. Как постоянные члены СБ ООН, они несут сходную ответственность в вопросах мира и развития, глобального управления.

Стратегические преимущества двух стран дополняют друг друга. В геополитической стратегии Китай должен реагировать на угрозу с моря, ему необходимо обрести стратегическую опору и тыл на суше, что невозможно без дружбы с Россией. Та, в свою очередь, в ответ на угрозу со стороны НАТО будет рассматривать Китай в качестве опоры своей безопасности и стратегического тыла. Национальную мощь России нельзя недооценивать, ведь ее военная сила и стратегические возможности унаследованы от сверхдержавы. Взаимное дополнение позволит двум странам создать эффект « $1 + 1 > 2$ » и парировать стратегическое давление со стороны любого гегемонистского альянса. «Русская нация обладает взрывной силой, а китайская нация обладает выносливостью. Русские делают дела открыто и любят поднимать флаг, китайцы при столкновении с проблемами действуют неброско, в делах проявляют осмотрительность. Русские хороши в боксе, а китайцы хороши в тайцзи. Китай и Россия объединяют в себе жесткость и мягкость, которые друг друга поддерживают, они могут стать отличными партнерами. Взявшись за руки, опираясь друг на друга, две страны смогут противостоять любой международной буре».

Ситуация меняется, противоположности сближаются. После провозглашения Си Цзиньпином в 2013 г. внешнеполитической стратегии «стремления к достижениям» китайская сторона все чаще пытается действовать жестко, открыто и с «поднятым флагом». Ван Хайюнь полагает, что в «новую эпоху» следует поскорее повысить уровень отношений двух стран до «квасисоюзных», понимаемых как «тесное стратегическое партнерство, не принимающее договорных обязательств». В понятиях внешнеполитической стратегии Си Цзиньпина их можно охарактеризовать как «сообщество судьбы» двух стран с общими интересами и ответственностью.

«Ухудшение отношений с США стало серьезным вызовом для китайского экспертного сообщества, которому было нелегко осознать всю глубину произошедших после прихода к власти Трампа негативных изменений». Понимание необратимости этих тенденций влияет на китайские оценки сотрудничества с Россией.

Ли Син (Пекинский педагогический университет) полагает, что США приложат все усилия для того, чтобы не позволить Китаю стать полноценным военным соперником, а России — сильной экономической державой. При этом, для американской администрации Россия выступает как «краткосрочная боль кожного покрова», а Китай — как «долгосрочная внутренняя боль души».

Отечественные исследователи отметили, что китайско-американская экономическая напряженность создала условия для более тесного торгового сотрудничества России с Китаем. Ли Син признал, что Китай уже встал на путь сокращения чрезмерной зависимости от США и укрепления связей с Россией. В рамках стратегического сотрудничества он стремится получить доступ к продукции российской военной промышленности, энергетическим и сырьевым ресурсам. Стратегическая конкуренция между Китаем и США неизбежна, и это — «тяжелый, жестокий, но близкий к реальности» вывод в области международной политики. Стратегическое сотрудничество с Россией позволит сбалансировать издержки от соперничества с США, планы «стыковки» с Россией дадут возможность уравновесить американскую «Ин-

до-Тихоокеанскую стратегию». В рамках инициативы «Пояс и путь» решающее значение для Китая будут иметь степень поддержки со стороны России и уровень противодействия со стороны США.

Чжао Минвэнь (Китайский институт международных проблем) считает, что структурные противоречия в отношениях Китая и России с США и прочими развитыми странами носят долгосрочный характер, и потому развитие отношений между Пекином и Москвой постоянно будет сталкиваться с «серьезными геополитическими вызовами». Но все же между тремя державами сложились «отношения симбиоза», и потому у Китая и России достаточно пространства для диалога и сотрудничества с Западом, включая США. Эксперт признает, что знания друг о друге народов Китая и России недостаточны, а экономическое и финансовое сотрудничество по глубине и широте не соответствует уровню политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности, но это не более чем «проблемы развития». Он уверен, что «ни одна из сторон не будет платить огромную цену отказа от партнера в обмен на расположение Запада».

Изучение подходов китайских ученых к перспективам отношений с Россией привело американского исследователя Элизабет Вишник к выводу, что эти отношения находятся под большим влиянием внешних факторов — например, возможного решения США снять санкции с России или улучшить экономические отношения с Китаем. «Наибольшие трудности будут возникать на периферии, особенно в Центральной Азии и Арктики». Однако ожидание перемен в диалоге России и Китая вследствие смягчения политики США в отношении одной из сторон в обозримом будущем представляется нереалистичным.

Отечественные исследователи указывают на очевидный разрыв между тем, как трактуют свои двусторонние отношения Россия и Китай, и как их интерпретируют внешние акторы. В этом контексте так называемый прагматичный подход в российско-китайских отношениях предстает неэффективным, поскольку приоритет национальных интересов порождает неустойчивые конъюнктурные коалиции. Чрезмерная подверженность отношений России и Китая внешним воздействиям повышает не-

предсказуемость международной ситуации и грозит возникновением кризисов из-за неверных трактовок чужих намерений и действий.

Некоторые китайские ученые полагают, что в отношениях Китая с США «должен преобладать реализм», а в отношениях с Россией «должен учитываться идеализм». Однако преждевременный отказ от прагматизма в пользу «идеалистического альянса» может стать источником настоящей глобальной конфронтации с Западом, на фоне которой нынешняя «непредсказуемость» выглядит более предпочтительной. Применительно к российско-китайским отношениям это означает, что «в будущем обе стороны будут на практике проявлять больше прагматизма, хотя это не обязательно выразится в лозунгах или официальных заявлениях.

Пандемия коронавируса спровоцировала всплеск китайско-американского политического противостояния. Она также оказала негативное влияние на восприятие России в китайском общественном мнении. В феврале в китайском интернете возмущались «гонениями» на соотечественников, которым в России предписали соблюдать карантин и наказывали за его нарушения. В начале апреля возвращающиеся из России китайцы завезли коронавирус на северо-восток Китая. После закрытия воздушного сообщения между двумя странами сухопутная граница на Дальнем Востоке осталась открытой. Тысячи граждан КНР устремились из Москвы во Владивосток, чтобы оттуда добраться домой наземным транспортом. По их прибытии в Китай среди них были выявлены сотни носителей вируса. Появление очагов эпидемии недалеко от границы с Россией спровоцировало в китайском интернете волну рассуждений о «российской ненадежности». Западные аналитики противопоставили «пораженчество» властей российского Приморья «решительности» правительства провинции Хэйлунцзян в борьбе с эпидемией, подчеркивая «асимметричность и неравенство сил» двух стран.

Китайская англоязычная газета Global Times назвала Россию «примером неспособности контролировать случаи завоза» коронавируса своими гражданами из Европы, который должен по-

служить предупреждением для других государств. «Китайский народ наблюдал, как Россия превратилась в сильно пострадавшую страну из страны, которая проделала большую работу. Это должно прозвучать как сигнал тревоги. Китай должен строго пресекать приток заболевших и избегать повторной вспышки болезни».

Перед эпидемией китайские эксперты призывали активно противодействовать негативному влиянию на общественное мнение рассуждений о «теории китайской угрозы» в России и «теории ненадежности России» в Китае, «совместно подавлять шум крайних националистических сил и прозападных сил» в обеих странах. «Здравомыслящие люди в Китае и России должны подняться, чтобы дать отповедь вмешательству внешних сил, которые ведут войну общественного мнения, войну дискредитации для разрушения отношений между Китаем и Россией».

Сигналом к снижению накала публичных выражений недовольства в адрес России стали официальные сообщения о телефонных беседах Си Цзиньпина с В.В. Путиным. 16 апреля 2020 г. китайский лидер заявил о своей уверенности в том, что под руководством президента РФ удастся в кратчайшие сроки взять эпидемию под контроль, гарантировать безопасность жизни и здоровья людей, возобновить экономическое и социальное развитие. Он отметил, что в первом квартале 2020 г. объем двусторонней торговли увеличился на 3,4 %, это выглядит позитивно на фоне общего спада в мировой экономике.

В беседе с В.В. Путиным 8 мая 2020 г. Си Цзиньпин соединил тему празднования юбилея Победы во Второй мировой войне с борьбой с коронавирусом: «Китайская сторона абсолютно уверена в том, что российская сторона в итоге полностью победит эпидемию, она продолжит твердо оказывать российской стороне поддержку. Международное сообщество должно развивать дух Мировой антифашистской войны, работать вместе, действовать единомысленно и сообща, объединяться и помогать друг другу, активно практиковать идею сообщества судьбы человечества, взяться за руки, чтобы победить в этой оборонительной битве, которая касается безопасности жизни и здоровья народов всех стран. Уверен, что совместными усилиями Китая, России и

международного сообщества мы обязательно победим все вирусы и добьемся окончательной победы в этой войне».

С российской точки зрения, совмещение темы войны и эпидемии может показаться необычным. Однако в китайском контексте оно выглядит естественным. В начальный, самый трудный период борьбы с коронавирусом в Китае были провозглашены лозунги «народной войны» с эпидемией, проведения «оборонительной битвы» в сфере здравоохранения. Перенос Си Цзиньпином подобной лексики в сферу российско-китайских отношений подчеркнул для внутренней китайской аудитории общность проблем и стратегий двух стран.

Первый год «новой эпохи» отношений России и Китая был наполнен новыми непредвиденными вызовами. Среди них — пандемия коронавируса, опасное ухудшение китайско-американских отношений, замедление роста мировой экономики с перспективой глобальной депрессии. Для совместных действий по выходу из кризиса двум странам как никогда необходимы взаимное политическое доверие и поддержка, ставшие дипломатической квинтэссенцией «новой эпохи» двусторонних отношений.

Список литературы

1. *Виноградов А.О., Зацепенко А.Ю., Сафронова Е.И.* США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIV. — М.: ИДВ РАН, 2019. — С. 187–206. — DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10011.
2. *Ломанов А.В.* Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 10. — С. 17–29. — DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-17-29.
3. *Лукин А.В.* Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // Россия в глобальной политике. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 222–233.
4. *Моргулов И.В.* Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития // Проблемы Дальнего Востока. — 2019. — № 5(1). — С. 3–11.

5. *Песцов С.К.* Российско-китайские отношения: внешние интерпретации и оценки // Проблемы Дальнего Востока. — 2019. — № 5(2). — С. 6–13. — DOI: 10.31857/8013128120007499-9.
6. Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин тун дянхуа : [Си Цзиньпин провел телефонный разговор с Президентом России Путиным] // Жэньминь жибао. — 17.04.2020. — С. 1.
7. *Фэн Шаолэй.* Чжун Э гуаньси 70 нянь дэ дандай ии : [Современное значение 70 отношений Китая и России] // Дандай шицзе. — 2019. — № 8. — С. 4–9. (На кит. яз.).
8. *Фэн Юйцзюнь.* Дуй синь пидай Чжун Э гуаньси дэ цзидянь сыкао : [Несколько размышлений о китайско-российских отношениях в новую эпоху] // Дунбэйя сюэкань. — 2019. — № 6. — С. 3–7.
9. *Чжан Дэгуан.* Чжун Э гуаньси: хуэйгу юй цяньчжань : [Отношения Китая и России: взгляд в прошлое и виды на будущее] // Элосы яньцзю. — 2019. — № 4. — С. 3–15.
10. *Чжао Минвэнь.* «Байнянь бяньцзюй»ся дэ Чжун Э гуаньси : [Китайско-российские отношения в условиях «вековой перемены»] // Тунъи чжаньсяньсюэ яньцзю. — 2019. — № 5. — С. 39–53.
11. Чжунго вайцзяо 70 нянь чжуаньцзя тань (чжи и) — да чжаньлюэ да хуань-цзин даго гуаньси : [Эксперты обсуждают 70 лет дипломатии Китая (часть 1) — большая стратегия, большая среда, отношения больших держав] // Гоцзи чжань-ван. — 2019. — № 3. — С. 1–20.
12. Russian alarm on imported infection risk: Global Times editorial // Global Times. — 13.04.2020. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185509.shtml> (accessed: 17.04.2020).
13. *Shah Ankur.* COVID-19: Trouble on the China-Russia Border // The Diplomat. — 05.05.2020. — URL: <https://thediplomat.com/2020/05/covid-19-trouble-on-the-china-russia-border/> (accessed: 10.05.2020).

УДК: 327.3

А.С. Гаврилова,

студентка 2 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

A.S. Gavrilova,

2nd year student,
Faculty of international relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
Email: anastasin185884@gmail.com

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Азиатско-Тихоокеанский регион является динамично развивающимся регионом уже на протяжении многих десятилетий. Связи между странами АТР затрагивают экономическую, социальную, культурную, военную, научную сферы деятельности. В статье показано, что страны АТР стали новыми экономическими и политическими центрами, представлены основные международные интеграционные организации, показаны механизмы взаимодействия путем создания новых соглашений о сотрудничестве.

Ключевые слова: АТР, международные отношения, ВВП, АСЕАН, АТЭС, АРФ.

Abstract. The Asia-Pacific region has been a dynamically developing region for many decades. Relations between the countries of the Asia-Pacific region affect the economic, social, cultural, military, scientific spheres of activity. The article shows that the Asia-Pacific countries have become new economic and political centers. The main international integration organizations along with the mechanisms of interaction through the creation of new cooperation agreements are presented there.

Key words: Asia-Pacific region, international relations, GDP, ASEAN, APEC, ARF.

Современный мир подвергается крупным изменениям во всех сферах жизни. Рост населения Земли, особенно в развивающихся странах, появление новых крупных экономических и инду-

стриальных центров, отмирание международных организаций лишь небольшая часть проявлений этих изменений. Особенно это проявляется в снижении роли старых мировых центров, прежде всего, Европы.

Стоит отметить, что Европа больше не является центром для урегулирования международных конфликтов. Сегодня большинство вопросов решаются диалогом между Российской Федерацией (РФ), Соединенными Штатами Америки (США) и Китайской Народной Республикой (КНР). Также увеличивается вес Индии, латиноамериканских, отдельных африканских и ближневосточных стран на международной арене. В этой связи встает вопрос, какой регион может занять прежнее место Европы? Представляется, что сегодня место международного лидера будет занято Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В последние годы аббревиатуру АТР нередко характеризуют такой фразой: «Наиболее динамично развивающийся регион мира». Именно сюда все быстрее и активнее перемещается центр мирового экономического развития. В связи с этим особое внимание ученых привлекают характер и направление трансформаций в этом регионе. В своей статье я провела исследование и попыталась разобраться, что представляет собой этот регион, какого его место в современной системе международных отношений.

Азиатско-Тихоокеанский регион объединяет большинство ведущих мировых держав. Именно в АТР находятся ключевые игроки на международной арене, т.к. РФ, США и КНР, азиатские “драконы”, развивающиеся страны Латинской Америки, такие высокоразвитые страны как Австралия и Новая Зеландия. Также некоторые эксперты относят к АТР, быстро развивающиеся Индия и Бангладеш. Крупнейшими городами региона являются Шанхай, Гонконг, Сингапур, Куала-Лумпур, Тайбэй, Сеул, Токио, Лос-Анджелес, Сидней, Мельбурн, Сан-Франциско, Сиэтл и Ванкувер. Штаб-квартиры многих межгосударственных и негосударственных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона расположены в Гонолулу (Гавайи). Такой разнообразный состав участника позволяет именно данному региону стать мировым лидером.

Уже сегодня АТР является глобальным мировым экономическим лидером. Обратимся к цифрам.

По данным Всемирного банка на 2015 г., в числе 30 крупнейших мировых экономик (топ-30) фигурировали 11 ведущих азиатско-тихоокеанских стран (АТР-11), на долю которых приходилось около 59% мирового ВВП (рис. 1)¹.

№	Страна	ВВП	№	Страна	ВВП
1	<i>США</i>	18037	18	Турция	718
2	<i>КНР</i>	11008	19	Швейцария	671
3	<i>Япония</i>	4383	20	Саудовская Аравия	646
4	Германия	3364	21	Аргентина	583
5	Великобритания	2858	22	Швеция	496
6	Франция	2419	23	Нигерия	481
7	<i>Индия</i>	2095	24	Польша	477
8	Италия	1822	25	Бельгия	455
9	Бразилия	1775	26	Иран	425
10	<i>Канада</i>	1551	27	<i>Таиланд</i>	395
11	<i>Южная Корея</i>	1378	28	Норвегия	387
12	<i>Австралия</i>	1339	29	Австрия	377
13	<i>Россия</i>	1331	30	ОАЭ	370
14	Испания	1199	Мировой ВВП		74153
15	<i>Мексика</i>	1144	ВВП стран топ-30		63796
16	<i>Индонезия</i>	862	Доля АТР-11 в мировом ВВП		58,7%
17	Нидерланды	750	Доля АТР-11 в ВВП топ-30		68,2%

*Рис. 1. Топ-30 стран по размеру ВВП в 2015 г.
(текущие цены, млрд долл.)
(страны АТР выделены курсивом)*

Однако для лидерства на международной политической арене, АТР требуется мощная интеграционная организация. Сегодня на территории АТР действует ряд крупных региональных и глобальных, диверсифицированных и специализированных международных организаций.

¹ Материалы Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org>.

Наиболее важными из них являются:

- 1) Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН);
- 2) Асеановский региональный форум (АРФ);
- 3) Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС);
- 4) Содружество Независимых Государств (СНГ);
- 5) Евразийский экономический союз (ЕАЭС);
- 6) Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);
- 7) БРИКС;
- 8) G-20;
- 9) G-8 (G-7);
- 10) E-7;
- 11) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);
- 12) Содружество наций;
- 13) Комиссия для стран южной части Тихого океана (КЮТО);
- 14) Форум островов Тихого океана (ФОТО);
- 15) Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ);
- 16) Азиатский клиринговый союз (АКС);
- 17) Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) и др. [1].

Наиболее важной в интеграционных процессах на территории АТР является АТЭС. АТЭС-главный Азиатско-Тихоокеанский экономический форум, созданный в 1989 году. Их основная цель-поддержка устойчивого экономического роста и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе. АТЭС гарантирует, что товары, услуги, инвестиции и люди легко перемещаются через границы. Страны-члены содействуют этой торговле за счет более быстрых таможенных процедур на границах и согласования правил и стандартов по всему региону. АТЭС работает над тем, чтобы помочь всем жителям Азиатско-Тихоокеанского региона участвовать в растущей экономике. Например, проекты АТЭС обеспечивают обучение сельским общинам цифровым навыкам и помогают женщинам из числа коренных народов экспортировать свою продукцию за рубеж. Признавая последствия изменения климата, члены АТЭС также реализуют инициативы

по повышению энергоэффективности и содействию устойчивому управлению лесными и морскими ресурсами².

Другой важной организацией в регионе является АСЕАН. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, или АСЕАН, была создана 8 августа 1967 года в Бангкоке. В отличие от АТЭС она также несет политические и культурные функции. Однако ее деятельность ограничена лишь территорией государств Юго-Восточной Азии, что не позволяет ей на данный момент быть полноценным центром интеграционных процессов в АТР.

Как указано в Декларации АСЕАН, целями и задачами АСЕАН являются:

- 1) ускорить экономический рост, социальный прогресс и культурное развитие в регионе;
- 2) содействие региональному миру;
- 3) поддерживать тесное и взаимовыгодное сотрудничество с существующими международными и региональными организациями с аналогичными целями и задачами и изучать все возможности для еще более тесного сотрудничества между собой³.

В 1994 в рамках превентивной дипломатии, по инициативе АСЕАН был запущен механизм Асеановского регионального форума (АРФ). Его задачей является обеспечение путем диалога и консультаций бесконфликтного развития обстановки как в Юго-Восточной Азии, так и в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Своей целью данная организация ставит многосторонний обще региональный политический диалога по всему спектру вопросов, связанных с обеспечением мира и стабильности в АТР. На мой взгляд, именно АРФ станет основой глобальной интеграции в АТР. Остальные организации, действующие на территории АТР, не способны быть лидерами глобальных интеграционных процессов в регионе, т.к. они не способны удовлетворить потребности всех государств региона в региональных интеграци-

² Официальный сайт Asia-Pacific Economic Cooperation — <https://www.apec.org/about-us/about-apec>.

³ Официальный сайт Association of Southeast Asian Nations — <https://asean.org>.

ях из-за своей территориальной ограниченности, узкой специализации, исторических и других причин.

Роль Российской Федерации в АТР

Без участия России невозможно представить обеспечение региональной военно-политической стабильности, коллективные усилия по противодействию международному терроризму, сотрудничеству в сфере чрезвычайного реагирования, межцивилизационного диалога. РФ придаёт первостепенное значение развитию экономического сотрудничества с упором на области, где у РФ имеют очевидные преимущества. Речь, прежде всего, идет об энергетике, включая атомную, транспорте. Повышение активности политики России в АТР и АСЕАН является частью Концепции российской внешней политики от 30 ноября 2016 года [2].

Деятельность России по обеспечению безопасности и сотрудничества в АТР, по мнению специалистов, могла бы развиваться по следующим направлениям:

- придание динамизма и конструктивности двусторонним отношениям со всеми без исключения странами региона;
- активная стимуляция движения региона к созданию субрегиональных и региональной систем безопасности и сотрудничества;
- настойчивые действия по урегулированию региональных конфликтов в АТР;
- продвижение практических мер по снижению уровня военного противостояния, укреплению доверия, включению механизмов консультаций, диалогов.

В заключение следует отметить, что в данном регионе присутствует множество конфликтов и территориальных споров и становится яснее, что необходима новая модель безопасности и стабильности в АТР, основанная на всестороннем диалоге между участниками конфликтов. Можно построить эту модель на основе формирования коллективной безопасности одновременно по нескольким направлениям и допустимо строить эту модель на основе переговоров двух или нескольких стран. Можно с уве-

ренностью заявить, что несмотря на существующие кризисные моменты в АТР, уже в ближайшем будущем благодаря активной работе различных региональных международных организаций, т.к. АРФ и АТЭС, в этом регионе будут активно проходить интеграционные процессы, которые позволят АТР стать мировым лидером. А Российская Федерация будет принимать самое активное участие в этих процессах. По словам министра, страны АТЭС сейчас стали для России одними из самых важных экономических партнеров.

Список литературы

1. Волков В.И., Меламед И.И., Терентьева Е.А. Международные организации и финансовые системы стран АТР. — М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2012. — 444 с.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640) // <https://base.garant.ru/71552062/>
3. Международные организации урегулирования конфликтов / отв. редакторы Т.А. Закаурцева, Т.В. Каширина. — М.: Дашков и К°, 2017. — 188 с.
4. Россия и страны Востока в постбиполярный период: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / Л.М. Ефимова, В.А. Аватков, В.Я. Белокреницкий и др. — М.: Аспект Пресс 2014. — 366 с.
5. Официальный сайт АТЭС // URL: <https://www.apec.org/>
6. Официальный сайт АСЕАН // URL: <https://www.asean.org>.
7. Официальный сайт АРФ // URL: <http://aseanregionalforum.asean.org>.

УДК

Л.М. Гимазиева,

студентка 1 курса,

кафедра «Востоковедения и африканистики»

Казанский Федеральный университет, Институт Международных Отношений;

Член Экспертного совета по молодежной политике

Молодежного парламента при Государственной Думе,

Руководитель направления политики

в международной общественной организации «Клуб Молодежи Мира»

М.Д. Яковлев,

студент 3 курса,

факультета международных отношений и геополитики,

Институт мировых цивилизаций, Москва

**РОЛЬ ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ:
МОДЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ**

L.M. Gimazieva,

1st year student,

Department of "Oriental and African Studies",

Kazan Federal University, Institute of International Relations;

Member of the Expert Council on Youth Policy

Youth Parliament under the State Duma,

Head of the policy direction

in the international public organization "Youth of the World Club"

E-mail: leisangimazieva@yandex.ru

M.D. Yakovlev,

3rd year student,

Faculty of International Relations and Geopolitics,

Institute of World Civilizations, Moscow

E-mail: max.yakovka@mail.ru

**THE ROLE OF TURKISH POLITICAL CULTURE
IN THE INTERNATIONAL RELATIONS OF THE OTTOMAN EMPIRE:
A MODEL OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF TURKISH CULTURE**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу социокультурных, социально-политических, экономических, а также международных аспектов в развитии Османской империи прошлого и их влияние на Турецкое государство современного типа. В рамках данной статьи используется термин «внешняя культурная идентичность», который наиболее полно отражает государственную политику Турции в области международного культурного сотрудничества. Целью данной статьи является изучение опыта Турецкой Республики в реализации внешней культурной политики и определение модели регулирования культурного сотрудничества государства на международной арене. Стоит также отметить, что предметом исследования в данной работе являются обычаи и традиции турецкой культуры, передающиеся из поколения в поколения, а также наследие Османской империи.

Ключевые слова: Турция, нация, культура, идентичность, религия.

Abstract. This article is devoted to the analysis of socio-cultural, socio-political, economic, as well as international aspects in the development of the Ottoman Empire of the past and their impact on the modern Turkish state. Within the framework of this article, the term «external cultural identity» is used, which most fully reflects the state policy of Turkey in the field of international cultural cooperation. The purpose of this article is to study the experience of the Republic of Turkey in the implementation of foreign cultural policy and to determine the model of regulation of cultural cooperation of the state in the international arena. It is also worth noting that the subject of research in this work are the customs and traditions of Turkish culture, passed down from generation to generation, as well as the legacy of the Ottoman Empire.

Key words: Turkey, nation, culture, identity, religion.

Турецкая Республика как одно из динамично развивающихся государств, имеющих богатое культурное наследие, уделяет серьезное внимание использованию потенциала культуры в продвижении национальных интересов на международной арене.

Как указывается в докладе комиссии Ахтисаари, «если Турция хочет полностью стать в один ряд с европейскими демократиями, она должна вновь вернуться к процессу преобразований и отказаться от авторитарного наследия и устаревшей враждебности к внешним влияниям» [9, с. 115].

Турция в первую очередь стремится расширить коммуникации со своими соседями и зарубежными партнерами. Во внешней культурной политике Турции огромную роль играет государственная идеология и религиозный фактор.

Если в древности культурный обмен осуществлялся нерегулярно, спонтанно и разрозненно, то с появлением машинного производства и расширения сфер коммуникации он стал увязываться с потребностями развития экономики. На фоне экономической ситуации, сложившейся во многих афро-азиатских государствах, современная Турция представляется страной сравнительно благополучной. Достаточно сказать, что за последние четверть века экономика Турции превратилась из аграрной в индустриально-аграрную. В стране освоены средние технологические уровни современного промышленного производства, в ней успешно функционируют все виды транспорта, радио- и телекоммуникации, информационные сети насыщаются компьютерной техникой.

В новое время пришло понимание того, что культурный обмен является важной частью внешней политики. Следствием этого стало утверждение в теории и на практике понятия внешней культурной политики, которую осуществляют международные, государственные и общественные организации.

Турецкая Республика, как южный сосед Российской Федерации, занимает особо важное место во внешней культурной политике РФ. Культурный обмен способствует расширению экономических, политических, гуманитарных связей между двумя странами. Вместе с тем, несмотря на достаточно подробное изучение достижений Турции в сфере внешней культурной политики, турецкими исследователями практически не отмечается, что апробация «мягкой силы» состоялась именно на постсоветском пространстве. Достижения и неудачи Турции в данном направлении наиболее ярко проявились именно в этих странах. В турецкой историографии не сложилась четкая терминология, которая бы отражала специфику национальных подходов.

В послевоенный период советско-турецкие культурные и научные связи восстанавливались и развивались также при активном участии советских ученых, писателей, деятелей искусств, работников здравоохранения, спортсменов и т.д. Расширение торгово-экономических связей между СССР и Турцией в 60–70-х годах поставило на солидную основу их научно-техническое сотрудничество и стимулировало развитие культурных отношений. Высту-

пая на торжественном заседании в Баку, посвященном 50-летию Советского Азербайджана, Л. И. Брежнев отмечал, что СССР придает «большое значение... развитию культурных и иных связей с нашими иранскими и турецкими соседями» [7, с. 284].

Национальную идентичность Турции часто приписывают руководству Мустафы Кемала Ататюрка («отца турок»), который был основателем Турецкой Республики и ее первым президентом. Руководствуясь идеалами светскости и демократического национализма, Ататюрк провел ряд реформ в ходе своего президентства (1923–1938). Они были направлены на модернизацию страны и изменение общественной жизни, чтобы она больше напоминала европейскую культуру. Например, некоторые аспекты западной одежды были сделаны обязательными для ношения гражданами, а турецкий язык был реформирован, чтобы заменить арабскую письменность модифицированным латинским алфавитом. Он также отменил ислам как государственную религию после столетий исламской традиции и ограничил видимость веры в общественной сфере. Хотя реализация его идеологии была осложнена различными факторами, сдвиг был драматичным.

Непоколебимые идеалы Ататюрка и их новообретенное место в турецком обществе получили название «кемализм». Многие турки продолжают уважать Ататюрка за шаги, которые он предпринял, чтобы модернизировать их страну и сделать ее более культурно совместимой с Европой. Оскорбление его имени или памяти по-прежнему считается преступлением. Военные традиционно считались «защитниками» кемализма, применяя силу для свержения лидеров, которые воспринимались как угроза секуляризму и национализму.

Достижения, которые турки за свою тысячелетнюю историю представили в таких областях, как армия, государственная организация, язык, искусство, литература, свидетельствуют о том, что они достигли уровня богатой и глубоко укоренившейся культуры и цивилизованности. Однако, изучая культурные и цивилизационные особенности турок из прошлого, в настоящее время кажется, что они особенно подвержены влиянию трех разных видов пепла.

Турецкая культура и цивилизация, развивавшаяся на оси степной культуры, с принятием ислама претерпели значительные изменения, оказав влияние исламской культуры и цивилизации. За столетие он (ислам) набрал обороты вместе с Танзиматом. Именно благодаря ментальной трансформации и усилиям по обновлению в эпоху Танзимата западная культура и цивилизация почувствовали свое влияние от хорошего к лучшему [8, стр. 395].

Влияние глобализации и западного влияния продолжалось и после создания такого государства, как Турецкая Республика. Она (Турция) попала в глубокую международную изоляцию и блокаду из-за своей внешней политики. Россия была в том же положении, но благодаря интеграции стран-членов НАТО и ЕС, турецкая позиция оказалась наиболее выгодной. Это дает Турции возможность проводить достаточно позитивную региональную политику и проводить многогранную политику на международной арене. Из раза в раз, турецкое правительство пытается выбраться из данной изоляции и улучшить отношения с США и ведущими европейскими государствами. Но одновременно они также стараются укрепить отношения с Россией и Китаем, другими азиатскими державами. Турецкая Республика постоянно выдвигает претензии и недовольства к США и Западу в целом, пытаясь нивелировать факторы международной изоляции. В настоящее время перед Турецкой республикой стоят первостепенные задачи геополитического вопроса на Ближнем Востоке, а также менее значимые задачи на Балканах и в Черноморско-Кавказском регионе.

Влияние западной культуры, продолжающееся до сих пор, невероятно возросло, особенно после 1980-х и 2000-х годов, когда телевидение из средств массовой информации стали широко распространяться не только в Турции, но и по всему миру. Эти события во многом усиливают процесс глобализации, о котором было упомянуто ранее, но и оказывают негативное влияние на традиции и язык, в частности на формирование турецкой национальной культуры. Другими словами, с глобализацией западная культура оказывает серьезное влияние на другие национальные культуры мира, включая турецкую культуру, от питания до привычек одежды и слов, используемых на родном языке.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Турецкой Республике сложилась модель внешней культурной политики с ведущей ролью государства на этапах ее планирования и реализации. Данный подход является для Турции традиционным и, следовательно, органичным. Проблемы, которые были выявлены при проведении проекта «Стамбул 2010 — европейская культурная столица», а именно необходимость расширения участия неправительственного сектора, показали, что государственная политика является достаточно гибкой и готова увеличить количество участников в данной области сотрудничества. Вместе с тем очевидно, что ключевые позиции в продвижении национальной культуры Турции за рубежом останутся в сфере влияния государства.

Список литературы

1. *Feroz Ahmad*. The making of modern Turkey. — London, 1993.
2. *Hasan Kösebalaban*. Globalization and the Crisis of Authoritarian Modernization in Turkey. — Turkey, 2009.
3. *Дулина Н.А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). — М., Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980.
4. *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. — М., Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
5. *Наумов Е.П.* Балканские народы под властью Османской империи в XVI — первой половине XVII в. — М.: Высшая школа, 1991.
6. *Орешкова С.Ф.* Ислам и европеизация: турецкий опыт синтеза двух путей цивилизационного развития. — М., 2010.
7. *Петросян Ю.А.* Тюркологический сборник 1976. — М., 1978.
8. *Сейтиева У.Б.* Культура и просвещение в Турции в эпоху Танзимата: 1839–1876 гг. — М., 2003.
9. *Ульченко Н.Ю.* Турция на пути к региональному лидерству (к 90-летию турецкой республики). — М., 2015.

УДК 316.752.4

Ю.А. Дементьева,

студентка 3 курса,

факультет глобальных процессов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Yu.A. Dementyeva,

3rd year student,

Faculty of Global Studies,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

E-mail: Julia011201@yandex.ru

THE CONFLICT OF VALUES OF CHINESE AND WESTERN CIVILIZATIONS IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В статье рассматривается противостояние китайской и западной цивилизаций в ценностном разрезе. Концептуально-методологическую основу представляет подход А. Тойнби о локальных цивилизациях. Описаны особенности ценностных систем каждой из названных цивилизаций и проведено их сравнение по реперным точкам. Сделан вывод о возможностях построения глобального гармоничного будущего при условии межкультурного диалога.

Ключевые слова: Китай, Западная цивилизация, цивилизационный подход Тойнби, ценности, глобализация.

Abstract. The article examines the confrontation between Chinese and Western civilizations in the context of values. The conceptual and methodological basis lays in the A. Toynbee's approach to local civilizations. The features of the value systems of each civilization named are described and their comparison by reference points is carried out. The conclusion is made about the possibilities of building a global harmonious future world under the condition of intercultural dialogue.

Key words: China, Western civilization, civilization approach of A. Toynbee, values, globalization.

Анализ процессов современной мировой политики напрямую зависит от понимания характеристик структурообразующих ак-

торов международных отношений. Один из способов систематизировать и структурировать их выражен в цивилизационном подходе. Владимир Вольфович Жириновский определяет цивилизации как живые реальности со сложной динамичной природой, существующие и развивающиеся уже много тысяч лет [3, с. 2]. Термин «цивилизация» вошел в научное использование в XVIII веке, и с тех пор произошла трансформация его наиболее часто употребляемого толкования от стадии развития общества до локальной конкретно-исторической и временной общности. На данный момент существует множество подходов к изучению локальных цивилизаций, и отправной концептуальной точкой данной работы следует назвать труд Арнольда Тойнби «Постижение истории» (1934–1961) [8]. В своих первоначальных исследованиях английский историк выделил 21 локальную цивилизацию, среди которых назвал китайскую (древнекитайскую) и западную. Их взаимоотношения мы рассмотрим в данной работе.

Китай — это страна, представляющая одну из наиболее древних цивилизаций. Она расположена в Восточной Азии, территориально подразумевает современную Китайскую Народную Республику и Китайскую Республику (Тайвань), которые кроме исторических китайских земель охватывают Тибет, Внутреннюю Монголию, Синьцзян (Восточный Туркестан), Маньчжурию, Гонконг и Макао. По одной из оценок, доисторический Китай начал существовать более пяти тысяч лет назад. Ся — первая династия Древнего Китая — возникла в XXI веке до нашей эры. До XIX века нашей эры это было передовое государство и мировой культурный центр. Все человечество обязано Китаю четырем великими изобретениями: бумагой, компасом, порохом и книгопечатанием [2, с. 24]. Всему миру известны идеи конфуцианства, даосизма, «искусства войны» Сунь-цзы [4]. Сейчас Китай называют мировой фабрикой, он обладает первой в мире экономикой по уровню валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности¹.

¹ GDP, PPP (current international \$)// The World Bank. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения 20.04.2022).

Западная цивилизация, она же западно-христианская, западный мир или Запад — это собирательное обозначение стран Западной Европы и Америки, Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи, Новой Зеландии и близлежащих островов Тихого океана. Как понятно из одного из названий, одним из объединяющих факторов для этих территорий выступает западное христианство, католичество и т.д. Западная цивилизация гораздо более молодая. Как и для китайской, для этой цивилизации нет единой точки отсчета появления. Кто-то сужает ее до Западноевропейской цивилизации, ведет отсчет от времени существования и расцвета Древней Греции, а кто-то связывает с эпохой Великих географических открытий и XV–XVI веками соответственно.

Традиционно XIX век называли веком Европы, XX — веком Америки, а XXI сейчас все чаще именуют веком Востока. Это свидетельствует о смещении глобальных центров силы. Речь в данном случае идет не о географических единицах, а о маркерах социальных ценностей, претендующих на особое идентификационное значение [7]. Китай является неоспоримым лидером региона, но если он сам заявляет о политике добрососедства, не претендуя на экспансионизм, то Запад, напротив, очень активно стремится отстоять свои прежние позиции, что проявилось, например, в торговой войне США с Китаем. Для стран Запада характерна боязнь того, что все мирные заявления Китая декларативны и что за ними кроется его желание разрушить западно-центризм [1]. Различия между западным и восточным мирами не могли не дать о себе знать, и чтобы понимать суть конфликтов, необходимо проанализировать их первопричины. Различия в ценностном наборе задают сторонам разные системы координат. Ценности здесь следует понимать как гуманитарно-философские универсалии, обозначающие оценочную сторону общественных явлений и социокультурную значимость каких-либо из них. Из определенных наборов ценностей складываются идеологии, а те, в свою очередь, формируют внешнюю и внутреннюю политику стран рассматриваемых цивилизаций. Поэтому давайте проследим, что составляет ядро ценностей Китая и Запада.

Европейские страны, США и Канада опираются на схожий набор понятий и экспортируют его «во вне», в особенности стра-

нам третьего мира, часто под эгидой гуманитарной интервенции. В первую очередь к этому набору относится верховенство закона, демократия, высокое развитие гражданского общества, защита прав человека, меньшинств, свободы слова, рыночная экономика.

В КНР цивилизационно-культурный подход вкупе с концепцией «мягкой силы» закреплены на государственном уровне. На XVIII съезде Коммунистической Партии Китая в отчетном докладе ЦК в ноябре 2012 года² были объявлены 12 конкретных ценностей, получивших название 社会主义核心价值观 «сердцевинные социалистические ценностные воззрения» (shèhuìzhūyì héxīn jiàzhíguān — шэхуйчжуи хэсинь цзячжигуань). Они делятся на три группы: ценности государства (процветание/богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония), ценности общества (свобода, равенство, справедливость, верховенство закона) и личные ценности (патриотизм, преданность, честность и дружелюбие/доброта) [5].

Китай стремится экспортировать свою культурную идентичность, и первоочередная задача в этой цели — отвечать современным культурным тенденциям. Вышеперечисленные «сердцевинные ценности» рациональны, действительно отражают национальные интересы страны и их продвижение за рубеж. Продвижение двенадцати ценностей среди китайского населения активно велось и ведется через официальные источники информации. Согласно ежедневному изданию ЦК КП Китая газете 人民日报 (Rénmín Ribào — Жэньминь жибао), «когда у людей есть вера, нация сильна»³. Социалистические ценности твердо внедряются в сознания людей, проживающих внутри страны. Но если в китайском обществе ответственность идет पहले, чем свобода, коллектив стоит выше индивида, Запад, наоборот, концентрируется на личном индивидуальном развитии и пропагандирует его.

² Резолюция 18-го Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета 17-го созыва // Китайский информационный Интернет-центр. — URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124058.htm (дата обращения 22.04.2022).

³ 高端决策参考: 中国文化的力量 [gāoduān juécè cānkǎo: Zhōngguó wénhuà de lìliàng] / 于金枝主编的 [Yú Jīnzhī zhǔbiān de]. 北京: 人民日报出版社 [Běijīng: rénminribào chūbǎnshè], 2011. — 361 p.

Поэтому на данный момент часть китайских ценностей сложно объяснить европейскому или американскому обывателю.

Итак, мы наблюдаем конфликтную ситуацию, в которой представители китайской и западной цивилизаций имеют разные взгляды на мир, причем в большинстве случаев различия настолько велики, что ценности сторон несовместимы. Само по себе столкновение в данном случае возможно потому, что западные ценности «посягают» на китайские и претендуют на универсальность для всего мира, в том числе для стран Востока. В ценностный конфликт вступают большинство сфер жизни общества: рыночная экономика с «китайской спецификой» функционирует иначе, нежели западный рынок; роль государства в Китае гораздо сильнее, чем на Западе. Отличается даже собирательный образ «общественного деятеля» или «публичного лица» из-за разницы в понимании этикета, самого понятия вежливости и невербальных жестах [9]. Эти различия, главным образом, снова упираются в полярность китайского, восточного коллективизма, развивавшегося под длительным воздействием феодализма, и западного индивидуализма, унаследовавшего влияние Ренессанса. Но также причинами в различиях самосознания китайца и европейца или американца служат географические и исторические особенности развития цивилизаций. Западный мир относится к так называемым морским державам, они более открытые, подверженные внешним влияниям, адаптивные; Китай же — одна из сухопутных держав, следовательно он характеризуется закрытостью, большей авторитарностью и обособленностью развития. В Китае сохранилась иерархичность личностных отношений, сохраняется тенденция подчинения старшим по возрасту и положению и уважения к ним. Носители китайского культурного кода склонны избегать конфликтов. Исходя из совокупности всех вышеперечисленных факторов, китайское общество представляется для многих зачастую не только загадочным, но и вовсе необъяснимым.

Ключ к достижению взаимопонимания между сторонами, по мнению автора, лежит в общности первичных ценностей, в общечеловеческой морали. «12 сердцевинных ценностей» предельно просты, и понятия дружбы, свободы, гармонии понятны абсолютно любому человеку на земле и желанны им. Экспорт

этой концепции позволит улучшить диалог между китайской и западной цивилизацией и может дать возможность построения гармоничного глобального будущего.

Более того, исследователи, рассматривающие глобализацию с точки зрения глобопессимизма, видящие в ней угрозу «макдонализации» и ратующие за необходимость противостояния ее западному типу, в китайской идее сердцевинных ценностей могут наблюдать новую альтернативу глобальному развитию [5]. Это означает, что западная цивилизация теряет неоспоримый примат в диктате собственных ценностей всему миру и вновь подтверждается мысль о смещении глобальных центров силы.

В предотвращении острых форм столкновений в поле международных отношений центральное место должно быть отдано межкультурному диалогу. Учитывая асимметричность участников, предпочтение английского как языка диалога, что также приводит к асимметрии, исторический релятивизм и противоречивость в культурах друг друга, диалог должен быть основан на равенстве и стремлении сторон к обогащению. Должно происходить осмысление истории с отступлением от постхристианского этноцентризма [6]. Диалогу будет способствовать поиск межкультурных универсалий, и они должны стать договорными, а не постулированными. Готовность к такому диалогу и понимание собственных ценностей как относительных позволит странам двух рассматриваемых нами цивилизаций совершенствовать свою идеологическую систему и выявить насущные проблемы культурной и политической ориентации.

Список литературы

1. *Дементьева Ю.А.* Роль и место Китайской Народной Республики в глобальной экономике // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2021. — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_7_21926.htm (дата обращения 25.04.2022).
2. *Демина Н.А., Чжу Канци.* Страноведение Китая. Учебники для вузов: В 2 ч. Ч. I. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Толмач СТ, 2009. — 248 с.

3. Западно-христианская цивилизация. Учебное пособие «Социология мировых цивилизаций». — М.: Издание ЛДПР, 2014. — 112 с.
4. Искусство войны / Сунь-цзы, У-цзы; пер. с китайского, прим., коммент. Н.И. Конрада. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.
5. *Левицкий В.С.* Глобализация и ее идеологические границы // *Universum: общественные науки.* — 2017. — № 4 (34). — С. 21–25.
6. *Пол К.-Х.* Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога // *Век глобализации.* — 2012. — № 1. — С. 94–103.
7. *Радкевич К.В., Шабага А.В.* Оппозиция «запад-незапад» в социальной мысли: Pro et contra // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Социология. — 2018. — Т. 18. — № 1. — С. 20–32.
8. *Toynbee A.J.* Study of History. — London, 1939. — XII Vol.
9. *Zhang Xuefang* A Comparative Study of the Typical Features of a “public figure” in Chinese and Western Cultures // *Политическая лингвистика.* — 2020. — № 1 (79). — С. 114–120.

УДК 327

Д.П. Колосков,

студент 2 курса,

факультет международных отношений и геополитики,

Институт мировых цивилизаций, Москва

ПРОКСИ-ВОЙНА КАК ОСНОВНАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО НА УКРАИНЕ

D.P. Koloskov,

2nd year student,

Faculty International relations and Geopolitics

Institute of World Civilizations, Moscow

E-mail: dimakolos@yandex.ru

PROXY WAR AS THE KEY STRATEGY OF NATO IN UKRAINE

Аннотация. Стремление НАТО обескровить Россию и не допустить успешного завершения специальной военной операции на Украине, что проявляется в поставках украинской стороне «оборонного» вооружения, обеспечении ее разведданными,

формировании в зоне боевых действий отрядов иностранных наемников, есть свидетельство основной стратегии прокси-войны. Статья анализирует концепцию войны чужими руками в современных реалиях и проводит параллель с ее историческими проявлениями.

Ключевые слова: прокси-война; специальная военная операция, НАТО, обескровить Россию, гибридная война.

Abstract. Eagerness of NATO to bleed Russia dry that we see as military supply to Ukraine, sharing intelligence and forming mercenary squads in the warzone and not to allow Russia finish its special military operation in Ukraine successfully constitutes the key strategy of 'proxy war'. The article analyses the concept of proxy war through the present day lens and compares it with the past.

Key words: proxy war; special military operation; NATO; bleed Russia dry; hybrid warfare.

Явление прокси-войны или опосредованной войны, или как высказался Эйзенхауэр — войны чужими руками, далеко не ново. Весь период «холодного противостояния» США И СССР знает большое количество примеров, когда Вашингтон и Москва действовали по принципу «враг моего врага — мой друг», избегая эскалации ядерного конфликта и при этом оказывая существенное давление друг на друга. Свидетелями другого примера прокси-войны мы стали совсем недавно, когда в Сирии против России и правительственных войск США финансировали запрещенные в РФ отряды боевиков ИГИЛ и Аль-Каиды.

Классическое определение прокси-войны от Карла Дойча, появившееся во второй половине XX в., актуально до сих пор. Он говорит, что это международный конфликт между двумя странами на территории третьей страны и с использованием её ресурсов под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране.

То, что мы наблюдаем сегодня со стороны Альянса, а именно поставки Украине противоздушных ракет «FIM-92 Stinger», противотанковых систем «FGM-148 Javelin», боевых дронов-камакадзе «Switchblade» и другого «оборонительного» вооружения; формирование и переброска в зону боевых действий иностранных наемников и добровольцев есть ничто иное, как продолжение прокси-войны против России со стороны НАТО [2].

В самом начале специальной военной операции президент Украины, Владимир Зеленский, заявил о примерно 16 тысячах бойцов из-за рубежа готовых отдать жизнь за бандеровцев [1]. Уже отдают и очень щедро. Вследствие большого количества иностранных наемников был создан так называемый «Интернациональный легион территориальной обороны Украины» в феврале 2022 года для противостояния российской миротворческой миссии.

Пока президент США, Джо Байден, генеральный секретарь НАТО, Йенс Столтенберг, и другие ключевые фигуры Североатлантического блока обещают, что начинать боевые действия против России на Украине с их стороны не планируется, концепция ‘Bleed Russia Dry’ всё чаще звучит в американском истеблишменте. Другими словами, НАТО стремится «обескровить», «обессилить» Россию на украинской территории.

Одним из очевидных примеров служит выступление Хилари Клинтон на американском телеканале MSNBC от 28 февраля 2022 г., в ходе которого она подтвердила необходимость поставок вооружений на Украину для закручивания гаек («keep tightening the screws») против РФ [7]. Также Хилари провела аналогию с финансированием и военной помощью «Талибам» во время советско-афганской войны (известные операции «Фарадей», «Циклон», «Москит», проводимые с 1979 по 1989 г.). Таким образом, вторую версию Афганистана мы наблюдаем прямо сейчас, но уже в центре Европы.

Помимо Хилари Клинтон о поддержке инструмента ‘Bleed Russia Dry’ публично высказался видный американский политолог, Фрэнсис Фукуяма, опубликовав прогноз дальнейших событий на Украине из 12 пунктов под названием «Preparing for Defeat» [6]. ‘Defeat’ он, конечно, оставлял за Россией.

Более того, Белый дом подтвердил, что Украине передаются разведанные о дислокации российских войск, полученные через спутниковые радиолокационные системы и самолеты AWACS на восточной границе НАТО [5].

Администрация Байдена-Харрис играет в прокси-войну «на лезвии ножа», балансируя между помощью Украине и недопущению прямого столкновения России и НАТО, что мгновенно перерастет в ядерный конфликт. С одной стороны, мы наблюда-

ем поставки «оборонительного» вооружения на Украину (Количество и перечень которых был дополнен еще на 800 млн. долл. и опубликован на официальном сайте Белого Дома [3]), а с другой — мы слышим, как США запрещают Польше отправлять украинской стороне «МиГ-29» и отказываются устанавливать бесполётную зону над Украиной [4].

Следовательно, «коллективный Запад» будет и дальше пытаться обескровить Россию и недопустить успешного завершения российской спецоперации, что объясняется отсутствием дипломатических усилий США по прекращению огня и резкой деградации главного международного института, независимого и беспристрастного — Генеральной Ассамблеи ООН, которая оказывает давление на преимущественно развивающиеся и «третьи» страны, чтобы те голосовали по антироссийским резолюциям.

В заключение, позвольте добавить, что прокси-война на Украине является лишь продолжением масштабной гибридной войны между США и Россией, длившейся уже долгие годы и включающей не только методы военно-силового воздействия, но и политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического, информационно-технического и даже террористического давления.

Список литературы

1. Зеленский заявил о 16 тысячах иностранных наемников, едущих на Украину // РИА НОВОСТИ // URL: <https://ria.ru/20220303/naemniki-1776217437.html> (дата обращения: 1.05.2022).
2. Что обещают Европе и миру иностранные наемники на Украине // SPUTNIK // URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220305/inostrannye-naemniki-ukraina-1046551365.html> (дата обращения: 2.05.2022).
3. Fact Sheet on U.S. Security Assistance for Ukraine // The White House // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/16/fact-sheet-on-u-s-security-assistance-for-ukraine/> (дата обращения: 2.05.2022).
4. For the U.S., a Tenuous Balance in Confronting Russia // The New York Times // URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/19/us/politics/us-ukraine-russia-escalation.html> (дата обращения: 14.06.2022).

5. Putin Misunderstands History. So, Unfortunately, Does the U.S. // Bloomberg // URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-03-22/niall-ferguson-putin-and-biden-misunderstand-history-in-ukraine-war> (дата обращения: 5.05.2022).
6. Preparing for defeat // American Purpose // URL: <https://www.americanpurpose.com/blog/fukuyama/preparing-for-defeat/> (дата обращения: 5.05.2022).
7. Transcript: The Rachel Maddow Show, 2/28/22 // MSNBC // URL: <https://www.msnbc.com/transcripts/rachel-maddow-show/transcript-rachel-maddow-show-2-28-22-n1290370> (дата обращения: 10.05.2022).

УДК 327

E.S. Коровашкина,

студентка 1 курса бакалавриата,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ США И ИРАНА НА ОСНОВЕ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ СДЕЛКИ

E.S. Korovashkina,

1st year bachelor student,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg
E-mail: KorovashkinaLi@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF CULTURAL IDENTITIES OF THE USA AND IRAN BASED ON THE CASE OF IRAN NUCLEAR DEAL

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка анализа культурных идентичностей Соединенных Штатов Америки и Исламской Республики Иран через призму приверженности к разным цивилизациям. За основу теоретической базы статьи взята теория этнокультурного разделения цивилизаций американского политолога и социолога Сэмюэля Хантингтона, опубликованная в его научном труде « Столкновение цивилизаций ». Автор выявляет влияние культурных ценностей Соединенных Штатов Америки и Исламской Республики Иран на политическую систему государства и ее политическую культуру и традиции. Номинальный анализ культурных

идентичностей основывается на дихотомии культур «индивидуализма-коллективизма», разработанной известным нидерландским социологом Герардом Хофстеде. На основе номинального анализа влияния культурных идентичностей, автором также проводится эффективный анализ крупного международного конфликта — Иранской ядерной сделки. Данный конфликт является серьезной угрозой международной безопасности, однако консенсуса по его решению не было разработано до сих пор. На основе сравнительного анализа номинального и эффективного влияния культуры на развитие политической культуры и политической системе двух стран-участниц конфликта — Соединенных Штатов Америки и Исламской республики Иран, автор делает вывод, какую роль цивилизационные различия играют в противоречивости двусторонних отношений США и Ирана.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Иран, шиизм, культурные идентичности, коллективизм, индивидуализм, Иранская ядерная сделка.

Abstract. This article aims at formulating the role of cultural identities the USA and Iran through the attachment to the different civilizations. For the theoretical basis have been chosen the theory of ethno-cultural division of civilization of American political scientist and sociologist Samuel Phillips Huntington, who has published his theory in his treatise "The clash of civilizations". To achieve that, the author has scrutinized cultural peculiarities of both the USA and Iran and their influence on political system, political culture and traditions. Nominal analyze is based on the cultural paradigm "Individualism-Collectivism", developed by Dutch sociologist Gerard Hendrik Hofstede. Due to nominal analyze effective analyze of huge international conflict "Iran Nuclear Deal" has been conducted. This conflict seems to be a serious threat to the international safety, although there is still no consensus. Based on both nominal and effective analyze of cultural influence on political development and political systems of both states, the author describes the place that civilizational differences takes in contradictive relations between Iran and The USA.

Key words: The USA, Iran, shiism, cultural identities, collectivism, individualism, Iran Nuclear Deal.

На современном этапе развития международной системы все более актуальной становится этнокультурная цивилизационная теория, принадлежащая американскому политологу и социологу Сэмюэлю Хантингтону. Данная теория гласит о том, что в основе конфликтов XXI века лежит разность цивилизационного развития государств [8]. Политические границы теперь не корректируются идеологией, сплочением вокруг региональной державы или сверхдержавы, на современном этапе развития общества по-

литические границы все чаще соотносятся с границами культурными: этническими, религиозными или цивилизационными. Становлению такого феномена в международных отношениях способствовало множество факторов: окончание «Холодной войны» как наиболее яркого идеологического противостояния двух сверхдержав и сложившихся возле них систем биполярных блоков, противостояние глобализационным тенденциям развития международной системы. Наиболее яркими примерами столкновения цивилизаций являются столкновения Западной и Исламской цивилизации, так как именно эти две цивилизации имеют абсолютно различный набор культурных, социальных и политических идентичностей, что усложняет нахождение компромисса в условиях международных конфликтов. Одним из таких конфликтов, напрямую затронувших все международное сообщество и поставивший под угрозу международную безопасность, является конфликт Иранской ядерной сделки.

Переговоры по выработке консенсуса продолжались десять лет: с 2005 года и по 2015 год, и до настоящего времени этот вопрос еще не закрыт. В результате десятилетнего торга был разработан договор — «Совместный всеобъемлющий план действий». Это политическое соглашение между Ираном и странами 5 + 1: США, Россией, Францией, Великобританией, КНР, пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, и Германией. Сложности в процессе выработки внешнеполитического решения характеризовались длительным политическим и экономическим торгом. Каждая из стран в данном случае старалась отстоять свои национальные интересы и разрешить конфликтную ситуацию с наибольшей выгодой. Основной дихотомией в конфликте является «иранское обогащение — американские санкции». Почвой для столкновения Ирана со странами 5 + 1 является его попытки разработки и создания ядерного оружия. Разработка ядерного оружия Ираном представляло опасность существующему мировому порядку, так как являлась прямой угрозой мировой безопасности, что, соответственно, вызвало беспокойство стран Европы, США, Китая и России. Внешнеполитическое соглашение по Иранской ядерной сделке представляется очень важным как для стран-участниц конфликта, так и для

всего мирового сообщества и его безопасности. Основные трения возникают между Соединенными Штатами Америки и Ираном, а такие страны, как Россия, Великобритания, Франция, Германия и КНР скорее являются медиаторами.

Иран и США являются странами-представительницами абсолютно разных цивилизационных подходов, набора культурных идентичностей. Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части. Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотившимся на основе общности культуры и цивилизации. Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническим, религиозными и цивилизационными. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике [8]. Когда приходит кризис идентичности, для людей в первую очередь имеет значение кровь и вера, религия и семья. Люди сплачиваются с теми, у кого те же корни, церковь, язык, ценности и институты и дистанцируются от тех, у кого они другие [8].

Сравнение культур Ирана и США по дихотомии «индивидуализм-коллективизм» на примере Иранской ядерной сделки

Набор культурных идентичностей Ирана и Соединенных Штатов Америки различен. С. Хантингтон, крупнейший политолог и автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций относит Иран и Соединенные Штаты Америки к разным цивилизациям: Иран является ярчайшим представителем исламской цивилизации, США — западной [8]. Приверженность к разным цивилизациям отражается на культурных особенностях двух этих стран, которые в свою очередь влияют на политические особенности государств.

Дихотомия «индивидуализм — коллективизм», разработанная нидерландским социологом Г. Хофстеде [9] представляется

наиболее эффективной для проведения сравнительного анализа двух культур через следующие категории.

Самоидентификация и субъект деятельности. Самоидентификация — устойчивое отождествление человека с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие её целей и системы ценностей, осознание себя членом этой группы или общности. В культуре коллективизма осознание себя основывается на принадлежности к определенной группе — «мы». В культуре индивидуализма отождествление личности происходит через ее уникальность — «я». В культуре индивидуализма важную роль играет именно личность, в то время как в культуре коллективизма ответственность лежит на группе лиц. Эти черты непосредственно влияют на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений, а также на проведение переговоров.

Во-первых, в данной дихотомии субъекты политической деятельности имеют разный вид ответственности: в культуре индивидуализма большое внимание уделяется именно роли личности, ее уровню профессионализма, набору навыков и знаний, уникальности. Данные критерии являются основными в процессе выработки внешнеполитического решения, за каждым из которых всегда стоит конкретный человек. В культуре коллективизма личность играет опосредованную роль, так как наиболее важно именно представить коллективно выработанную позицию по вопросу.

Несмотря на эффективную систему «сдержек и противовесов» [2] в политике Соединенных Штатов Америки важная роль отводится политическим субъектам, а именно главе государства — президенту Соединенных Штатов Америки. Президенты США оказывали серьезное влияние на международное сообщество путем громких заявлений и лозунгов. Таким заявлением было, к примеру, речь Джорджа Буша младшего на ежегодном обращении к Конгрессу в 2002 году. Во время своего выступления в Конгрессе политик заявил о том, что Иран «спонсирует терроризм»¹

¹ Официальный сайт Белого Дома Соединённых Штатов Америки. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения — 10.05.2022).

и разрабатывает оружие массового поражения для последующей передачи этого оружия террористам и тем самым является страной “Оси зла”» [7, р. 99]. Еще одним современным и ярким примером влияния политической фигуры на международную обстановку является высказывание Дональда Трампа относительно разработанного в 2015 году договора «Совместный всеобъемлющий план действий». Дональд Трамп назвал этот договор «худшей сделкой для США» [5, с. 20–21]. Такие резкие политические высказывания лидеров Соединенных Штатов Америки способствуют эскалации конфликта, так как они дискредитируют Исламскую республику Иран в глазах международного сообщества, выгодно подсвечивая позицию США в данном конфликте.

Моральные ограничения. Мораль — регулятор общественно-го поведения, правила и нормы того, как люди должны функционировать в обществе.

У стран с доминирующей индивидуалистской культурой субъект несет ответственность перед самим собой чаще, чем перед другими людьми или Богом. В культуре коллективизма ответственность субъект несет перед коллективом. Основным регулятором общественного поведения в Иране является религия. Доминирующая религия Ирана — ислам шиитского толка. Характерная черта ислама шиитского толка заключается в организации власти: Иранская политическая система придерживается концепции имамата — духовного и светского лидера. Главой государства является рахбар — духовный лидер, избранный Божественной волей. Именно он обеспечивает полноту власти до прихода 12 имама — последнего, непогрешимого имама, скрытого сейчас. Иран является теократической страной, в которой религия оказывает ключевое воздействие на формирование как мировоззрения людей, так и на политическую систему [4]. Еще одним доминирующим постулатом данной религии является политическое разделение мира на две части: «дар-уль-ислам» — мусульманский мир и «дар-уль-ширк» — мир нечестия и многобожия.

Культурная и политическая идентичность Соединенных Штатов Америки прямо противоположна Ирану. США является светским государством без доминирующей религии вероисповедания. Регулятором норм поведения является сложившаяся

мораль, которая опосредованно основана на христианских догмах, но в большинстве своем впитала ценности либерализма: уникальной человека, свободна, частная собственность, равенство — провозглашаются основополагающими ценностями Соединенных Штатов Америки. Концепция либерализма оказало огромное влияние на формирование политической системы Соединенных Штатов Америки, положила основу развития демократии и демократических ценностей [1].

Разность моральных принципов и концепций Ирана и США и неспособность двух стран договориться приводит лишь к эскалации конфликта по Иранскому ядерному обогащению. Исламская республика Иран считает, что США покушаются на суверенность и независимость Ирана и желают вновь установить контроль над этой страной на Ближневосточном направлении через деятельность и контроль международной организации МАГАТЭ. В свою очередь администрация США полна стереотип об Иране. Так на своей странице в социальных сетях Дональд Трамп неоднократно публиковал записи, в которых заявлял о том, что «Иран не понимает “терпимости” и “хорошего отношения”, в отличие от понятий “Силы” и “Власти”», «Замечательные жители Ирана страдают без причины. Их лидер тратит все деньги на террор»². На основе высказываний Дональда Трампа видно, что сложившийся политический режим Ирана воспринимается как тоталитарный или, как минимум, авторитарный. Однако позиция Ирана в данном вопросе однозначна: Иран — суверенная демократическая теократия. Теория демократического мира также подтверждает тезис администрации США и лишь сильнее укрепляет мнение о том, что Иран — тоталитарный режим.

Правосознание. В культуре индивидуализма закон одинаков и равен для всех, в культуре коллективизма зависит от позиции человека в обществе. В Соединенных Штатах Америки фундаментальной правовой системой является Англо-саксонское, ха-

² Материалы новостного агентства Голос Америки // URL: <https://www.golosameriki.com/a/cn-us-iran-1st-update/4974806.html> (дата обращения: 22.02.2022).

рактизирующееся судом присяжным и развитой системой судов второй инстанции — апелляционных. Вынесенное решение суда может быть оспорено в рамках работы апелляционных судов. На организацию работы судебной ветви власти оказали влияния либеральные и демократические ценности: возможность оспорить решение суда как одно из прав личности.

Правосознание Ирана сильно отличается от правосознания Соединенных Штатов Америки. Судебная система Ирана основана на мусульманском праве и законах Шариата. Законы шариата и мусульманское право в Иране провозглашаются выше международного [6]. Решение суда выносится только единоверцам и не может быть оспорено или апеллировано.

Таким образом, на основе вышеупомянутых критериев Г. Хофстеде можно сделать вывод о том, что Иран и США действительно имеют набор очень разных культурных идентичностей, которые оказывают прямое влияние на политическую систему и культуру этих стран. В свою очередь, культурные идентичности произрастают из разности цивилизационного различия.

Вывод

На основе номинального и эффективного анализа двух стран с разным набором культурных идентичностей можно сделать следующий вывод: культурные различия действительно способствуют эскалации представленного конфликта. Помимо экономического, геополитического противостояния, набор стереотипов и неспособность понять культурную и политическую уникальность и идентичность государства способствует представлению неверного образа об этой стране, который может стать элементом пропаганды и дестабилизации образа этого государства на арене. Ситуация непонимания США и Ирана не уникальна, однако, в условиях международной угрозы поиск международного консенсуса представляется жизненно важным. Ответственность за выработку решения и компромисса по ядерной программе одинаково лежит как на Иране, так и на Соединенных Штатах Америки. Хочется отметить, что особая ответственность лежит

непосредственно на Вашингтоне. Нежелание Вашингтона вести прямой диалог с Ираном в течение длительного времени блокировало международные усилия по поискам дипломатической развязки иранского ядерного узла [3, р. 6].

Список литературы

1. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. — М.: Мысль, 2014. — 500 с.
2. Кучеренко П.А. Полномочия Президента США в системе сдержек и противовесов // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. — 2010. — № 4. — С. 93–100.
3. Мизин В.И. Иранская ядерная программа: возможны варианты? // Аналитические записки института международных исследований МГИМО. — С. 6–8.
4. Оськина О.И. Современная политическая культура Ирана // *Astrapolis*. — 2021. — № 11. — С. 159–167.
5. Приходько О.В. Внешняя политика Д. Трампа и европейские союзники США // Россия и Америка в XXI веке. — 2018. — Вып. 2. — URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000028-7-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Рассказов Л.П. Мусульманское право как разновидность религиозного права // Теория и история права и государства. — 2010. — № 1 (28). — С. 25–26.
7. Сафонов А.С. Эволюция политики администрации Джорджа Буша-младшего в отношении Ирана // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. — 2011. — № 2.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: Изд-во АСТ. — 2003. — 603 с.
9. Hofstede, Gert Jan Hofstede, Minkov M. *Cultures and organizations. Software of the mind*. — New York City: McGraw-Hill Irwin, 2010. — 578 p.

УДК 327.8

З.Р. Мухаметзянова,

студентка,
образовательная программа
«Современная культура и образование Кореи (корейский язык)»,
Московский городской педагогический университет, Москва

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РК — ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ BTS

Z.R. Mukhametzyanova,

student.
the educational program “Modern culture and education of Korea (Korean language)”,
Moscow City University, Moscow
E-mail: zarrina.myhametzyunova.88@gmail.com

CULTURAL DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF KOREA THROUGH THE ACTIVITIES OF THE BTS

Аннотация. В статье рассмотрена практика вовлечения в инициативы культурной дипломатии Республики Корея представителей популярного жанра К-поп. На примере общественной деятельности, поддержке и лидерства в международных социальных проектах, программных выступлениях на международных площадках участников группы BTS показано возрастающее значение представителей музыкальной индустрии как послов культуры Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея, публичная дипломатия, культурная дипломатия, К-поп.

Abstract. The article analyses the recent practice of involving representatives of the popular K-pop genre in the cultural diplomacy initiatives of the Republic of Korea. Through engagement with social activities, support and leadership in global social projects, as well as by delivering program speeches at international for a, the BTS group members have become key representatives of the Republic of Korea as its cultural ambassadors.

Key words: Republic of Korea, public diplomacy, cultural diplomacy, K-pop.

Республика Корея реализовывает культурную дипломатию при доминирующей роли государства, определяющего стратегию по созданию благоприятного имиджа страны за рубежом [5].

Вместе с тем, появление значительного числа участников культурной дипломатии приводят к появлению новых возможностей и инициатив культурной дипломатии, которые реализуются в рамках общей концепции, за счет возможностей тех или иных участников культурного обмена. Особенную роль в культурной дипломатии в последние годы играют К-поп группы, добившиеся широкого международного признания и обладающие миллионами преданных поклонников во всем мире.

Республика Корея активно использует инструменты «мягкой силы» для реализации своих политических и экономических задач. Активно этому способствует успех корейской волны (халлю), которая начала свое распространение в конце 1990-х гг. и с течением времени продолжает набирать обороты [7]. Сегодня корейская волна — это растущий интерес к различным аспектам корейской культуры, включая национальную кухню, литературу, язык, дорамы, корейскую поп-музыку и многое другое [1; 11]. В последнее время корейская популярная музыка — К-поп — становится все более и более влиятельной не только в индустрии развлечений, но и за ее пределами. В связи с этим закономерен интерес корейской дипломатии к вовлечению самых известных поп-групп к общественно-политической деятельности. Так, популярные к-поп исполнители, такие, как *EXO*, *Red Velvet*, *BTS* и другие, неоднократно приглашались в качестве гостей на различные публичные мероприятия, в том числе, международного масштаба [3]. Далее мы более подробно рассмотрим деятельность всемирно известной группы *BTS* и ее непосредственное участие в культурной дипломатии Республики Корея.

Группа *BTS*, или “*Bangtan Boys*”, дебютировала в 2013 году в на тот момент еще непопулярной продюсерской компании *Big Hit Entertainment* (сейчас *HYBE Corporation*), отчего первые годы существования бэнда были тяжелыми, группа даже была на грани распада. Однако уже в 2015 г. их популярность начинает стремительно расти. Мини-альбом “*The Most Beautiful Moment in Life, Part 1*” неожиданно вошел в ТОП-27 лучших альбомов года американского канала *Fuse*, тем самым став первым альбомом корейских исполнителей, который смог туда попасть. Начиная с этого момента и далее, *BTS* стремительно завоевывают

сердца все большего количества слушателей по всему миру. Билеты на их концерты раскупаются за секунды, песни бьют рекорды по прослушиванию и занимают первые строчки в чартах не только в Корее, но и по всему миру [4].

Становясь все более популярными, *BTS* участвовали во многих политических и культурных мероприятиях [4]. Среди них — глобальные кампании, запущенные в сотрудничестве с ЮНИСЕФ, и участие в нескольких сессиях Генеральной Ассамблеи ООН:

- кампания “*Love Myself*”;
- кампания “*#ENDviolence*”;
- участие в 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН;
- участие в концерте «Эхо Корейской Музыки» в Париже, посвященном дружбе между Кореей и Францией;
- участие в 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН;
- участие в 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Так, в ноябре 2017 г., *BTS* вместе со своим звукозаписывающим лейблом объединяют свои силы с ЮНИСЕФ, запустив новую кампанию “*Love Myself*”¹, цель которой — показать молодым людям важность любви к себе и помочь им полюбить себя. *BTS* первыми делают пожертвование вместе со своим лейблом в размере 500 млн вон. Более того, 3% от продажи физических версий альбомов *BTS* серии “*Love Yourself*” и 100% прибыли от продажи официального мерча, созданного специально для этой кампании, также были пожертвованы в фонд. Помимо этого, учитываются пожертвования, сделанные непосредственно через ЮНИСЕФ.

Кроме того, кампания *BTS* “*Love Myself*” поддержала кампанию ЮНИСЕФ “*#ENDviolence*”², цель которой — защитить детей и подростков от насилия, абьюза и буллинга, помочь им повысить самооценку, а также распространить информацию о мерах предупреждения таких фактов. Обе кампании активны до сих пор и отметили свою четвертую годовщину в ноябре 2021 г.

¹ Официальный сайт кампании «*Love Myself*» // URL: <https://www.love-myself.org/eng/home>.

² Официальный сайт ЮНИСЕФ // URL: <https://www.unicef.org/end-violence/kind-notes>.

В рамках реализации кампании BTS были приглашены стать участниками 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН — исключительный случай в истории К-поп. Айдол-группа участвовала в запуске партнерства ЮНИСЕФ с ООН «Поколение без границ» (“*Generation Unlimited*”)³, которое состоялось 24 сентября 2018 г., за день до начала общей сессии ассамблеи. «Поколение без границ» — это глобальное партнерство ЮНИСЕФ и ООН, которое нацелено на то, чтобы помочь молодым людям в возрасте от 10 до 24 лет получить качественное образование и возможность трудоустроиться в нынешних условиях демографического бума. BTS были отмечены ООН за их кампанию с ЮНИСЕФ под названием “*Love Myself*”, которая успешно реализуется с конца 2017 г.

В рамках 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН лидер BTS, Ким Намджун, выступил с речью⁴. Стоит отметить, что он был первым корейским исполнителем, сделавшим это. В своей речи Ким Намджун поблагодарил фанатов группы — АРМИ — за их поддержку и участие. Он поделился личной историей, тем, как он учится любить себя каждый день, шаг за шагом, а также тем, что большое количество фанатов со всех уголков земного шара рассказали, как творчество BTS помогло им преодолеть жизненные трудности и полюбить себя. Эти истории, по словам Ким Намджуна, постоянно напоминают участникам группы о той ответственности, которую они несут.

2018 год стал очень плодотворным для BTS: все семеро участников айдол-группы были награждены Правительством РК орденом «За заслуги в культуре». Представитель Голубого дома прокомментировал вручение наград словами о том, что BTS повлияли на развитие поп-культуры и музыкального искусства, а также способствовали распространению халлю — ведь песни BTS поют в оригинале, на корейском языке, причем и в Корею, и в зарубежных странах. BTS являются самыми молодыми обладателями ордена и первой айдол-группой, которая была его удостоена.

³ Официальный сайт «Поколения без границ» // URL: <https://www.generationunlimited.org/>

⁴ BTS speech at the United Nations | UNICEF // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oTe4f-bBEKq>.

В том же году *BTS* приняли участие в концерте «Концерте дружбы Корея-Франция» в Париже, который был организован в честь визита президента Южной Кореи во Францию и посвящен дружеским отношениям двух стран⁵. На концерте присутствовали более 400 гостей, включая официальных лиц Франции и просто любителей корейской музыки. После выступления президент Республики Корея Мун Чжэин пожал всем исполнителям руки.

В 2020 г. участники группы *BTS* как частные лица были приглашены на заседание 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на котором произнесли речь о надежде во время пандемии⁶. Они напомнили о том, как важно особенно в такое сложное время любить себя и заботиться о себе, а также о том, что жизнь продолжается, даже если все кажется непривычным и пугающим.

Помимо этого, в 2020 г. группа была удостоена премии Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) “UNICEF Inspire Award” в категории «Интегрированные кампании и мероприятия» за проект “*Love Myself*” [2].

В 2021 г. *BTS* присутствовали и на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке⁷. В этот раз они выступали как дипломаты от своей страны, будучи посланниками Южной Кореи по вопросам культуры, — всем участникам группы выдали дипломатические паспорта, чего никогда прежде не было [6]. Президент РК Мун Чжэин назвал исполнителей своими посланниками по вопросам будущих поколений и культуры⁸. В этот раз участники группы говорили о важности борьбы с бедностью, неравенством и изменением климата. А также о том, что называть

⁵ *BTS Performs at Korea-France Friendship Concert in Paris with South Korean President in Attendance* // URL: <https://www.billboard.com/music/music-news/bts-president-moon-jae-in-paris-8479832/>

⁶ *BTS (방탄소년단) Speech at the 75th UN General Assembly* // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5aPe9Uy10n4>.

⁷ *President Moon Jae-in & BTS at the Sustainable Development Goals Moment | United Nations (English)* // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jzptPcPLCnA>.

⁸ *BTS Shine Spotlight on the United Nations as Envoys of the President of the Republic of Korea* // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wAXcMD5dOBA>

нынешнее поколение, поколение пандемии, потерянным крайне неверно. А все потому, что «вместо того, чтобы бояться перемен, это поколение говорит “добро пожаловать” и продолжает идти вперед»⁹. Видео с речью *BTS* побило рекорд по количеству просмотров на канале ООН в Youtube.

Подводя итог, можно сделать вывод, что деятельность *BTS* является частью культурной дипломатии Республики Корея. Участники группы не только приглашаются на международные мероприятия, чтобы выступить как популярная корейская айдол-группа, но и полноправно высказываются на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также являются представителями нескольких глобальных кампаний. В конце 2021 г. участники группы даже получили дипломатические паспорта, приобретая статус послов культуры Республики Корея. Приведенные примеры демонстрируют, что в настоящее время представители К-поп примеряет на себя новые роли, которые выходят далеко за пределы индустрии развлечений, но при этом тесно с ней связаны.

Список литературы

1. Чой Юн Сук. Корейская волна как инструмент публичной дипломатии Республики Корея: дипл. работа по направлению 031900 «Межд. отношения». – СПб.: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2020 — 43 с.
2. Choi Alison. BTS' #ENDviolence campaign and the link between poverty and violence // Borgen Project, — Sept. 25, 2020. — URL: <https://borgenproject.org/endviolence-campaign/> (accessed 09.05.2022).
3. Erwin E. Implications of Pop Cultural Diplomacy: An Analysis of Idol-State Interactions. — 2021.

⁹ Группа *BTS* выступила с речью на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Запись их обращения стала самым просматриваемым видео на YouTube-канале организации // Esquire. 21.09.2021. Доступ: <https://esquire.ru/news/culture-and-entertainment/21-09-2021/290313-gruppa-bts-vystupila-s-rechyu-na-sessii-generalnoy-assamblei-oon-zapisih-obrashcheniya-stala-samym-prosmatrivaemym-video-na-youtube-kanale-organizacii/>

4. *Husada N.T., Wardaya Paramitha M.A., Zuchradi N.A., Saleh E.R., Michelle R., Arinka A.C.* The Role of Bangtan Boys (BTS) in Public Diplomacy. — 2020.
5. *Kang H.* Contemporary cultural diplomacy in South Korea: Explicit and implicit approaches // International Journal of Cultural policy. — 2015. — Т. 21. — №. 4. — С. 433–447.
6. *Nguyen Le.* BTS: From K-pop Idols to Diplomats: The Right Formula for Effective Public Diplomacy? // USC Center for Public Diplomacy. — URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/bts-k-pop-idols-diplomats-right-formula-effective-public-diplomacy> (accessed 09.05.2022).
7. *Trisni S. et al.* South Korean government's role in public diplomacy: A case study of the Korean wave boom // Andalas Journal of International Studies (AJIS). — 2019. — Т. 8. — №. 1. — P. 31–42.

УДК 94

A.N. Нехорошева,

студентка 2 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ЯПОНИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

A.N. Nekhorosheva,

2nd year student,
Faculty International relations and Geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: anyanekh9@gmail.com

THE FORCED OPENING OF JAPAN AS THE DETERMINING FACTOR OF ITS FURTHER DEVELOPMENT

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается одно из важнейших событий в истории Японии — насильственное открытие страны. На протяжении долгого времени Япония переживала период самоизоляции, который в последствие сменился периодом активности страны на международной арене. Такая резкая сме-

на курса развития страны неразрывно связана с открытием страны в 1852 году. Предполагается, что именно после этого события, японское правительство начало преобразования, приведшие к достаточно быстрому переходу страны от положения отсталой с экономическим, военном и политическом планах. Взаимодействие с западными странами оказало сильное влияние на курс реформ. В этой связи, в статье рассматриваются некоторые реформы периода Мэйдзи, который следовал за открытием Японии. В их числе реформа армии, реформа государственного правления и переход от феодализма к капитализму. Также рассматривается само открытие и его результаты. Делается вывод, что насильственное открытие Японии стало катализатором для взаимодействия стран Запада и Японии, что и повлияло на дальнейшее ее развитие.

Ключевые слова: Япония, США, насильственное открытие, сёгунат, реставрация Мэйдзи, сакоку, дайдзёкан

Abstract. The proposed article considers one of the most important events in the history of Japan — the forced opening of the country. For a long time, Japan had been experiencing a period of self-isolation, which was subsequently followed by a period of the country's activity in the international area. Such a sharp change in the course of the country's development is inextricably linked with the opening of the country in 1852. It is assumed that it was after this event that the Japanese government began transformations that led to a fairly rapid transition of the country from a backward position in economic, military and political terms. Interaction with Western countries has had a strong impact on the course of reforms. In this regard, the article discusses some of the reforms of the Meiji period, which followed the opening of Japan. These include the reform of the army, the reform of government and the transition from feudalism to capitalism. The discovery itself and its results are also considered. It is concluded that the forced opening of Japan became a catalyst for the interaction of Western countries and Japan, which influenced its further development.

Key words: Japan, USA, forced opening, shogunate, The Meiji Restoration, sakoku, The Daijo-kan.

На сегодняшний день Япония является одной из наиболее развитых и сильных стран мира на международной арене. Очевидно, такое ее положение стало результатом как внутреннего развития страны, так и развития внешнеполитических связей и союзов.

В этой связи, необходимо отметить тот факт, что Япония достаточно поздно начала взаимодействие со странами Запада —

лишь во второй половине XIX века. Можно предположить, что это связано с островным положением государства, однако, это будет ошибкой, поскольку взаимодействие Японии и других восточных стран было установлено гораздо раньше (например, VI в. в Японии корейскими монахами распространялся буддизм). Кроме того, эпоха великих географических открытий имела место быть гораздо раньше, что говорит о том, что не островное положение было причиной отсутствия взаимодействия запада и Японии.

Для полного понимания столь позднего «открытия» Японии необходимо обратиться к японской лексикологии. Дело в том, что в японском языке существует слово «сакоку» (鎖国 — *яп.* «страна на цепи») — буквально означающее изоляционный период в истории страны. Сам период, как считается, начался в 1639 году, из чего можно сделать вывод — сакоку был чем-то спровоцирован. Действительно, в XVI в. Япония уже была «открыта» португальцами, а вместе с ними на территорию государства пришло христианство, что вызвало опасения, правящего тогда сёгуната (幕府 — *яп.* «феодалное военное правительство»). На тот момент в Японии был распространён буддизм ставился в противовес христианству и использовался для обоснования божественного происхождения власти — в сочинении 1639 года «Происхождение Великого Аватара, освещающего Восток» (東照大権現縁起) указывалось на то, что дед правящего тогда сёгуна был перерождением Дайнити Нёрай — одной из важнейших фигур в японском буддизме[9]. Фактически, данный документ был дополнением к ранее вышедшему в 1614 году «Указу о депортации священников» (伴天連追放之文), который развязал гонения на японских христиан. Последствием гонений стали многочисленные восстания в 1637–1639 гг., которые стали основной причиной закрытия страны, поскольку сёгунату с большим трудом удалось их подавить.

Последующее взаимодействие стран Запада с Японией, которые традиционно принято называть «насильственным открытием Японии» произошло уже в середине XIX в. К XIX в. США требовались новые рынки для реализации товаров. Япония была интересна по двум причинам. Во-первых, в Японии самой

по себе видели рынок сбыта, во-вторых, государство представлялось как промежуточный пункт в Азию, поскольку находилась между Китаем и США.

Необходимо отметить, что в то время в США речь шла не только о сотрудничестве с государствами, но и о полном контроле их территорий. Кроме того, именно в то время начала распространяться теория об «американской исключительности». А. де Токвиль, основатель идеи, в своей работе «Демократия в Америке» говорил: «Их преимущественно пуританское происхождение, их исключительные торговые навыки, даже сама земля, которую они населяют, — все, кажется, объединилось, чтобы отвлечь их интеллект от занятий науками, литературой и изящными искусствами; близость Европы, которая позволяет им пренебречь этими занятиями, не возвращаясь к варварству; тысячи конкретных причин, из которых я смог прояснить только основные, — все совпало удивительным образом, дабы привязать американское сознание к заботам чисто материального плана <...> Самое большое преимущество американцев состоит не только в том, что они более просвещенные, чем другие народы, но еще и в их способности совершать поправимые ошибки» [13].

Данная теория во многом обосновывала экспансионистскую политику, например, американский политолог Джон У. Берджесс в последствии говорил: «кто же лучше приспособлен для роли лидеров, чем англосаксы — народ, которому сам Господь предназначил «быть организаторами мира, нести порядок и систему туда, где царит хаос?» [8].

В 1852 году военная эскадра под командованием коммодора Мэтью Перри отправилась в Японию. Вопрос о заключении союза пришлось решать не правящему сёгуну, а сановникам, которые, оказавшись под давлением американцев, были вынуждены согласиться. Американцы угрожали начать атаку в случае отказа, а японская армия не могла сопротивляться — на 1 тыс. солдат приходилось всего 30 ружей [4].

31 марта 1854 года был подписан договор о мире и дружбе между Японией и США (Канагавский договор), по которому:

- США могли получать угольное топливо и продовольствие для своих кораблей;

- для США были открыты порты Симода и Хакодате (рис. 2);
- США разрешалось основать в портах Симода и Хагодатэ постоянные консульства;
- Япония обязана была оказывать поддержку американским кораблям в случае катастрофы.
- Американцы имели определенные привилегии (во время закрытого режима государство продолжало торговлю с Китаем и Голландией, на которые накладывались определенные ограничения).

Рис. 2. Карта полученных в пользование американцами портов.

Источник: составлено автором

В целом, насильственное открытие Японии стало поворотным моментом в истории страны. Сам по себе, Канагавский договор оценивается историками скорее отрицательно. С.Л. Гуринов в статье «Проблема открытия Японии коммодором М.К. Перри» отмечал, что «международное право нарушено, т.к. одна из сто-

рон заключила мирный и торговый договор при силовом давлении» [2].

Говоря о значении данного события, необходимо отметить, что последствия нельзя оценивать исключительно как негативные или позитивные.

Очевидно, к отрицательным последствиям можно отнести активное вмешательство США в политическую жизнь Японии, например, согласно дополнительным соглашениям, США могли вмешиваться в конфликты Японии с третьей стороной.

Касательно других последствий, связанных как раз с последующими изменениями в стране, все неоднозначно.

В первую очередь, нужно отметить, что, фактически, насильственное открытие Японии послужило толчком к последующему за ним периоду гражданской войны, который традиционно называется «бакумацу» (幕末 — *яп.* «конец сёгуната»), который характеризовался усилением антисёгунских настроений с последующим свержением власти военных и возвращением императорской власти.

Во-вторых, помимо самой смены правительства в Японии, интерес представляют реформы, проводимые императором Мацухито, получившие название «реставрация Мэйдзи» (1868–1889 гг.). Для начала, важно отметить, что сами реформы происходили под влиянием западных стран. Несмотря на то, что вмешательство западных стран в дела Японии и стали катализатором к начавшимся волнениям, правительство императора, адекватно понимало, что оставаться закрытой страной больше не представляется возможным, поскольку, объективно, такое положение замедляет развитие страны. Оно определило путь на выстраивание сотрудничества с США и другими странами и рассчитывало на их опыт в преобразованиях. Такая стратегия была впервые упомянута в марте 1868 года в «Высочайших предписываемых правилах поведения», где вся вторая часть документа была посвящена соблюдению международных договоров с другими странами: «Правительство должно относиться к договорам в соответствии с международными нормами, а народу предписывается следовать императорским указам и не совершать поступков, идущих вразрез с ними. Отныне каждый,

кто по собственному произволу убьет иностранца или совершит какое-нибудь подобное преступление, не только грубо нарушит императорский указ и приведет свою страну к осложнениям, но также послужит причиной ослабления традиционно присутствующего нашей империи престижа в глазах любой из зарубежных стран, пожелавших вступить с нами в официальные отношения. Поскольку такое предательство не может быть прощено, даже лица самурайского ранга должны быть лишены своего звания и должным образом наказаны в соответствии с тяжестью преступления» [3]. Спустя месяц, в апреле 1868 года в пятом пункте программы «Клятва пяти пунктов» Кидо Такаэси также отмечалось: «Из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения, и таким путем будут укреплены основы империи» [3].

Говоря о реформах, в первую очередь необходимо затронуть сферу государственного управления. Помимо изменения самой структуры высших государственных лиц, был изменен и сам принцип управления. Считается, что под влиянием Конституции США в Японии было принято решение о разделении власти [11]. В 1868 году появился орган «дадзёкан» (太政官 — *яп.* «палата большого государственного совета», который изначально мало напоминал реальное разделение властей. Он состоял из двух палат.

1. Верхняя палата — занималась выработкой, изданием, изменением законов, осуществлением судебной власти, назначением чинов.
2. Нижняя палата — совещательный орган, направленный на представление интересов городов, княжеств. Фактически, представители палаты не имели власти.

Впоследствии, дадзёкан был трансформирован в трехпалатную государственную структуру и уже больше напоминал классическое разделение властей в американской трактовке (табл. 2).

Важно отметить, что некая разница в структурах все же существует: в США президент относится к исполнительной власти, в то время как в Японии император не входил в структуру. Можно предположить, что это связано с необходимостью централизации власти, поскольку все структуры, указанные в таблице, подчинялись непосредственно ему.

**Разделение властей в США и Японии
во второй половине XIX в.**

Власть	США	Япония
Центральный руководящий орган		Главная палата
Исполнительная	Президент	Правая палата
Судебная	Верховный суд	Правая палата
Законодательная	Конгресс США	Левая палата

Источник: составлено автором

Еще одним важным изменением, произошедшим в Японии под влиянием западных стран, стало создание армии по прусскому образцу. Первым важным нововведением стало учреждение в 1878 году Генерального штаба, также непосредственно подчинявшихся императору. Необходимость в создании такого структурного органа обуславливалась отсутствием у императора регулярной армии, которая бы ему беспрекословно подчинялась. Свержения сёгуната удалось добиться с помощью самураев низших чинов, однако, оставались самураи высших чинов — недовольные властью императора и его реформами. Армия после прихода к власти императора фактически делилась на две части.

1. Регулярная армия. Была введена воинская повинность в 1873 году. В официальном заявлении правительства говорилось: «Все должны служить в армии <...> Призыву подлежат все взрослое население, пригодное для несения военной службы. К уклоняющимся от призыва применяются самые строгие меры...» [5], что вызвало недовольство большей части населения Японии (в 1873 году в Японии произошло 12 бунтов по причине несогласия народа с введением воинской повинности) [5].
2. Императорская гвардия — была создана из самураев. На протяжении первых лет правления императором Мэцухито был проведен ряд реформ, направленных на изменение сословного строя общества страны. Поскольку самураи в большей своей части были даймё (大名 — *яп.*

«большое имя»), то есть феодалами, они были первыми, кто оказался затронут реформами, что уже вызывало их недовольства. Кроме того, в ранее упоминавшемся заявлении о введении воинской повинности отмечалось: «...Всеми низшим сословиям будет постепенно предоставляться свобода. Это именно тот путь, с помощью которого будет установлено равенство всех людей...» [5], что фактически лишало самураев привилегированного положения в обществе. В связи с этим, рассчитывать на их беспрекословное подчинение было нельзя.

Генеральный штаб Японии, как предполагается, был учрежден под впечатлением от Генерального штаба Пруссии. По аналогии с прусским штабом японский занимался военными операциями, подготовкой военных планов, обучением, военной разведкой, а также разработкой военных уставов, отчетов и картографии.

Помимо Генерального штаба, также была достаточно успешная попытка увеличения мощности армии по прусскому образцу. К концу XIX века сухопутные силы страны в мирное время насчитывали 73 000 человек. В военное же время это число увеличивалось до 274 000. Кроме того, был перевыполнен план по строительству кораблей: вместо предполагаемых 42 кораблей, было создано более 150 [14].

Последним важным изменением, произошедшим в Японии после начала взаимодействия западными странами, можно назвать переход от феодализма к капитализму. В данном случае необходимо для начала отметить, что после начала экономического сотрудничества между Японией и странами Запада, значительно снизились экономические показатели страны. Товары, привозимые из других стран, составляли конкуренцию, в следствие чего некоторые районы, особо процветавшие за счет своего производства ранее, оказались в упадке или же вовсе исчезли [3]. В связи с этим, а также с опасениями правительства, что западные страны будут проводить экспансионистскую политику по отношению к Японии, правительство начало проводить реформы по переходу страны к капитализму.

Важно отметить, что в данном случае, как и в предыдущих, Япония опиралась во многом на опыт западных стран. Один из

политических деятелей того времени, Окуба Тосимити в работе «Предложение по развитию промышленности» отмечал: «В целом сила или слабость страны зависят от благосостояния ее народа, а благосостояние народа отталкивается от наличия продукта. В свою очередь, количество продукта зависит от того, прикладывает ли народ усилия или нет для развития промышленности. Однако если посмотреть на то, как обстоит дело на Западе, мы увидим, что там инициаторами этого процесса становятся правительства и чиновники» [3].

Японское правительство провело аграрную реформу, за которой последовала замена феодальной земельной ренты на введение земельного налога. Отныне, крестьяне, владевшие землей, должны были платить налоги непосредственно государю. Также был уменьшен сам налог — если ранее он варьировался от 40% до 70%, то при императоре он составлял всего лишь 3%. Позднее правительство начало всячески поддерживать частный капитал, отдавая за низкие стоимости государственные производства частным предпринимателям, параллельно развивая железнодорожное и судоходное строение — к 1890 году протяженность железной дороги составляла 2251 км [3].

Кроме того, очевидно, для развития экономики страны необходимо было налаживание экспорта в иные страны, чего и удалось добиться — к 1890-м гг. была налажена торговля с некоторыми странами (табл. 2).

Таблица 2

Страна	Доля в японском экспорте, %
Англия	35
США	27
Франция	14
Китай	12
Германия	4

Источник: составлено на основе данных [1].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В начале XX века Япония, очевидно, вышла на передний план на между-

народной арене. Из страны, опасавшейся порабощения, она сама стала государством, пытающимся максимально подчинить себе территории — японо-китайский конфликт конца XIX-первой половины XX века тому доказательство. Многочисленные японо-китайские столкновения, войны показали, что Япония стала государством сильным. Савельев А.Е. отмечал: «прежде отсталая, полузависимая страна неожиданно за несколько десятилетий сама стала крупной колониальной державой» [12].

Открытие Японии западными странами можно назвать уникальным моментом. Очевидно влияние стран на дальнейшее ее развитие, Япония многое позаимствовало у западных стран, при этом сохраняя уникальную японскую идентичность. Таким образом, были достигнуты две цели: сохранение японского пути развития и, более важное, преодоление разрыва политического, экономического, военного со странами Запада, что заложило основу для дальнейшего развития Японии. Та Япония, которая существует сегодня, была бы невозможно без проведенных в период Мэйдзи реформ, которые, в свою очередь, во многом были спровоцированы насильственным открытием страны.

Список литературы

1. *Аленко Н.А.* Экономическая политика Японии в конце XIX в. Дальневосточный регион России // *Власть и управление на Востоке России.* — 2009. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-politika-yaponii-v-kontse-xix-v-i-dalnevostochnyy-region-rossii> (дата обращения: 21.05.2022).
2. *Гуринов С.Л.* Проблема открытия Японии коммодором М.К. Перри // *БЕРЕГИНЯ.777.СОВА.* — 2018. — № 3(38). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otkrytiya-yaponii-kommodorom-m-k-perri> (дата обращения: 06.03.2022).
3. *Емельянова О.Н., Платонов Д.Н.* Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870–1880-е гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика.* — 2018. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-osobennosti-promyshlennoy-sistemy-yaponii-v-1870-1880-e-gg> (дата обращения: 21.05.2022).

4. История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г. — М., Институт востоковедения РАН. — 609 с.
5. История Японии. Т. II. 1868–1998. — М.: Институт востоковедения РАН. — 703 с.
6. Клятва Пяти пунктов // Дилетант. — 2018. 24 июля. — URL: <https://diletant.media/articles/42571458/> (дата обращения: 20.05.2022)
7. Кузьминов Я.И. Экономика Японии в конце XIX — начале XX в. / Полянский Ф.Я., Жамин В.А. Экономическая история капиталистических стран. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — С. 208–215.
8. Макинерни Д. США: История страны — М.: Эксмо-пресс, 2009. — 303 с.
9. Нелюбин П.Г. «Батэрэн цуихо но фуми» — ранний антихристианский документ сегуната Токугава // Вестник НАСА. — 2018. — № 1 (14). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bateren-tsuicho-no-fumi-ranniy-antihristianskiy-dokument-segunata-tokugava> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Османов Е.М. Эволюция закона о воинской повинности в Японии (1868–1894) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2006. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-zakona-o-voinskoj-povinnosti-v-yaaponii-1868-1894-1> (дата обращения: 21.05.2022).
11. Полохало Ю.Н. Революция Мэйдзи и реформы управления в Японии // Управленческое консультирование. — 2006. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-meydзи-i-reformy-upravleniya-v-yaaponii> (дата обращения: 16.05.2022).
12. Савельев А.Е. Японо-китайская война 1894-1895 гг // Вестник КРУ МВД России. — 2010. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaono-kitayskaya-voyna-1894-1895-gg> (дата обращения: 21.05.2022).
13. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц.; предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992 — 16 с. илл.
14. Япония. Полная история страны. / Тайдзи Танака; пер. Т.С. Баринаова. — М.: Издательство АСТ, 2022. — 336 с. — (История на пальцах)

УДК-327

М.В. Петров,

студент 1 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

А.А. Романов,

кандидат исторических наук, доцент,
Заведующий кафедрой мировых цивилизаций и мировой политики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 2014 Г.: СЛОЖНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

M.V. Petrov,

1st year student
Faculty of International relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: matvey.petrov.20003@mail.ru

A.A. Romanov,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Department of International relations and SE,
Institute of World Civilizations, Moscow

RUSSIAN-EUROPEAN RELATIONS AFTER 2014: DIFFICULTIES AND OPPORTUNITIES

Аннотация. В статье рассматривается специфика отношений Российской Федерации с Европейским союзом после событий 2014 года. В статье рассматриваются сложности в отношениях стран, проводится изучение отношений на современном этапе, т.е. в условиях санкционного и геополитического противостояния.

Ключевые слова: Россия, Европейский Союз, кризис на Украине, дипломатия, ЕС, Крымский вопрос.

Abstract. The present contribution examines the specific relations between the Russian Federation and the European Union after 2014. The policy of sanctions implemented by EU led to the origin of a number of problems, both economical and humanitarian. It is noted that Russia and EU attempted to find solutions of the problems. However, it is obvious that the last events in Ukraine brought the geopolitical confrontation on a new stage.

Key words: Russian, European Union, crisis in the Ukraine, diplomacy, re-unification with Crimea.

Кризис (2014 года) на Украине существенно сказался на всей международной системе взаимоотношений между Россией и Западным миром. Отношения России и Европы никогда не были простыми. Однако, на промежутке 2011–2013 гг., т.е. непосредственно перед началом Украинского кризиса, взаимоотношения «Москва-Брюссель» было на более-менее стабильном уровне. В свою очередь, кризис отбросил сотрудничество России и ЕС на уровень времен Холодной войны [5]. Сейчас НАТО и ЕС объявляет Россию главной угрозой международной безопасности. Они обвиняют нас в стремлении перекроить границы Европы. Россия же выражает недовольство, по поводу расширения НАТО на Восток и регулярных попыток дестабилизировать обстановку в соседних с Россией государствах. Соответственно, после событий 2014 года, отношения Европейского Союза и России резко перешли из формы конструктивного диалога и партнерства, фактически к противостоянию [2, с. 1]. Главнейшей точкой накала служит т.н. «Крымский вопрос», ведь подавляющее большинство государств, входящих в ООН не признали итоги и легитимность Крымского референдума. Западные «партнеры» охарактеризовали эти действия, как «оккупацию и аннексию части украинской территории». Как итог, они потребовали немедленного возвращения Крыма, в состав Украины. Отказ России на Западе приняли болезненно, как следствие мы получили — введение и расширение политических, экономических и технологических санкций против России. Как следствие, отношения с Евросоюзом начали сходить на нет, начался сокращаться товарооборот [6]. Ведущие страны ЕС поддержали исключение России из числа участников «Большой восьмёрки». Конфликт, по сути в центре Европы не нужен был, ни Западу, ни нам. Поэтому уже в сентябре 2014 г. состоялись консультация Трехсторонней контактной группы (ОБСЕ, Украина и Россия), подписавшей документ о прекращении огня на территории ДНР и ЛНР [1, с. 35]. К сожалению, документ не исполнялся и игнорировался Украинской стороной, что дало новый виток конфликта. Активные

боевые действия закончились для ВСУ, достаточно плачевно. Уже в январе 2015 г. армия попадает в котел под Дебальцево. В связи с этими событиями, 11–12 февраля 2015 г. в Минске состоялся саммит [1, с. 35]. На котором присутствовали президенты, Германии, Франции, России и Украины, так называемая, «нормандская четверка». В результате встречи глав государств был подписан «Минск-2». Однако эти соглашения постигла та же участь. 2015 год стал самым тяжелым годом во взаимоотношениях России и Европы, о чем говорил постоянный представитель России при Европейском союзе Владимир Чижов — «2015 год был первым с момента вступления в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве в 1997 году, когда не состоялось ни одного саммита Россия-Евросоюз при положенных двух» [3]. Однако в октябре 2015 г. Брюссель пошел на контакт с Россией, был сделан первый шаг к нормализации отношений: были частично смягчены так называемые «космические санкции». Из-под действия экономических ограничений были выведены компоненты ракетного топлива. Несмотря на небольшое потепление, санкционное давление на Россию было продлено, вплоть до июля 2016 г. Все это говорит о том, что Европа действует с оглядкой на Вашингтон, который хочет сделать из России страну изгоя. Однако, не все так гладко для Вашингтона. От санкций страдает и сама Европа, о чем нередко заявляли Европейские политики и экономисты. Так, главный экономист Банка НФЗ Бремен Фолькер Хелльмайер в интервью «Deutsche Wirtschafts Nachrichten» подчеркнул, что «санкции контрпродуктивны и не удовлетворяют сегодняшним потребностям организации» [1, с. 36]. Чего только стоят слова посла ЕС при РФ Вигаудаса Ушацкаса «Мы заинтересованы их [санкции] снять. Россия и ЕС как важные экономические партнеры должны стремиться к нормализации отношений» [1, с. 36]. И действительно, Россия и Европа являются давними экономическими партнерами. Обе стороны в условиях кризиса двусторонних отношений, крайне заинтересованы в решении всех кризисных вопросах. Но, несмотря на все сложности, есть точки соприкосновения, как минимум, глобальная проблема терроризма сближает Россию и Европу. Как для России, так и для Европы это актуальные темы. Почему? Потому

что, в Европе идёт активный процесс исламизации, к сожалению, этот процесс идёт рука об руку с террористическими актами, о чем свидетельствуют события во Франции. Россия в плане борьбы с терроризмом — страна активист. Возможно эта сфера позволит сблизиться России и Европе? Трудный вопрос. Доказательством этого служит антитеррористическая операция Российской армии в Сирии. У нас и наших партнёров слишком разные точки зрения на счёт послевоенной Сирии. Нас устраивает президент Асад, их нет. Но несмотря на разногласия, страны Европы признают вклад России в борьбу с терроризмом в регионе. По оценке Юджина Румера — «все важные достижения России на Ближнем Востоке: продуктивные отношения с Египтом, Израилем, Саудовской Аравией и, по большей части, Турцией — стали возможны благодаря вмешательству в Сирии». 2015 год, стал поистине кризисным для Европы. Огромные потоки беженцев с ближнего Востока, вызывали колебания внутри союза. Всё это стало причиной непродуманной политики западной коалиции, о чем не раз говорил Российский МИД. «Надо, наверное, уважая международное гуманитарное право, понимать, что это предполагает и уважение людей, которые стали беженцами по вине Запада прежде всего, который развязал агрессивные войны на Ближнем Востоке и на севере Африки» — Сергей Лавров, министр иностранных дел РФ [4].

Нежелание Западных партнеров решать русский вопрос на Украине, путем прямого диалога привел страны к очередному кризису. В рамках которого, Россия была вынуждена признать независимость ЛНР и ДНР в рамках областей, и начать специальную военную операцию на территории Украины. Все это привело к невозможности возобновления конструктивного диалога между Россией и Европой, ближайшее время, кризис отношений углубиться еще больше, что не позволит вернуться к прежнему формату отношений «Россия и ЕС».

Итак, в заключение стоит обозначить основные тезисы несогласия между, РФ и ЕС.

Обозначим позицию России:

- 1) проблемы сухопутных перевозок грузов и пассажиров с территории Калининградской области;

- 2) ущемление прав русскоязычных меньшинств в ряде стран ЕС, здесь речь идет больше о Проблемах в Прибалтийских странах;
- 3) политика ЕС и НАТО в сдерживании влияния России на страны бывшего СССР;
- 4) отказ стран ЕС от визового режима с РФ, в рамках туризма. Европа же выражает недовольство касательно следующих

проблем:

- 1) существование российских баз внутри признанных ЕС границ Грузии, Молдавии и Украины;
- 2) вмешательство и расширение влияния России в конфликты на постсоветском пространстве: такими примерами могут служить, конфликт в Приднестровье, этнический конфликт в Грузии, Крымский кризис, проведение спецоперации на территории Украины;
- 3) нарушение территориальной целостности Грузии и Украины;
- 4) перевод платежей за энергоносители в рубли.

Таким образом, претензии Европы, в основе своей, касаются внутренних дел России или отношений России со странами постсоветского пространства. Российская Федерация выражает недовольство в большей части непосредственно взаимодействием между партнерами, действиями со стороны ЕС.

Касаясь вопроса решения проблем можно сказать следующее: в отдаленной перспективе Россия и Евросоюз могли бы создать новую платформу политических отношений взамен невозможной интеграционной повестки дня. Такой платформой могло бы стать равновесие, основой для которого станут открытость, взаимное уважение к ценностям, общественным и политическим различиям и сотрудничество на базе взаимных интересов. Но смею предположить, достигнуть, того, докризисного уровня взаимодействия нам уже никогда не удастся.

Список литературы

1. *Емелина И.А.* // Отношения России и Евросоюза в условиях взаимных санкций (2014–2015) // VIII Международная студенческая научная

- конференция Студенческий научный форум — 2016. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-evrosoyuza-v-usloviyah-vzaimnyh-sanktsiy/viewer>.
2. *Рыжков В.* Отношения России и ЕС: текущий кризис и возможности нормализации // Современная Европа. — 2019. — № 3. — С. 13–24. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-i-es-tekuschiy-krizis-i-vozmozhnosti-normalizatsii/viewer>.
 3. *Чижов В.* Нормализация отношений с ЕС была и остается нашей целью // <https://www.interfax.ru>. — 10.12.2015. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/484180>.
 4. Лавров напомнил о развязанных Западом войнах в странах происхождения мигрантов // URL: <https://russian.rt.com/world/news/925931-lavrov-napomnil-o-voinah-v>.
 5. Медведев: Отношения РФ и Запада сейчас хуже, чем во время холодной войны // «Вечерняя Москва». — URL: <https://vm.ru/news/956162-medvedev-otnosheniya-rf-i-zapada-sejchas-huzhe-chem-vo-vremya-holodnoj-vojni>.
 6. Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе // ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ-ЕС // URL: https://russiaeu.mid.ru/ru/otnosheniya_rossiya_es/kratkiy_obzor_otnosheniy/

УДК 327.82(460+469)+316.722+378.09+81-22

А.С. Росущан,

студент 3 курса,

ОП «Международные отношения»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

В.А. Семижонов,

студент 3 курса,

ОП «Международные отношения»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

ИНСТИТУТЫ СЕРВАНТЕСА И КАМОЭНСА, КАК ИНСТРУМЕНТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ

A.S. Rosushchan,

3rd year undergraduate student,

International relations,

National Research University Higher School of Economics, Moscow

E-mail: alexander.rosushchan@outlook.com

V.A. Semizhonov,

3rd year undergraduate student,

International relations,

National Research University Higher School of Economics, Moscow

E-mail: volodya_semizhon@mail.ru

THE CERVANTES AND CAMÕES INSTITUTES AS A SOFT POWER INSTRUMENT OF SPANISH AND PORTUGUESE FOREIGN POLICY

Аннотация. Культурная дипломатия является одним из направлений увеличения влияния государства на международной арене. Распространением культуры и языка страны занимаются государственные культурно-языковые центры. В данной статье исследуется влияние деятельности Институтов Сервантеса и Камозенса на мягкую силу Испании и Португалии. Цель авторов оценить значение и успешность культурной дипломатии этих стран. Методологической основой исследования являются сравнительный и индексный методы. Теоретической базой представлена неолиберальной парадигмой, концепцией культурной дипломатии мягкой силы Д. Ная. Авторами был проведен сравнительный анализ структуры, бюджета, гео-

графической и исторической динамики развития институтов, были сделаны выводы о положении стран в рейтингах мягкой силы, а также представлен прогноз относительно дальнейшего места стран в мировом использовании мягкой силы. По итогам исследования, испанская модель культурной дипломатии оказалась более успешной из-за финансового аспекта, особенностей португалоговорящих стран, приоритетов в тематике мероприятий и стратегии института в целом.

Ключевые слова: международное сотрудничество, взаимодействие цивилизаций, культурная дипломатия, культурно-языковые центры, мягкая сила, Институт Сервантеса, Институт Камозенса, Испания, Португалия.

Abstract. Cultural diplomacy is one of the ways to increase the influence of the state in the international arena. The dissemination of the culture and language of the country is carried out by state cultural and language centres. This article examines the impact of the activities of the Cervantes and Camões Institutes on the soft power of Spain and Portugal. The purpose of the authors is to assess the significance and success of the cultural diplomacy of these countries. The methodological basis of the study is comparative and index methods. The theoretical basis is represented by the neoliberal paradigm, D. Nye's concept of soft power and concept of cultural diplomacy. The authors have made a comparative analysis of the structure, budget, geographical and historical dynamics of the development of institutions, made conclusions about the position of countries in the soft power ratings, and also presented a forecast regarding the further place of countries in the international arena and in the soft power rating. According to the results of the study, the Spanish model of cultural diplomacy turned out to be more successful due to the financial aspect, the characteristics of the Portuguese-speaking countries, the priorities in the themes of events and the strategy of the institute as a whole.

Key words: international collaboration, civilizations engagement, cultural diplomacy, language and cultural centres, soft power, Cervantes Institute, Camões Institute, Spain, Portugal.

Nowadays public opinion and a country's image are essential factors in a globalising world. It should be noted that attractive culture, international image and political strength are used as influential instruments of foreign policy for a number of countries, especially in case of resource shortage for coercive methods. This policy direction is implemented by countries through cultural, language and educational centres or organisations: the Cervantes Institute, the Camões Institute, the British Council, the Alliance

Française, the Goethe Institute, the Pushkin Institute, the Confucius Institute, etc. Popularisation of the language is an essential part of their activities [2, P. 89].

Under these conditions, the concept of soft power has a highly relevant nature. Joseph Nye, as a renowned political scientist and a prominent representative of neoliberalism, stated that soft power demonstrates an ability to achieve desired results based on admiration and attractiveness. Nye mentioned the resources of soft power: culture, political values, and foreign policy [13, P. 5–6]. Thus, cultural diplomacy, as an element of public diplomacy and one of its directions, can influence a country's soft power. To be more precise, cultural diplomacy is “a course of actions, which are based on and utilise the exchange of ideas, values, traditions and other aspects of culture or identity, whether to strengthen relationships, enhance socio-cultural cooperation, promote national interests and beyond”.¹ Language is a significant intangible asset and an element of culture that contributes to its deeper understanding [9, P. 29–30]. In addition, cultural and linguistic cooperation contributes to the rise in the number of translated publications, simplification of the interaction of cultural organisations, scientists, cultural and art figures, as well as international cooperation in general. Therefore, cultural diplomacy is one of the tools of national branding and increasing the soft power of the state.

Spain and Portugal are countries of Southern Europe that have many similarities in their historical development: democratisation after a long authoritarian regime, participation in European integration, relatively low influence within the global system [3, P. 40–41]. Spanish and Portuguese are furthermore the most widely spoken languages in the world: Spanish ranks 3rd, and Portuguese is 7th in the world in terms of the number of speakers, 4th and 5th places, respectively, in the number of countries where the language has the status of a state language [5, P. 5; 8, P. 4–5].

¹ “What is Cultural Diplomacy? What is Soft Power?”, Institute for Cultural Diplomacy, accessed April 13, 2022, https://culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy.

Moreover, these institutions are among the largest institutions for the promotion of culture and language in the European Union [10, P. 3].

Popularisation of the culture and language of Spain and Portugal is carried out through the Institutes of Cervantes and Camões. These cultural and language centres appeared nearly at the same time: the Cervantes Institute in 1991, and the Camões Institute in 1992. Their activities are to promote and teach the language, hold cultural events, stimulate scientific activity in the field of culture and language, provide reference and scientific materials, as well as develop diversified bilateral and multilateral relations.

This research has scientific importance because these institutions are insufficiently studied in Russian science, moreover, the Spanish and Portuguese experience can be useful for the development of the Pushkin Institute, the Gorchakov Foundation, Rossotrudnichestvo and other organisations in the field of public diplomacy.

The Cervantes Institute

The Cervantes Institute has various models of presence: centres, lecture halls, antennas and extensions [7, P. 23]. The centres are fully staffed by management, academic, administrative, and other personnel, have their own purchased or rented premises, and are attached to embassies or consulates. Branches or antennas (Spanish: “*antenas*”) are institutions subordinate to the centres with a substantial number of employees, but without their own management staff. Lecture halls or classrooms (Spanish: “*aulas*”) are units that are subordinate to the centres, have at least one full-time employee and are located on the premises of the host university. After a certain period of time, classes are usually transformed into full-fledged centres. Extensions (Spanish: “*extensiones*”) are structures dependent on centres. They may not have full-time employees, and their activities are much less significant in scale. The Institute concludes cooperation agreements with educational institutions in order to carry out joint activities, furthermore Institute uses them as an alternative to its own centres in the Spanish-speaking countries of Latin America (Mexico, Colombia,

Ecuador, Argentina, Dominican Republic, Guatemala, Uruguay). What is more, the Cervantes Institute is inextricably linked with the culture of these countries, as Spain and these ones have a rich common heritage and the institute considers its heritage as an integral part of its activities [1, P. 87–89]. The largest number of ones has been signed with the institutions of Brazil, Morocco, the USA, France, Germany and Spain itself.

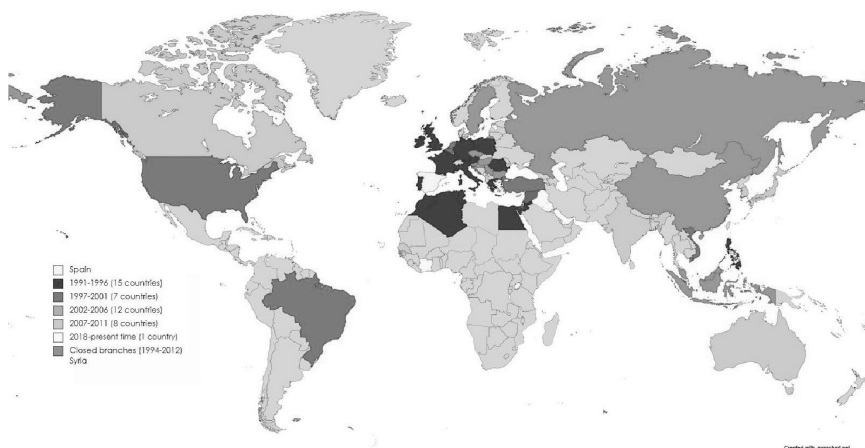
Picture 1. Distribution of the Cervantes Institute depending on various forms of cooperation (authors' picture)^{2,3}

There are some periods of development of the Cervantes Institute. The most active period was 1991–1996, when 15 centres were opened, mainly in the countries of Western, Southern, Central Europe and North Africa. The next stage is connected with the largest or economically developed countries of the different geographic regions (USA, Brazil, Turkey, the Netherlands, Belgium). Then the focus of attention is directed to the Balkan countries and the

² The maps were created with World Map: Simple, Map Chart, accessed April 13, 2022, <https://www.mapchart.net/world.html>.

³ Author's map using data from: Memorias del Instituto Cervantes. 2003–2022, accessed April 13, 2022, https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/memoria.htm.

eastern states (Russia, China, Indonesia, Malaysia, later India and Japan). The development of the institute was considerably influenced by the Spanish financial crisis (2008–2013). In 2011, the institute for the first time had a negative budget growth, meanwhile the peak of the fall in investments occurred in 2013 (–37.3%). Indeed, the rate of expansion begins to decline at that time. The Instituto Cervantes appeared in 8 more countries between 2007 and 2011 year, mainly in the form of classrooms. There were a number of necessary measures because of the financial difficulties, for instance, the institute sold some of its own buildings, relocated or abandoned some centres, such as at Brazilian Florianópolis and Morocco. From 2011 to the present time, the Institute has appeared in only four new countries: a centre in Senegal (2021), classes in Côte d’Ivoire (2020), and expansions in Ramallah (2021) and Baghdad (2021).

Picture 2. Stages of the spreading of the Cervantes Institute^{4,5}

⁴ The maps were created with World Map: Simple, Map Chart, accessed April 13, 2022, <https://www.mapchart.net/world.html>.

⁵ Author’s map using data from: Memorias del Instituto Cervantes. 2003–2022, accessed April 13, 2022, https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/memoria.htm.

The importance of the Cervantes Institute has grown over a long period of functioning. Thus, the number of students enrolled in courses increased from 81 to 116 thousand, and the number of employees from 704 to 944 people for the period from 2003 to 2011⁶ [11, P. 63–65]. The number of cultural events almost doubled and amounted to more than 7,000.

Investments in the institution in 2021 amounted to 126 million euros, compared to 55 million in 2003 [11, P. 13, P. 63]. Characteristically, the dependence on state transfers has turned down. The institute's own income has advanced by 25.2% and reached 44.2% in 2020. In 2003, topics of events covered were mainly under the three following themes: cinema (40%), conferences (14%) and music (11%) [P. 65]. In 2021, its activity is related with cinema and audiovisual media (53%), literature and philosophy (13%), library events (8%), music (14%), science and history (6%), art and architecture (2%) and interdisciplinary activities (4%) [12, P. 10]. Therefore, there is a trend towards more attention to elements of mass culture (music, cinema).

Camões Institute

The Camões Institute has several forms of institutional cooperation: cultural centres, language centres, academic chairs at state universities and cooperation agreements with academic institutions (primarily with universities). Cultural centres are branches of the spreading of Portuguese culture. They have their own premises, where selected staff conduct cultural and language activities. The presence of the cultural centre in the country demonstrates the greatest degree of cooperation with Portugal. Language centres are institutions created solely for the purpose of Portuguese language cooperation and dissemination. They provide courses taught by specialists from Portugal and furthermore on their basis it is always possible to pass language proficiency

⁶ Memorias del Instituto Cervantes. 2011–2012, accessed April 13, 2022, https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/memoria_2011_2012.htm..

exams (CAPLE). Academic chairs are located at the universities of the country, their activity is aimed at joint research in the field of linguistics, translation and regional studies. Finally, according to operation protocols a representative of the Camões Institute is sent to the country, becomes a staff member of the institution, and carries out activities connected with dissemination of Portuguese culture. In terms of scope, the agreements are the least significant form of presence because this form of cooperation does not have the permanent territory and the ability to organise events independently, although it is the most popular form of interacting with other countries. It should be noted that the structure of the institution allows us to highlight countries with which the institute cooperates closely.

Picture 3. Distribution of the Camões Institute depending on various forms of cooperation⁷

Regarding the time frame of the institute’s development, there are several stages of the Camões spreading around the world. The first stage (1990^s) relates to the creation of branches in most

⁷ Author’s map using data from: Cam es no mundo, accessed April 13, 2022, <https://www.instituto-camoes.pt/sobre/onde-estamos/camoes-no-mundo>.

Portuguese-speaking countries, as well as in the largest Asian countries (China, India, Japan, Thailand). The second wave of distribution of the Camões Institute was in the mid-2000s, when branches were opened in most Western countries, including the USA, Germany, Sweden, etc. After a break due to the 2008 crisis, in the second decade of the 21st century, Portugal opened centres in Eastern European region (Moldova, Ukraine) and in a number of non-Portuguese countries in Africa and Asia (Zimbabwe, the Democratic Republic of the Congo, Vietnam). Over the entire period, the Camões Institute has established centres in 49 countries around the world. It is worth mentioning that Portugal opens branches in countries where Portuguese is the official language, due to the small proportion of Portuguese speakers in these countries and the widespread use of dialects and indigenous languages (African countries, East Timor) [4, P. 10].

Picture 4. Stages of the spreading of the Camões Institute

The financial resources of the organisation steadily edged up. The crisis of 2008 did not have such a sharp impact on the activities of the Institute. In 2011, the budget was 41.7 million euros [14, P. 16], whereas it reached 55.4 million by 2013 [14, P. 48]. Nevertheless, the crisis showed the need for reorganisation of the institute. Control of the Ministry of Education was reduced in order to increase

the integration of the institute and the efficiency in obtaining and using financial resources.⁸ Additionally, there is a slight dip in the number of staff: 599 people in 2012 and 574 people in 2013. In 2020, this figure reached 564 employees. The organisation's funding has been reduced by 12 million (8.3%) due to the 2020 crisis [6, P. 6]. The number of students already amounted to more than 169 thousand this year.

In 2020, the budget amounted to 91 million euros. The Camões Institute is largely a state structure, so 52% of investments come from the state. Own revenues account for only 3%, while the rest comes from the European Commission agency (32%) and the State Fund for International Relations (13%). Expenses are distributed in the following way: Personnel (39%), Goods and services (12%), Transfers (47%), Other (2%). At the same time, teaching costs account for 29% while other aspects of international cooperation constitute 52%. In 2013, the Institute held 875 events. Most of them were related to cinema (19%), literature (17%) and music (13%) [15].

Soft power indices

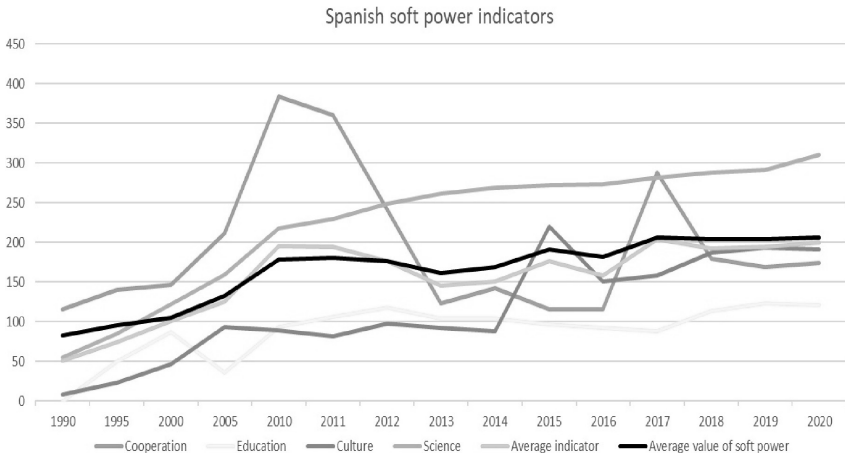
Soft power indices make it possible to assess the position of the considered countries in the world. The extensive research on soft power of Spain and Portugal is conducted by the Elcano Royal Institute.⁹ The Elcano created its own Global Presence Index, according to which Spain and Portugal rank, respectively, 13th and 44th out of 130 countries. The index takes into account military and economic components not only, but the soft power of the country, which makes up 36% of the overall rating. The position of the country does not change substantially in accordance with the criterion of soft power: the 11th position of Spain and the 43rd

⁸ “Reestruturação do Instituto Camões aprovada em Conselho de Ministros”, Mundo portugues, 25.05.2009, <https://www.mundoportugues.pt/2009/05/25/54261/>

⁹ “Elcano Global Presence Index”, Real Instituto Elcano, accessed Apr 13, 2022, https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/country/iepg/soft_global/ES,PT/PT/2020.

of Portugal. If we select only the indicators that are related to the subject of the activities of the Cervantes and Camões Institutes (cooperation, education, culture and science), then we can make important conclusions about the development of these industries, evaluate the activities of the institutions and characterise their role in building up the Spanish and Portuguese soft power.

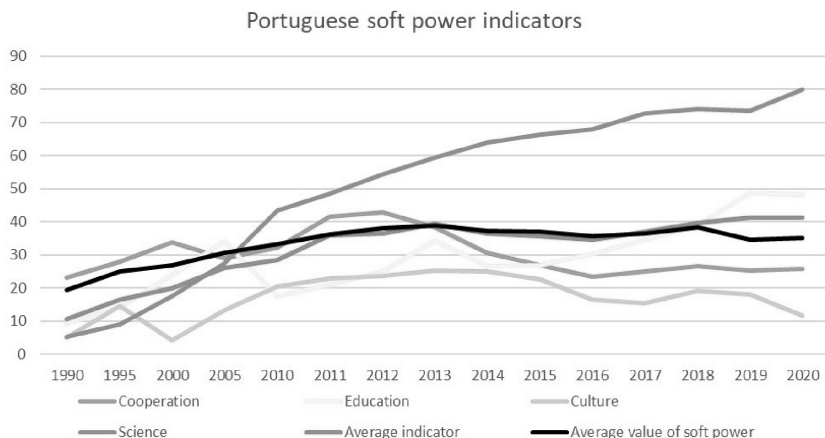
The fruitful results of Spanish policy were achieved only in the case of the science sector and cooperation. The development of scientific activity exceeded the average value of Spanish soft power since the late 1990^s, as an example, and in 2020, the value of the science sector was by 1.5 times higher than average value. In terms of cooperation, the most successful periods were the 1990th and the 2000^s. However, the indicators of cooperation have been below the average value of soft power since 2013. This is due to a permanent reduction in funding of the cooperation, illustrated by the indicator that fell by more than 3 times in 2008–2013 years. Education and culture of Spain turned out to be weak structures in the development of soft power because they, despite constant growth, could not exceed the average indicator that determines the final place of Spain in the world.

Picture 5. Spanish soft power indicators

Overall, we can say that in absolute terms, the soft power of Spain doubled between 1995 and 2010, which coincided with the time of the greatest spread of the Cervantes Institute. The growth rate of Spanish soft power has dramatically plummeted since 2010. It even became negative by 2013, which can be confirmed by the expansion of the institute’s geography by only 3 new countries, as well as a decrease in the opening of new centres. This situation was caused by budget cutbacks in particular and state crisis in general.

From 1990 to 2013, the soft power of Portugal doubled in absolute terms, which reflects the greatest success of the cultural and linguistic Camões centres. However, starting from 2018, Portugal’s soft power indicator began to decline, which may be indirectly connected with the reduction in the opening of new centres of the Camões Institute.

Picture 6. Portuguese soft power indicators

The selected criteria demonstrate a strong disproportion in the intensity of building up the country’s soft power. On the one hand, the science of the country, which has grown in absolute terms by more than 8 times, considerably exceeds the average value of soft power. On the other hand, the remaining three criteria turn out to be insignificant in terms of the formation of soft power. The role of cooperation was important only in the 1990s and in the crisis years

of 2008-2013. Then its level dropped by 2 times. Education reached an above-average level only in 2018, but probably it will decline again, similarly because of the new economic crisis.

According to the research, Portugal has lost the competition with Spain by all criteria in absolute terms. If we take a look at the indicators identified earlier and compare the proportion of the country's soft power they make up, we will figure out that Spain was winning in percentage terms until 2005. Then the Portuguese and Spanish rates levelled out because of the rapid growth of science, which made up 3.7% of the country's total soft power of Portugal in 2011, whereas it made up only 2.8% in Spain. This situation generally influenced and contributed to an increasing gap between Portugal and Spain in percentage terms. The trend remains stable till the present time, as the four soft power criteria we have identified make up 13.7% of soft power in the Portuguese Republic against 11.4% in the Kingdom of Spain.

Another informative soft power rating is the Global Soft Power Index,¹⁰ which has the most up-to-date data on the two countries. This rating is based on the analysis of 100,000 surveys from 120 countries that examine the perception of soft power. In two different categories, the opinion of the general public and the opinion of experts were taken into account: economic, political, academic elites, think tanks, and non-governmental organisations.

Portugal ranks 32nd in 2022, whereas Spain takes 11th place, as measured by the Global Soft Power Index. The authors selected the criteria that are most related to the topic under consideration similarly to the previous paragraphs about the Elcano Index: awareness, the country's reputation, external influence, the level of science and education, and the country's cultural heritage.

The countries were ranked according to the following indicators and number of scores that respondents provide for each criteria. The analysis has revealed similar trends: both countries rank lower in education and science relative to their places in the overall index:

¹⁰ “Global Soft Power Index 2022”, Brandfinance, accessed April 13, 2022, <https://brandirectory.com/softpower/nation?country=175&rRegion=1&rCountry=0>.

respondents rated Portugal's education at 2.6 out of 10 points (48th in the world). This indicator negatively affects the overall situation of the country. Spain received 4.1 points (25th place), which is also a quite negative result as its position in the total ranking is much higher.

In contrast, both countries were highly rated in terms of awareness: Spain in 9th place with 7.9 points and Portugal in 23rd place with 6.5 points. This fact especially emphasises the success of the soft power of these countries.

Regarding the fundamental differences between these countries, it is worth noting the divergence of respondents' opinions about the culture and heritage of the two countries. For Spain, this is the best indicator of the entire sample, it ranks 5th. Portugal managed to achieve only 35th position. Another point concerns the dynamics of 2020–2022, which shows that Spain as a whole copes better with the consequences of the corona crisis, and its indicators are growing faster than Portugal. This can be illustrated by the example of education and science, which were rated at 2.6 points in 2020, and reached 4.1 points in 2022, while Portugal increased its score from only 2.2 to 2.6 points. A similar trend is observed in terms of awareness and influence. Despite this, there is a downward trend in terms of the criteria of reputation, culture and heritage of countries, and this tendency is more rapid in Portugal.

Conclusion

To sum up, there are many tools of the soft power formation at the disposal of states, one of which is cultural and linguistic institutions. The Elcano and Global Soft Power indices demonstrate that the Spanish model of cultural diplomacy has been more successful for a number of reasons. Firstly, the financial resources of the Cervantes Institute are superior to the Camões Institute, more than that, it is even more financially independent of state funds and international organisations in comparison with the Portuguese Institute. Secondly, the Spanish Institute benefits from mass culture, especially cinema. As a result, in the eyes of the majority, Spain has the image of an influential and respectable country.

The paramount objective of Portugal is to strengthen its own culture and language in the Community of Portuguese Language Countries, due to the poor knowledge of the language among the local population. The territories that were former Portuguese colonies also have principal interest for the republic. Spain not only does not open its own centres in Spanish America, but also carries out measures connected with dissemination of a common heritage. This fact contributes to the expansion of cultural diversity and more effective cultural and linguistic cooperation between the countries of the Spanish-speaking community. The most crucial regions for Spain in terms of linguistic and cultural cooperation are Europe, Brazil, USA and Morocco.

In addition, it is worth noting that the development of these institutions can be divided into three periods: before 2008, the crisis years of 2008-2013 and the post-crisis period. In 2020, both organisations faced challenges when the countries were forced to seek ways to operate in a new environment. These institutions, but especially the Cervantes Institute with its virtual centre, have successfully found their feet. Consequently, their influence will continue to grow in the short and medium term, but in the long term, they, especially the Camões Institute, should take into consideration migration processes, population growth in developing countries, as well as the rise of non-Western poles of power and influence. As for cultural diplomacy in general, its influence in international relations will not decrease soon, and the activities of these institutions will remain relevant.

Список литературы

1. *Белецкая О., Литвинова А.* Деятельность Института Сервантеса в международной культурной политике Испании // Диалог культур и литератур в профессионально ориентированном и филологических аспектах / под ред. М.Н. Николаева. — М: ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. — С. 87–89.
2. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Культурные центры во внешней политике современных государств. Роль института Сервантеса в развитии российско-испанских связей // Латинская Америка. — 2012. — № 3. — С. 88–95.

3. Борзова А., Николашвили Н. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой силы» // Современная Европа. — 2021. — № 3. — С. 38–49.

УДК 327

В.А. Слепенков,

студент-бакалавр,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ
В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОВРЕМЕННОСТИ**

V.A. Slepencov,

bachelor student,

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,

E-mail: slepenkov.2002@mail.ru

**THE MAIN ASPECTS OF HUMANITARIAN DIPLOMACY
IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
OF OUR TIME**

Аннотация. В статье рассмотрено влияние гуманитарной деятельности современных международных организаций на политические, экономические ситуации в различных регионах. Актуальность данной работы заключается в необходимости определения роли организаций в сфере решения вопросов, касающихся международной гуманитарной деятельности. Автор анализирует основные положения деятельности крупнейших объединений, которые представляют свои идеи и способствуют проведению собственной политики в том или ином географическом регионе. Важное место в работе уделяется рассмотрению основных направлений деятельности таких крупнейших международных организаций, как ООН, Европейский Союз, Африканский Союз, Экономическое сообщество стран Западной Африки, Лига Арабских Государств. Кроме того, автор акцентирует внимание на международном положении описываемых в работе регионов, проводит сравнительный анализ, позволяющий в полной мере проследить становление и дальней-

шее развитие деятельности международных организаций в рамках гуманитарной дипломатии. Необходимо отметить и то, что автор статьи доказывает необходимость проведения подобных мер со стороны международного сообщества с учётом существовавшей в тот или иной период времени определённой политической обстановки. Работа освещает наиболее актуальные проблемы различных географических регионов и деятельность международных объединений по их преодолению.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, международные организации, миротворческие операции.

Abstract. The article examines the impact of humanitarian activities of modern international organizations on political and economic situations in various regions. The relevance of this work lies in the need to determine the role of organizations in addressing issues related to international humanitarian activities. The author analyzes the main provisions of the activities of the largest associations that present their ideas and promote their own policies in a particular geographical region. An important place in the work is given to the consideration of the main activities of such major international organizations as the UN, the European Union, the African Union, the Economic Community of West African Countries, the League of Arab States. In addition, the author focuses on the international situation of the regions described in the work, conducts a comparative analysis that allows to fully trace the formation and further development of the activities of international organizations within the framework of humanitarian diplomacy. It should also be noted that the author of the article proves the need for such measures on the part of the international community, taking into account a certain political situation that existed at one time or another. The work highlights the most pressing problems of various geographical regions and the activities of international associations to overcome them.

Key words: humanitarian diplomacy, international organizations, peacekeeping operations.

В настоящее время межправительственные организации играют значительную роль в мире, в том числе и в решении проблем гуманитарного характера. Таким объединениям, как Организация Объединённых Наций, а также осуществляющим собственную деятельность в различных уголках земного шара — Европейский Союз, Содружество Независимых Государств, АСЕАН, Лига арабских государств, Африканский Союз на международной арене сегодня уделяется большое внимание. Полностью непредсказуемый процесс урбанизации и стремитель-

ного роста населения планеты приводит к повышению степени уязвимости народонаселения. Кроме того, наиболее быстрыми темпами растёт городское население беднейших африканских, латиноамериканских и азиатских стран, уровень образования, медицины и социального обеспечения которых в целом оставляет желать лучшего [1, с. 7]. В данном контексте также следует указать и на то, что развивающиеся государства и страны «третьего мира» чаще сталкиваются с внутригосударственными проблемами и трудностями во внешних связях страны, которые возникают главным образом по причине постоянной конкуренции за ограниченные ресурсы, социально-экономической и политической нестабильности. Некоторого внимания заслуживают продолжительные конфликты, например, имевшие место в центральноафриканских государствах, итоги которых серьёзно усугубляют внутригосударственные сферы развития [11, с. 23].

В данных условиях следует отметить роль ООН — единственной всемирной международной организации, в сферу деятельности которой входит возможность содействию проведения политики, направленной на смягчение последствий разнообразных негативных аспектов в социально-экономической и идеологической сферах жизни государства. Однако, несмотря на лидерство данной структуры в международных отношениях, её вклад в решение проблем гуманитарной сферы ограничивается выработкой целей и основных положений деятельности организации. Одной из центральных задач ООН является повышение эффективности необходимых действий по смягчению и предотвращению кризисов в гуманитарной сфере. Подразделения, фонды и разрабатываемые программы Организации призваны сохранять мир на планете в любых международных условиях, однако тех операционных, административных и финансовых усилий, которые предпринимают государства-члены для реализации планов, недостаточно. Кроме того, разрешение крупных межгосударственных кризисов и урегулирование вооружённых конфликтов в настоящее время является одним из ведущих факторов в деятельности ООН [18, с. 365]. Миротворческие операции и специальные политические и дипломатические миссии, проводимые Организацией, всё больше ориентированы на защиту граждан-

ского населения. Необходимо уделить внимание документам Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, в которых отмечается о понятии миростроительства не только как о деятельности, осуществляемой конкретно после итогов столкновения, но и как о системе мер, учреждённых для предотвращения повторных конфликтов и непосредственно продолжения насилия в отношении мирного населения [5, с. 83]. По мере проведения данной политики Организация укрепила партнёрские связи с региональными объединениями, расценивая данную политику как необходимый и важный аспект в расширении и укреплении своего влияния. Вовлечение региональных организаций в сферу международной гуманитарной дипломатии ведёт к расширению их обязательств относительно проводимой деятельности. Среди них: управление за развитием конфликтов и столкновений, необходимость поддержания мира, требуемая медицинская и продовольственная помощь и защита гражданских лиц, решение вопросов о природных бедствиях [12, с. 8]. Кроме того, различные региональные межправительственные организации курируют отличные направления международной политики.

Препятствование разрастанию конфликтов и урегулирование кризисов, например, относится к сфере ответственности Европейского Союза в рамках Европейской политики в области обороны и безопасности. Отдельные статьи Лиссабонского договора предусматривают непосредственную ответственность Европейского Союза в сфере содействия разрешению конфликтов и столкновений, в то время как Глобальная стратегия в области безопасности 2016 года охватывает вопросы необходимости развития мер по сдерживанию любых конфликтов во всех внешнеполитических сферах Союза. Однако целенаправленная политика Европейского Союза в сфере гуманитарной деятельности берёт своё начало в 1996 году с принятием Регламента Совета № 1257/96 [17, с. 34]. Стоит отметить, что блок предоставляет помощь в случаях, при которых национальное правительство намеренно не выполняет обязательства по предоставлению базовых условий для жизни, или когда военного и экономического потенциала пострадавшей стороны и местных региональных неправительственных организаций оказывается недостаточно

для стабилизации ситуации. Таким образом, Европейский Союз выстраивает собственную политику на принципах гуманности, уважения прав и свобод личности, нейтралитета. В современных условиях Европейский Союз организовал 17 военных и гражданских операций по сохранению мира и регулированию ситуации после столкновения, а с начала 1990-х годов главный исполнительный орган ЕС — Еврокомиссия оказала помощь более чем в 100 государствах [9]. Необходимо отметить значение гражданских миссий, подготавливаемых администрацией Евросоюза, в тех регионах и общественных условиях, которые пережили серьёзные политические или экономические потрясения. В отношении государств, образовавшихся в результате распада Югославии, усилия по миростроительству осуществляются в соответствии с положениями стабилизации и ассоциации с Европейским Союзом [3, с. 42].

На постсоветском пространстве миротворческую деятельность осуществляет Организация Договора Коллективной Безопасности. В 2007 году члены организации подписали Соглашение о миротворческой деятельности, однако реальных крупных операций ещё проведено не было. Но следует отметить то, что миротворческие силы ОДКБ регулярно участвуют в военных учениях, проводимых на территориях европейских государств [10, с. 227]. В сложившейся ситуации на межгосударственном уровне осуществляется поиск взаимных контактов, предотвращающих угрозы и вызовы со стороны структур НАТО [20, с. 238]. На учениях также отрабатываются элементы построения системы антитеррористической безопасности с использованием возможностей евразийского сотрудничества [20, с. 42]. В сфере гуманитарной деятельности СНГ и ОДКБ подписали большое количество договоров, касающихся урегулирования проблем беженцев. В 1993 году члены СНГ заключили Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, а в 2017 году Секретариат ОДКБ составил Меморандум о взаимопонимании с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Кроме того, в 1993 году участники СНГ подписали документ о совместном взаимодействии в сфере предупреждения и устранения причин чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Работу в данной области курировали Межгосударственный совет по вопросам чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также специализированный Корпус сил СНГ по устранению внештатных ситуаций [16, с. 326].

Современные региональные объединения, осуществляющие деятельность за пределами Северной Америки и Европы, в основу собственной деятельности ставят уважение принципов суверенитета и невмешательства во внутригосударственные дела участников-членов организации. Большую роль в регулировании вопросов безопасности, а также в сфере гуманитарной дипломатии играют Африканский союз и Экономическое сообщество стран Западной Африки. Меры и программы, предпринимаемые данными международными объединениями, усиливают их влияние в конкретных миротворческих и гуманитарных операциях [7, с. 77]. Среди наиболее важных событий, запланированных администрацией Африканского союза, а также Экономического сообщества стран Западной Африки можно отметить военную интервенцию в Сьерра-Леоне в 1999 году, политические миссии по установлению мира в Бурунди в 2003 г., в Судане в 2004 г., в Сомали в 2007 г., а также в Мали в 2013 году [14, с. 135]. ООН содействует планам и намерениям Африканского Союза в сфере гуманитарного права, безопасности и продолжает планирование миротворческих миссий. Совет мира и безопасности Африканского Союза определяет наиболее важные направления развития системы поддержания мира в регионе, а резервные силы Африканского Союза с военным и полицейским контингентом служат гарантом безопасности международного положения. Африканский Союз сыграл значительную роль при создании и утверждении Панафриканской системы раннего предупреждения, которая нацелена на анализ этнической ситуации и выявление тенденций развития конфликтов и рекомендаций по их регулированию [8, с. 171]. Кроме того, данными организациями был выработан фундаментальный документ в гуманитарной сфере: «Структурные рамки гуманитарной политики». Таким образом, Африканский Союз и Экономическое сообщество стран Западной Африки способствовали развитию и поднятию уровня гуманитарной политики в Африке, в том числе в сфере

управления конфликтами и помощи гражданскому населению. Вопросы беженцев контролируются Конвенцией Африканского Союза от 1969 года, которая составляет основу гуманитарного взаимодействия в данном регионе. Деятельность по оказанию помощи и защите беженцев, переселенцев Африки курируется Координационным комитетом. Кроме того, в ведении Африканского Союза находится и защита внутренне перемещённых лиц. В данной связи справедливо указать на мандат Миссии АС в Сомали, образованной в 2007 году, целью которого являлось содействие проведению гуманитарных операций и возвращение беженцев на родину [19, с. 23]. Роль Экономического сообщества стран Западной Африки выражается в снабжении беженцев и предоставлении нуждающимся из Гвинеи, Сьерра-Леоне, Либерии материальных благ и денежных средств. В частности, за 2005–2012 годы в данных целях ЭКОВАС направил около 15 млн долларов. В 1986 году, по причине массовых засух и голода, официальные лица Эфиопии, Сомали, Кении, Судана и Джибути подписали документы о создании Межправительственного органа, курирующем данные аспекты. Сотрудничество по линии предотвращения стихийных бедствий осуществлялось в рамках принятой в 2004 году Африканской региональной стратегии.

Необходимое внимание стоит уделить и международным региональным организациям, которые проводят не слишком успешную политику, либо осуществляемые меры в сфере гуманитарной деятельности недостаточны. Организация исламского сотрудничества представляет собой крупную форму межправительственного взаимодействия государств Ближнего Востока, Северной и Западной Африки, но её роль мала в сфере управления конфликтами. Однако данному объединению удалось укрепить своё влияние в регионе Северо-Восточной Африки, в частности, в контексте обеспечения гуманитарного доступа к гражданским лицам в Сомали. Другой важной организацией, представляющих интересы государств на Аравийском полуострове, а также в североафриканском регионе, использующих арабский язык в качестве официального, является Лига арабских государств. Организация активно осуществляет деятельность по урегулированию конфликтов и помощи беженцам, но её политика также

не всегда успешна, руководствуясь примером деятельности ЛАГ в отношении ближневосточного конфликта [15, с. 174]. Однако её роль существенно возросла с момента поставок Иордании медикаментов для поддержки беженцев из Сирии, а также предоставления Судану 30 млн долларов для развития гуманитарных проектов. Также Лига арабских государств курирует вопросы по учреждению специальных миссий в государства Ближнего Востока, в частности, в Ирак и Сирию. Кроме того, Лига не исключает отход от принципов невмешательства в дела других государств и уважения суверенитета. Особый эпизод, произошедший в 2011 году, связан с просьбой Лиги арабских государств в Совет Безопасности ООН создать бесполётную зону над Ливией. Данная ситуация вызвала некоторые вопросы со стороны правительств европейских и африканских стран [23, с. 323].

Межправительственные организации регионов Северной и Южной Америки ещё не осуществляют полноценной деятельности по предотвращению конфликтов, однако наибольшее влияние на такие процессы в данной части света оказывает Организация американских государств [13, с. 15]. Объединив подавляющее большинство северо-, латино- и южноамериканских государств, данная организация имеет вес в области политики, экономики, культуры и посреднической дипломатии. В 2004 году миссия ОАГ, направленная на поддержку процесса по разоружению и демобилизации в Колумбии, способствовала некоторому облегчению и снятию напряжённости [6, с. 47]. В регионе Карибского моря торгово-экономическую деятельность осуществляет Карибское сообщество (КАРИКОМ), одновременно предоставляя государствам-участникам решать некоторые политические вопросы, в частности в рамках обсуждения внутрикарибских претензий. Аспекты оказания помощи переселенцам и беженцам в южноамериканском регионе закреплены в Картахенской декларации от 1984 года, а основы данной деятельности осуществляет Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. Кроме того, организации регионов Северной и Южной Америки поддерживают политику по смягчению последствий разрушительных стихийных бедствий. В 1965 году в рамках Организации американских государств был создан Ме-

жамериканский фонд чрезвычайной помощи, в 1987 году — Координационный центр по предотвращению стихийных бедствий в центральноамериканском регионе. В 1991 году была подписана конвенция об оказании помощи в случае стихийных бедствий, позднее КАРИКОМ сформировало Карибское агентство по реагированию на чрезвычайные и внештатные ситуации [22, с. 134]. Следует отметить роль Андского сообщества и созданный в 2002 году комитет по предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий, однако его сфера деятельности была несколько ограничена соответствующими программами и документами ООН.

Вопросы международного взаимодействия в области гуманитарной дипломатии среди азиатских региональных объединений не характеризуются большим значением. Центральную роль в данном регионе играет Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), некоторые представители которых присутствовали на подписании мирного договора в провинции Ачех в Индонезии в 2004 году. После цунами в Индийском океане в том же году значение данного объединения в сфере реагирования на последствия стихийных бедствий существенно возросло, в 2005 году было подписано фундаментальное Соглашение АСЕАН по области их устранения и реагирования на внештатные ситуации. Кроме того, страны-члены АСЕАН осуществляли работу по построению двусторонних дипломатических контактов в связи с кризисом в Ракхайне в Мьянме. Вопросы беженцев в рамках Фонда помощи беженцам АСЕАН при этом занимали основополагающее значение. Стоит указать, что в 2010 году начал работу Координационный центр гуманитарной помощи АСЕАН, а в марте 2012 — Фонд АСЕАН по борьбе со стихийными бедствиями и реагированию на чрезвычайные ситуации, осуществляющий продовольственную поддержку населения островов Южно-Китайского и Филиппинского морей [4, с. 10]. Другое крупное объединение данного региона — Ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) в некоторой степени регулирует проблемы беженцев, однако при осуществлении гуманитарной деятельности не руководствуется официальными договорами и соглашениями. Одно из немногих активных направлений политики СААРК в данной области, раз-

вивающееся с 1970-х годов — оказание продовольственной помощи в регионе Южной Азии [2, с. 77].

Таким образом, в настоящее время гуманитарная дипломатия представляет собой комплекс мер по урегулированию противоречий и созданию благоприятного климата между кризисными зонами, особо проявившимися в 2000-х гг., и современными развитыми государствами. Сегодняшние международные условия вынуждают построение своевременной системы реагирования на серьёзные последствия, связанные с военными конфликтами, а также стихийными бедствиями и чрезвычайными природными ситуациями. ООН, являясь важнейшей многосторонней организацией, играет ведущую роль в построении долгосрочной политики в области гуманитарной деятельности. Региональные организации, в свою очередь, стремятся к оказанию поддержки в виде направления миротворческих миссий, денежных средств и иных материальных благ. Кроме того, в условиях всемирной глобализации такие институты действуют по линии установления дипломатических связей с другими объединениями, выступающими политикой в подобных гуманитарных отраслях. Усилия и действия, предпринимаемые в сфере международной гуманитарной дипломатии, безусловно оказывают большое воздействие на стабилизацию ситуации в регионах. Международные объединения и региональные организации стремительно расширяют собственное влияние и развивают программы по сохранению мира и необходимой помощи мирному населению.

Список литературы

1. *Барановский В.Г.* Трансформация мировой системы в 2000-х гг. // Международные процессы. — 2010. — Т. 8. — № 22. — С. 4–13.
2. *Бобыло А.М., Севастьянов С.В.* «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор. Ойкумена. — 2016. — № 4(39). — С. 75–85.
3. *Богатуров А.Д.* Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х гг. // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 25. — С. 38–49.
4. *Боткин О.И., Сутыгина А.И., Сутыгин П.Ф.* Интерпретация понимания продовольственной безопасности на международном уровне //

- Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26. — Вып. 2. — С. 7–14.
5. *Громогласова Е.С.* Гуманитарная составляющая внешней политики государства // Пути к миру и безопасности. — 2018. — № 1 (54): Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооружённых конфликтах / год ред. Е.А. Степановой. — М.: ИМЭМО РАН, 2018. — С. 77–91.
 6. *Громогласова Е.С.* Гуманитарный кризис в «северном треугольнике» // Латинская Америка. — 2017. — № 12 (519). — С. 43–54.
 7. *Громогласова Е.С.* Роль Африканского союза в обеспечении гуманитарной безопасности в Субсахарской Африке. // Политика и общество. — 2018. — № 1. — С. 72–82.
 8. *Денисова Т.С., Костелянец С.В.* Политические конфликты в Африке: причины возникновения и способы урегулирования (по материалам западных публикаций) // Восток (ORIENTS). — 2010. — № 4. — С. 168–176.
 9. *Зонова Т.В.* Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы». 23.05.2013. [Электронный ресурс]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/> (дата обращения: 19.02.2022).
 10. *Зонова Т., Шестопал А.* Дипломатия как инструмент культуры мира и толерантности // Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем. — М., 2004. — С. 215–241.
 11. *Иванов Д.В.* Международное сотрудничество государств в области защиты прав вынужденных мигрантов. // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 8 (39). — С. 20–24.
 12. *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 6. — С. 3–13.
 13. *Кременюк В.А.* США в современной мировой системе // США и Россия: актуальные проблемы двусторонних отношений (2001–2008 гг.). — М.: ИСКРАН, 2009. — С. 8–22.
 14. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия и «мягкая сила» при реализации гуманитарной помощи в условиях конфликта // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: смыслы и ценности про-

- педшего столетия. Сборник научных трудов XXXII Харакского форума / под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. — 2017. — С. 133–135.
15. *Нефедьев А.В.* Неправительственные общественные организации в глобальном международном гуманитарном взаимодействии // *Власть*. — 2010. — № 7. — С. 174–175.
 16. *Огнева В.В., Тишков С.А.* Миротворческий вектор внешнеполитической деятельности современной России // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. — 2011. — № 1. — С. 322–330.
 17. *Потёмкина О.Ю., Грачёва М.Л.* Европейский союз: миграционный кризис прошёл — миграционные проблемы остались // *Европейский союз: факты и комментарии*. — 2018. — № 90. — С. 32–35.
 18. *Сухарев А.И., Кореньков А.В.* Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: общественная дипломатия как научная проблема. // *Безопасность Евразии*. — 2008. — № 1. — С. 359–372.
 19. *Усов В.А.* Африканский союз: цели и реальность // *Азия и Африка сегодня*. — 2010. — № 12. — С. 21–26.
 20. *Цыплин В.Г.* Антитеррористическое сотрудничество на евразийском пространстве в 2017 году // *Современные евразийские исследования*. — 2017. — № 2. — С. 31–42.
 21. *Цыплин В.Г.* Российско-белорусское военное сотрудничество в 2019 году // *Сборник материалов. Всероссийская научная конференция «Внешнеполитические интересы России: история и современность»*. 30 апреля 2020 года. Самара / ред. А.Н. Сквозников. — Самара: Самарская гуманитарная академия. 2020. — С. 237–246.
 22. *Черных Н.А.* Гуманитарная дипломатия как инструмент разрешения социальных конфликтов // *Вопросы управления*. — 2016. — № 3(21). — С. 133–138.
 23. *Шаклеина Т.А.* Структурирование мирополитического пространства в XXI веке // *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Серия «Российская политическая наука. Истоки и перспективы»*. — М.: «Аспект-Пресс», 2016. — С. 316–327.

УДК 327

С.Е. Соломянц,

магистрант 1 курса факультета управления и экономики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

И.В. Крючков,

магистрант 1 курса факультета управления и экономики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

Е.В. Синицына,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»
Институт мировых цивилизаций, Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГЛАВ ГОСУДАРСТВ РФ И США

S.E. Solomyants,

1st year master's student,
Faculty of Management and Economics,
Institute of world civilizations, Moscow
E-mail: solomy2012@yandex.ru

I.V. Kryuchkov,

1 year master's student,
Faculty of Management and Economics,
Institute of world civilizations, Moscow
E-mail: vanya.kryuchkov.88@inbox.ru

E.V. Sinitsyna,

PhD in Economic Sciences,
Associate Professor of Department "State and Municipal Management",
Institute of world civilizations, Moscow
E-mail: Sinychka@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE HEADS OF STATE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES

Аннотация. В условиях роста геополитической напряженности и сохранения неблагоприятного состояния экономики повышается актуальность оценки уровня

поддержки политических элит со стороны населения. Одним из ключевых направлений оценки традиционно выступает определение отношения населения к руководству страны методами социологических исследований. Проведенный анализ статьи имиджа глав Российской Федерации и США позволил зафиксировать более позитивную оценку российского лидера относительно американского. Также были выявлены наиболее сильные аспекты формирования имиджа президентов и идентифицированы значимые проблемы в позиционировании президентов. Сделан вывод о том, что наиболее высокую поддержку у респондентов нашли такие направления формирования имиджа российского президента как ораторские способности, лидерские качества, интеллект. Заслуживают внимания такие результаты опроса как восприятие президента Российской Федерации в категориях «смелого», а президента США — в категориях «агрессивного». В целях верификации полученных результатов опроса и оценки изменений в факторах формирования имиджа президентов, результаты проведенного исследования были дополнены анализом публикаций ряда российских и американских социологических центров (для США — Ipsos/Reuters и Gallup, для Российской Федерации — ВЦИОМ и Левада центр). Было зафиксировано изменение трендов восприятия имиджа российского и американского президентов, что решено было связать с хронологически близким к этому изменению российско-украинским кризисом.

Ключевые слова: имидж президента, президент, опрос, социологические исследования, общественно-политические отношения, кризис.

Abstract. Under the conditions of growing geopolitical tension and the continued adverse state of the economy, the relevance of assessing the level of support of the political elites on the part of the population increases. One of the key areas of assessment is traditionally the determination of the attitude of the population to the leadership of the country by methods of sociological research. The analysis of the image of the heads of the Russian Federation and the United States carried out by the author of the article allowed us to register a more positive assessment of the Russian leader compared to the American one. It also revealed the strongest aspects of the formation of the presidents' image and identified significant problems in the positioning of the presidents. It is concluded that the strongest support among the respondents was found in such directions of forming the image of the Russian president as oratorical ability, leadership qualities and intellect. Noteworthy are such survey results as the perception of the president of the Russian Federation as "courageous" and the perception of the president of the USA as "aggressive". In order to verify the results of the poll and assess changes in the factors of formation of the presidents' image, the results of

this study were supplemented by an analysis of publications by several Russian and American sociological centers (for the USA — Ipsos/Reuters and Gallup, for the Russian Federation — VCIOM and Levada Center). It was fixed the change of trends of perception of the image of the Russian and American presidents, which was decided to connect with the Russian-Ukrainian crisis, chronologically close to this change.

Key words: image of the president, president, survey, sociological research, socio-political relations, crisis.

Актуальность исследованию проблем формирования имиджа глав государств придаёт явно наблюдаемый рост напряженности в системе международных отношений на фоне широкой совокупности нерешенных проблем в экономике и социальной сфере большинства стран (торможение экономического роста, социальное неравенство, последствия пандемии COVID-19). Для Российской Федерации на современном этапе развития обострилась политическая конкуренция как внутри страны, так и с соседними государствами. Рост неопределенности в вопросах внутренней и внешней политики требует всё более оперативного реагирования со стороны лиц, принимающих решения, и, прежде всего, со стороны глав государств. В рамках выбранной темы исследования были охарактеризованы основные теоретические и инструментальные основы восприятия и формирования имиджа глав государств, проведены исследования состояния имиджа президентов Российской Федерации и США.

Имидж главы государства рассматривается в статье в логике перехода от общего к частному — от имиджа в широком смысле к имиджу определенного представителя политических элит страны. При этом имиджем обозначается *«устойчивое представление об особенностях, специфических качествах и чертах»* [3, с. 126] объекта. В том случае, если объектом оценки выступает конкретное лицо, под имиджем может пониматься *«внешнее отражение личностных характеристик»* [2, с. 7]. Как пишет Е.А. Захарова, *«имидж главы государства имеет двоякую направленность: внутреннюю — на население страны, и внешнюю — на мировую общественность»* [4, с. 130]. Имидж главы государства во многом взаимосвязан и взаимозависим с имиджем страны в целом, имеет психологический и политический

контекст. Целями данного исследования выступили анализ эволюции имиджа В.В. Путина на разных этапах его политической карьеры, выявление используемых для этого инструментов имиджконструирования, а также сопоставление оценок имиджа В.В. Путина с имиджем Дж. Байдена.

Сравнение подходов к формированию имиджа В.В. Путина на различных этапах карьеры позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, изначально модель имиджа В.В. Путина формировалась на использовании соотношения «фигура — фон». Он формировал свой имидж, выделяя себя на фоне предшественника, акцентируя свои отличительные черты и признаки. В.В. Путин выбрал образ «спасителя», который был очень выигрышным в актуальной приходу к власти этап развития Российской Федерации. В публичных выступлениях В.В. Путин использовал следующие приемы вербализации и мифологизации: «Будет не так, будет лучше», «Нужно принимать кардинальные меры». Со стороны населения был сформирован запрос на сильного, уверенного в себе и в своих действиях патерналистского лидера. И В.В. Путин соответствовал этим ожиданиям. Новый образ В.В. Путина — образ «борца с олигархами» — также был воспринят позитивно гражданами России. В 2012 году В.В. Путин подписывает так называемые «майские указы», чем задаётся имидж президента, ответственного за социально-экономический рост государства. СМИ представляют В.В. Путина как мужественного человека, лидера, патриота, требовательного политика. Во второй половине 2010-х гг. и с гораздо большей силой в 2022 г. В.В. Путин переносит спектр внимания с вопросов внутренней политики на внешнюю. Это сопровождается разворачивающимся российско-украинским кризисом и обострением отношений со странами Запада, ощутимыми проблемами в экономике.

К числу схожих черт формирования имиджа В.В. Путина и Дж. Байдена можно отнести нахождение в структурах руководства важных в глобальном масштабе стран, активную внешнюю политику, а также поднимаемый неоднократно вопрос возраста как фактора профессиональной деятельности. Вызывает интерес то, как эти объективные черты преломляются через

призму субъективных оценок. Дж. Байден имеет сравнительно непродолжительный опыт нахождения в должности президента США и, в связи с этим, находится в ситуации оперативного формирования своего имиджа. По сути, Байден играет сейчас три роли: бюрократа, политика, главнокомандующего вооруженных сил. Кроме того, Байден стремится реанимировать «моральное лидерство» Америки. Выступления Президента США позиционируют его как человек команды, что существенно отличает его от предшественника (Д. Трампа). Американские СМИ отмечают, что Байден всячески демонстрирует образ «своего парня», но за ним скрывается совсем другой человек. Газета *The New York Times* отмечает, что «Дж. Байден — въедливый, жесткий, нетерпеливый и нерешительный человек»¹.

В целях оценки имиджа президентов США и Российской Федерации был проведен опрос методом анкетирования среди 327 респондентов, активно интересующихся как внутренней, так и внешней политикой страны. Результаты опроса позволили прийти к следующим выводам. Респонденты давали более позитивные оценки российского президента, нежели американского в вопросах лидерских качеств, интеллекта. Так, 47,8% респондентов оценили в 5 из 5 баллов лидерские качества В.В. Путина, против 4,6% у Дж. Байдена.

В качестве обобщающих оценок профессиональной деятельности президентов респондентам был задан вопрос об эффективности на занимаемом посту. Приведенное на рисунке распределение ответов указывает на более позитивную оценку респондентами В.В. Путина в должности президента.

56% респондентов ответили, что В.В. Путин отличается патриотизмом и любовью к родине. В отношении президента США доля подобных ответов составила 16%. 28,7% респондентов оценили Дж. Байдена как чиновника средних способностей (против 7,4% аналогичных характеристик В.В. Путина). 41% респондентов охарактеризовал В.В. Путина как «интеллектуала, генератора идей» против 8,3% у Дж. Байдена.

¹ Информация газеты «Коммерсант» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4815462> (дата обращения 01.05.2022).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оценка респондентами эффективности деятельности Президента Российской Федерации / США», %²

69% респондентов ответили, что Дж. Байден уже стар для управления страной, против 33% — у В.В. Путина. В то же время, более половины респондентов (52%) отметили, что В.В. Путин находится в самом подходящем для президента возрасте.

Дополнительно были проанализированы оценки респондентов положительных и отрицательных изменений в жизни в связи с имиджем В.В. Путина и Дж. Байдена. Установлено, что к числу положительных изменений в своей жизни в контексте деятельности В.В. Путина респонденты относят повышение обороноспособности страны (42%), укрепление положения страны в мире (32,7%), стабилизация и установление порядка в стране (47,5%). Показательно, что более высокие оценки даются внешнеполитической деятельности, нежели сфере внутренней политики.

В отношении положительных изменений как компоненте имиджа Дж. Байдена респонденты указывали ужесточение доступа к покупке оружия, реформу правоохранительных органов и облегчение получения гражданства США. Показательно, что 37,3% респондентов указали, что не ощущают положительных изменений в жизни США в связи с Дж. Байденом. Для сравнения, в отношении В.В. Путина аналогичный вопрос по жизни в России получил лишь 17,9% положительных ответов. Заслуживают внимания более высокие оценки успешной борьбы с COVID-19 в деятельности Дж. Байдена и сравнительно низкие оценки обоих президентов в части борьба с коррупцией.

² Составлено автором.

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Какие положительные изменения в жизни России Вы связываете с именем В.В. Путина?», %³

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Какие положительные изменения в жизни США Вы связываете с именем Д. Байдена?», %⁴

³ Составлено автором.

⁴ Составлено автором.

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос: «Какие отрицательные изменения в жизни России Вы связываете с именем В.В. Путина?», %⁵

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос: «Какие отрицательные изменения в жизни США Вы связываете с именем Д. Байден?», %⁶

Дополнительно респондентам был задан вопрос об отрицательных изменениях в жизни в связи с именем каждого из президентов. В отношении В.В. Путина к числу наиболее значимых отрицательных изменений респонденты отнесли упадок экономики, сельского хозяйства, рост коррупции и ограничение сво-

⁵ Составлено автором.

⁶ Составлено автором.

боды слова. 51,2% респондентов при этом отметили, что не ощущают отрицательных изменений, а 44,4% затруднились дать конкретный ответ на поставленный вопрос.

В отношении отрицательных изменений в жизни США в связи с именем Дж. Байдена респондентами были отмечены: ухудшение российско-американских отношений (65,7% ответов), усиление давления на другие страны (62,7%), рост преступности в стране (57,7%).

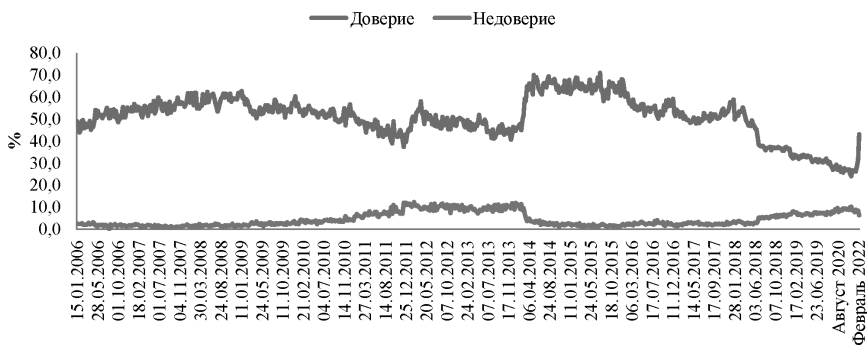

Рис. 6. Оценка уровня доверия В.В. Путину (по данным ВЦИОМ), %⁷

Дополнительно были изучены результаты обследований имиджа президентов, проводимых ведущими российскими и американскими социологическими службами. Как показано на рисунке 6, в 2022 г. существенно вырос уровень доверия президенту В.В. Путину в оценках Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ). Как видится, подобная ситуация связана с российско-украинским кризисом, проводимой специальной операцией на территории Украины и санкционным давлением на Российскую Федерацию со стороны многих стран. Отличительной чертой результатов оценки ВЦИОМ и проведенного автором статьи исследования является превосходство позитивных оценок деятельности Президента В.В. Путина. Схожие

⁷ Приводится по: Доверие политикам [Электронный ресурс]/ ВЦИОМ — 2022. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата обращения: 01.05.2022)

тенденции показывают и результаты обследования общественного мнения Левада центром⁸.

В оценках деятельности Дж. Байдена, напротив, отмечается преобладание негативных оценок (что следует из результатов обследований Gallup, Inc.⁹ и Ipsos/ Reuters¹⁰). В то же время, специалистами аналитического центра Pew Research Center отмечается, что рейтинги Дж. Байдена выше предыдущего президента [7]. Как следствие, можно подтвердить полученные нами статьи оценки результатами прочих исследований, что указывает в пользу достоверности сформулированных выводов.

Таким образом, имидж главы государства включает в себя, с одной стороны, набор определенных личностных характеристик, с другой стороны — целенаправленно формируется (моделируется, корректируется) с помощью имиджевых технологий. Проведенное исследование позволило сформировать представление об уровне восприятия имиджа президентов Российской Федерации (на примере личного имиджа В.В. Путина) и США (на примере личного имиджа Дж. Байдена), выделить сильные и слабые стороны социально-экономической политики, дать оценку влияния имиджа на уровень поддержки внешнеполитических решений президентов. Сформулирован вывод о сравнительно более высоком уровне общественной поддержки российского президента относительно президента США.

⁸ Приводится по: Одобрение деятельности Владимира Путина [Электронный ресурс]/ АНО “Левада-Центр” — 2022. Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения: 01.05.2022)

⁹ Presidential Approval Ratings — Joe Biden [Электронный ресурс]/ Gallup, Inc.— 2022. Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/329384/presidential-approval-ratings-joe-biden.aspx> (дата обращения: 01.05.2022)

¹⁰ 53% of Americans disapprove of the president [Электронный ресурс]/ Reuters. — 2022. Режим доступа: <https://graphics.reuters.com/USA-BIDEN/POLL/nmoragnqara/> (дата обращения: 01.05.2022)

Список литературы

1. *Алексеева Н.В.* Пресс-служба Белого дома США и роль пресс-секретаря в формировании имиджа президента // Идеи и новации. — 2021. — Т. 9. — № 2. — С. 38–54.
2. *Андреева, С.В.* Имиджелогия / С.В. Андреева. — Кемерово: КемГИК, 2017. — 72 с.
3. *Виханский О.С.* Менеджмент: учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Магистр : ИНФРА-М, 2021. — 656 с.
4. *Захарова Е.А.* О влиянии имиджа главы государства на формирование имиджа страны на примере имиджа Президента РФ В.В. Путина // Вестник современных исследований. — 2018. — № 4.2(19). — С. 130–132.
5. *Прокопьева М.Н.* Сравнительный анализ формирования имиджа глав государств в России и США // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 12(52). — С. 290–295.
6. *Сибгатуллин М.Х., Хулагов Р.Д.* Роль пресс-службы в формировании имиджа президента Российской Федерации // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2020. — Т. 5. — № 2. — С. 24–32.
7. *Wike R. et al.* America's image Abroad rebounds with transition from Trump to Biden [Электронный ресурс]//Pew Research Center. — 2021. — Т. 10. — Режим доступа: <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2021/06/pew-us-image.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

УДК 327

Е.Д. Сорокина,
студентка 2 курса,
факультет социальных коммуникаций,
Астраханский государственный университет, Астрахань

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

E.D. Sorokina,
2nd year student,
faculty of social communications,
Astrakhan state university, Astrakhan
E-mail: sorokina_sk_2002@mail.ru

RUSSIAN-NORWEGIAN INTERNATIONAL RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье рассматривается характер международных отношений России и Норвегии. Освещаются исторические предпосылки установления тесного сотрудничества в арктической зоне. Анализируются динамика двусторонних отношений России и Норвегии, определяется круг спорных вопросов и влияние на них внешнеполитических событий 2014 года. Определяются факторы, способствующие выстраиванию взаимоотношений двух государств, а также причины возникновения конфликтов в точках соприкосновения Российской Федерации и Королевства Норвегия. Исследование построено на сочетании системного и исторического подходов. Основными методами исследования выступают метод сравнительного анализа, позволяющий выявить специфику, своеобразие международного сотрудничества России и Норвегии на современном этапе, а также метод прогнозирования, позволяющий выявить основные тенденции и перспективы российско-норвежских отношений. В заключении представлены доводы о том, что вопреки сложной политической обстановке, между упомянутыми странами есть еще много неиспользованных возможностей для дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Норвегия, НАТО, международные отношения, санкции, украинский кризис.

Abstract. The article deals with the nature of international relations between Russia and Norway. The historical prerequisites for establishing close cooperation in the Arctic

zone are highlighted. The dynamics of bilateral relations between Russia and Norway is analyzed, the range of contentious issues and the impact of the foreign policy events of 2014 on them are determined. The factors contributing to the building of relations between the two states, as well as the causes of conflicts at the points of contact between the Russian Federation and the Kingdom of Norway are determined. The study is based on a combination of systematic and historical approaches. The main methods of research are the method of comparative analysis, which allows to identify the specifics, originality of international cooperation between Russia and Norway at the present stage, as well as the forecasting method, which allows to identify the main trends and prospects of Russian-Norwegian relations. In conclusion, it is argued that despite the difficult political environment, there are still many untapped opportunities for further cooperation between the countries mentioned.

Key words: Russia, Norway, NATO, international relations, sanctions, Ukrainian crisis.

Отношения России с некоторыми странами Европы были и остаются довольно напряженными. Возникают разного рода конфликты даже с государствами, граничащими с нашей страной, вопреки явной необходимости поддержания дружественных отношений и выгодного взаимодействия. Одним из таких соседей, с которыми отношения российского государства протекают неоднозначно, является Королевство Норвегия.

Норвегия и Россия — это две страны, которые имеют много различий, но, тем не менее, выстраивают сотрудничество и находят зоны общих интересов. Говоря о различиях, несомненно, стоит отметить совершенно разную направленность взглядов двух стран на приоритеты развития и партнёрство, способствующее этому развитию. Так, Норвегия входит в состав НАТО, а значит, вынуждена следовать проводимой блоком политике, которая чаще противоречит интересам Российской Федерации.

Несмотря на присутствующие разногласия, Россия и Норвегия имеют ряд общих интересов и зон развития, наибольшие успехи в которых можно достичь исключительно путём тесного сотрудничества. Само геополитическое положение двух стран предполагает постоянное взаимодействие на взаимовыгодных условиях. Стратегическое развитие Арктики — это одна из приоритетных задач внутренней и внешней политики, как России, так и Норвегии. В данной работе рассмотрим экономическую по-

литику указанных ранее государств, их сотрудничество в экономической сфере и аспекты, противодействующие стабильному развитию отношений России и Норвегии. А именно, взаимовлияние экономических и политических явлений во взаимоотношения двух стран. Сотрудничество стран выражается не только в активном товарообороте, но и в участии в работе Арктического совета и Совета Баренцева / Евроарктического региона. Они рассматривают их как эффективные региональные площадки, которые способствуют проведению научных исследований, налаживанию отношений между органами местной власти, представителями коренных народов, экологами и спасателями. Страны сблизило понимание того, что для реализации потенциала Крайнего Севера и защиты его окружающей среды государствам Арктического региона необходимо работать сообща. Российско-норвежская граница, которая ранее была единственной сухопутной границей СССР и стран НАТО, в постбиполярный период стала зоной нового интенсивного трансграничного сотрудничества.

История российско-норвежских отношений

История развития отношений России и Норвегии уходит в далекое прошлое и насчитывает не одно столетие. Исследование исторических этапов позволяет проследить динамику и особенности российско-норвежских политических и экономических отношений.

Первый период выстраивания взаимодействия длился с IX по XIV в. Упоминания о торговых и культурных контактах двух стран датируются с IX в. В 1251 г. между Новгородской республикой и Норвегией был заключен первый договор об урегулировании отношений в приграничных областях по причине постоянных столкновений карелов (подданных Новгорода) и норвежских сборщиков дани. В конце XIII — начале XIV в. между Новгородом и норвежцами велась война, не позволявшая норвежцам собирать дань на пограничной территории. 3 июня 1326 г. норвежский посол Хакон заключил с Новгородом мир. «Договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии»

определил границу между странами, первую письменно закрепленную из существующих в Европе» [5, с. 50–55].

Затем шёл долгий период, когда отношения России с Норвегией то разрывались, то снова возобновлялись. Связано это было с неоднозначным статусом Норвегии. Норвегия утрачивала свою независимость. Так, в 1536 г. была заключена уния Дании и Норвегии, существовавшая до 1814 г. В 1814 году губернатор Норвегии Христиан-Фредерик провозгласил независимость своей страны. Однако в ходе военных действий, норвежцы вынуждены были подписать Московскую конвенцию, по которой страна признавала Норвежско-Шведскую унию [10, с. 62–75].

Следом идёт этап возрождения норвежской государственности, в становлении которой Россия сыграла значительную роль. В 1905 году прекратила своё действие уния между Норвегией и Швецией. Именно наша страна стала первой европейской державой, признавшей независимость и полный суверенитет Норвегии. Окончательное закрепление отношений между государствами произошло после подписания Россией Договора о территориальной неприкосновенности Норвегии в ноябре 1907 года [1]. В 1920 г. Норвегия проявила заинтересованность в восстановлении экономических связей с нашей страной. Поэтому в сентябре 1921 г. было заключено Временное советско-норвежское соглашение об экономических отношениях. А 15 декабря 1925 г. был подписан Договор о торговле и мореплавании [10, с. 86–89].

Во время Второй мировой войны советскими солдатами был освобожден Восточный Финнмарк от нацистских захватчиков, в Норвегии было более 100 тысяч советских военнопленных. С началом холодной войны произошло расхождение политических взглядов, и Норвегия вступила в НАТО в 1949 году. Всё же норвежское руководство делало безуспешные попытки остаться нейтральной, вне блоков противоборствующих держав, чтобы быть своеобразным связующим звеном между ними [4].

Подходя к рассмотрению современного этапа, следует отметить, что Норвегия в числе первых признала государственный суверенитет России 16 декабря 1991 г. С этого времени между

двумя государствами поддерживаются активные контакты по всем направлениям. Формируются основы российско-норвежских экономических отношений. Их составляют межправительственные соглашения, создающие рамочные условия для осуществления внешнеэкономической деятельности: «О взаимной защите и поощрении капиталовложений» (1995 г.), «О торговле и экономическом сотрудничестве» (1996 г.), «Конвенция об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал» (1996 г.) и Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (2010 г.) [7, с. 29–31]. На базе Соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве между нашими странами от 26 марта 1996 г. действует Межправительственная Российско-Норвежская комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству (МПК)¹.

Данный этап в большей степени характеризуется неоднозначностью и нестабильностью отношений Российской Федерации и Королевства Норвегия. Норвегия как член Рабочей группы по присоединению России к ВТО внесла конструктивный вклад в развитие переговорного процесса и его успешное завершение. Еще в 2005 г. был подписан протокол, согласно которому с Норвегией были урегулированы все нерешенные вопросы. Членство России в ВТО создало новую базу торгово-политических отношений между Россией и ее торговыми партнерами, в т.ч. с Норвегией. В 2007 г. Норвегия, председательствуя в ЕАСТ, стала инициатором расширения сотрудничества с Россией в рамках этой организации и подготовки соглашения между Россией и ЕАСТ. Однако, этот процесс был приостановлен в связи с ситуацией на Украине. Так же и в сфере обороны в марте 2014 года Минобороны Норвегии прекратило сотрудничество с Россией по военной линии. Только спустя 4 года, 2 февраля 2018 года были проведены консультации по линии оборонных ведомств двух стран.

¹ Посольство Российской Федерации в Норвегии: официальный сайт // URL: https://norway.mid.ru/ru/countries/torgovo_ekonomicheskie_otnosheniya/ (дата обращения: 05.05.2022).

В декабре этого же года в рамках министерской сессии ОБСЕ прошла беседа Сергея Лаврова и Инне Эриксен Сёрэйде — глава МИД Норвегии. В 2019 году в столице Норвегии представители Минобороны Российской Федерации и Королевства Норвегия провели совещательную встречу. Стали налаживаться экономические, научно-образовательные отношения: 20 апреля 2017 г. в Москве проведена 17-я сессия МПК. 25 октября 2018 г. в Осло состоялась ее 18-я сессия.

Резонансным событием, повлекшим за собой значительные изменения системы взаимоотношений стран, стало начало Россией военной операции на Украине 24 февраля 2022 года. Рассматривая российско-норвежские отношения, стоит отметить тенденцию ухудшения взаимодействия. Так, в марте текущего года норвежскими властями было принято решение приостановить научно-образовательное сотрудничество с Россией. Министр науки и высшего образования Норвегии Ула Бортен Муэ заявил о прекращении любого диалога с российскими властями Минобразования и профильными ведомствами. Несмотря на нарастающую напряжённость во взаимоотношениях, норвежская сторона признаёт важным сохранение сотрудничества в области ядерной безопасности и управления рыболовством и ресурсами².

Итак, в истории российско-норвежских отношений было много разных событий, они имели как негативную, так и позитивную окраску. Однако всегда стороны осознавали значимость друг для друга. Начало XXI века явилось началом нового этапа сотрудничества двух стран, на особенности которых оказывают влияние факторы, по-разному влияющие на развитие двустороннего диалога.

² Regjeringen.no. Regjeringen fryser forsknings- og utdanningssamarbeidet med Russland// Pressemelding. 3.04.2022 [Правительство Королевства Норвегия: официальный сайт. Правительство замораживает научно-образовательное сотрудничество с Россией// Пресс-релиз]. — URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/regjeringen-fryser-forskings-og-utdanningssamarbeidet-med-russland/id2903021/> (дата обращения: 06.05.2022).

Факторы, способствующие развитию двусторонних отношений между Россией и Норвегией

Для более детального раскрытия темы международного сотрудничества

России и Норвегии необходимо рассмотреть факторы, позитивно сказывающиеся на взаимоотношения двух стран.

1. Развитие Арктики.

Россия и Норвегия граничат в арктической зоне и поэтому имеют много схожих интересов и задач. И та, и другая страна, в первую очередь, учитывают собственные национальные интересы, действуя на территории Арктики, но на практике стремятся просчитывать подходы соседей и не допускать открытого конфликта, чтобы сохранить дружественное соседство [8]. Подписание российско-норвежского «Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» внесло ряд важных изменений в отношения двух стран по вопросам Арктики. Он устранил проблему определения общего положения и направления границы морских пространств, завершил переговоры по этой теме, длившиеся более сорока лет³. Это открывает возможности для разведки и использования природных, прежде всего, углеводородных ресурсов в ранее «замороженном» районе.

Также в 2017 году была издана «Арктическая стратегия Норвегии — между геополитикой и социальным развитием». Это первый норвежский документ стратегического характера, который был издан после кризиса на Украине [2, с. 87]. В норвежской стратегии блок, посвященный международным отношениям, раскрывает цели страны в арктическом сотрудничестве. А именно: сохранение Арктики как мирного, стабильного и предсказуемого региона, где отношения между странами базируются на принципах международного права; развитие трансграничного сотрудничества по вопросам изменения климата, загрязнения

³ *Борисов П.* Взять и поделить. Россия и Норвегия уладили сорокалетний пограничный спор // Лента.ру. — 28.04.2010. — URL: <http://lenta.ru/articles/2010/04/28/borders/> (дата обращения: 05.05.2022).

окружающей среды, управления ресурсами, здравоохранения и морской безопасности; а также укрепление принципов устойчивого развития в Арктике посредством международного сотрудничества.

Далее идет раздел о международных региональных форумах, центральное место среди которых занимает Арктический совет, где Норвегия продолжает играть активную роль.

Таким образом, подписание данного Договора, а также одобрение новой арктической стратегии Норвегией, являются основанием полагать, что положительный вектор развития отношений сохранится. Но это не полностью исключает возможности появления новых причин для конкуренции и соперничества.

2. Сотрудничество в области рыболовства и охраны природы.

Позиции Российской Федерации и Королевства Норвегия совпадают в сфере управления рыбными запасами, а также в вопросах регулирования районов Мирового океана региональными рыбохозяйственными организациями. Россия, как и Норвегия, придерживается научно обоснованного подхода при создании новых морских охраняемых районов (МОР). Возрастает значение взаимных действий России и Норвегии по обеспечению экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. Сотрудничество в этой области началось в 1992 г. и осуществлялось через различные совместные проекты российских и норвежских организаций. Таким образом, основными направлениями является развитие методики «чистого производства», работа над проектами по предотвращению радиоактивного загрязнения, сохранение природного и культурного наследия, поддержание биоразнообразия на суше и в море⁴.

3. Сотрудничество государств включает совместные проекты в области энергетики и нефтедобычи.

Расширение трансграничной торговли электроэнергией, реализация программы «Коларктик» (программа сотрудничества

⁴ Норвегия и Россия должны развивать сотрудничество // Морские вести России. — 04.02.2015. — URL: <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=31465> (дата обращения: 05.05.2022).

между Россией, Норвегией, Швецией и Финляндией, цель которой является повышение привлекательности Арктического региона, поддержание экономики и надзор за рациональным использованием природных ресурсов), привлечение норвежских инвестиций выступают в качестве перспективных направлений взаимодействия. В рамках проекта «Печенгский энергомоет» планируется проведение новой трансграничной электроэнергетической связи между Российской Федерацией и Королевства Норвегия, путем усиления электрической сети Кольской энергосистемы. Правовой основой российско-норвежских торгово-экономических отношений является Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве 1996 г., на базе которого действует Межправительственная российско-норвежская комиссия по промышленному, экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК) [9].

В области промышленной безопасности обе страны стремятся проводить совместную работу. Например, в 2020 году Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору и Агентством по надзору за обеспечением безопасности нефтегазового производства Норвегии был подписан соответствующий договор [6, с. 26]. Россия и Норвегия намерены сотрудничать в вопросах выработки нормативной правовой базы в области регулирования промышленной безопасности, производить контроль в области безопасности непосредственно на объектах нефтегазового комплекса.

Таким образом, факторами, способствующими развитию международных отношений между Россией и Норвегией, являются совместная деятельность для развития Арктики, сотрудничество в области рыболовства, охраны природы, совместные проекты в области энергетики и нефтедобычи.

Факторы, препятствующие развитию двусторонних отношений между Россией и Норвегией

Для более детального раскрытия темы международных отношений России и Норвегии необходимо рассмотреть факторы, негативно сказывающиеся на взаимоотношениях двух стран.

1. Норвегия — член НАТО.

Так, наиболее показательным и самым явным дезинтегрирующим элементом экономической связи Норвегии и России является взаимодействие Норвегии с антироссийским альянсом — НАТО. К примеру, в упомянутой ранее «Арктической стратегии Норвегии — между геополитикой и социальным развитием» устанавливается, что защита северной Норвегии возлагается на НАТО. Отмечается, что Норвегия гарантирует проведение боевых действий норвежскими вооруженными силами совместно с союзными войсками. Увеличивается количество учений и военных манёвров на российско-норвежской границе. В 2018 году Норвегия провела на своей территории учения «Trident Juncture 2018», совместные с НАТО, в которых приняли участие 250 самолетов, 65 кораблей, 50 тыс. военных и 10 тыс. единиц техники [2, с. 88].

Взаимодействие Норвегии и США в военной сфере не прекращается, а только набирает силу. Так, в 2021 году был заключен договор о сотрудничестве между Минобороны Норвегии и США. По этому соглашению американские войска получают доступ на норвежские объекты военной инфраструктуры [6, с. 27]. Усугубляет положение и тот факт, что Королевство Норвегия становится своеобразным плацдармом НАТО для сосредоточения вооруженных сил у границ Российской Федерации.

Итак, военные маневры стран НАТО в Норвегии давно стали фактором дестабилизации и роста напряженности во взаимоотношениях Российской Федерации и Королевства Норвегия.

2. Введение санкций Норвегией против России.

Не учитывая тот факт, что между Россией и Норвегией разрешены многие спорные моменты, происходит ухудшение взаимоотношений между странами в связи с украинским кризисом. Позиция Норвегии по поводу ситуации на Украине и возвращению Крыма в состав России в 2014 г. обуславливает снижение российско-норвежских политических и экономических. Норвегия, не являясь членом Европейского союза, следует его политике в отношении России. Антироссийские санкции, применяемые Брюсселем, поддерживаются Норвежским правительством. Совершенно естественным и ожидаемым действи-

ем со стороны России было введение ответных санкций против стран, которые применили ограничительные меры к Москве. Это сказалось и на норвежском государственном бюджете, ведь Норвегия получает от рыбного экспорта ежемесячно около 1 млрд долларов США. Следует отметить, что российский рынок до введения запрета был одним из крупнейших при поставках норвежской рыбы. Помимо этого накаляется политическая обстановка. Украинский кризис сильно сокращает возможности выстраивания выгодного и той, и другой стране взаимодействия [3, с. 156–159].

Итак, на данный момент, учитывая все факторы препятствующие сотрудничеству России и Королевства Норвегия, отмечается резкое сокращение количества мест для развития отношений в результате продолжающихся санкций против России и российских контрмер.

Заключение

Таким образом, на данном этапе, несмотря на множество факторов, усугубляющих характер российско-норвежских взаимоотношений, следует отметить невозможность полного разрыва связей России и Норвегии. Стоит подчеркнуть, что вопреки сложной политической обстановке, между упомянутыми странами есть еще много неиспользованных возможностей для дальнейшего сотрудничества.

Замедление и снижение темпов процесса взаимодействия России и Норвегии связано с различным видением многих основных параметров современной обстановки в мире. Однако, и Россия, и Норвегия отмечают необходимость сотрудничества, Арктическом регионе. У обеих стран есть совпадения во взглядах относительно реализации своего потенциала на данной территории. Прежде всего, затрагиваются вопросы международного сотрудничества, научно-исследовательской деятельности, экономического и социального развития, защиты окружающей среды. Обе страны смотрят на регион как на зону своих стратегических интересов. Вопреки сложной обстановке на мировой арене, сложившейся на современном этапе, Россия и Норвегия

отмечают необходимость мирного и плодотворного взаимодействия друг с другом, а также с другими арктическими государствами.

Список литературы

1. *Адамов Е.А.* Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова. — М., 1952. — С. 397–399.
2. *Александров О.Б., Киргизов-Барский А.В.* Россия и Норвегия в Арктике. Движение к партнерству или от него? // Свободная мысль. — 2020. — № 2(1680). — С. 85–93.
3. *Воронков Л.С.* Геополитические и международные проблемы современной Арктики. — М.: МГИМО, 2021. — 273 с.
4. *Гуревич А.Я.* История Норвегии / под ред. А.Я. Гуревича. — М., 1980. — URL: http://www.norge.ru/nh_is41 (дата обращения: 05.05.2022).
5. Договоры Новгорода с Норвегией. // Исторические записи. — 1945. — Т. 14. — 61 с. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Norwegen/Dog_Novg_Norveg/frametext.htm (дата обращения: 05.05.2022).
6. *Журавель В.П.* Арктическая стратегия Норвегии и вопросы безопасности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2021. — № 5. — С. 23–30.
7. *Зиланов В.К.* Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // АИС. — 2017. — № 29. — С. 28–47.
8. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Северная Европа: общий арктический вектор // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2011. — № 24. — С. 11.
9. *Кривун В.Ю.* Российско-норвежские отношения: история и современность / В.Ю. Кривун // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2015. — № 2. — С. 28–33.
10. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. — М., 1995. — Вып. 1. — С. 113.

УДК 327

А.А. Романов,

кандидат исторических наук,
Заведующий кафедрой мировых цивилизаций и мировой политики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

В.В. Теплякова,

студент 2 курса,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

И.И. Сабиров,

студент 3 курса,
факультет международных отношений,
Международная Исламская академия Узбекистана, Ташкент

THE INFLUENCE OF RADICAL ISLAM ON THE POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA

A.A. Romanov,

PhD in Historical Sciences,
Head of the Department of world civilizations and world politics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: aaromanov@mail.ru

V.V. Teplyakova,

2nd year student,
Faculty of international relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: teplyakova-02@list.ru

I.I. Sabirov,

3rd year student,
Department of International relations and SE,
International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent.
E-mail: sabirovv777@gmail.com

THE INFLUENCE OF RADICAL ISLAM ON THE POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния радикального ислама на политическую ситуацию в Центральной Азии. Целью данного исследования

является анализ истории радикализации ислама и выявление совокупности объективных сил, влияющих на политическую ситуацию в странах Центральной Азии. Целями этой работы являются поиск и выявление наиболее опасных угроз и последствий, которые несут исламские террористические организации, изучение проблем, существующих в исламских государствах Центральной Азии, а также изучение методов, с помощью которых острая ситуация может быть разрешена в будущем. В данной статье представлены и проанализированы такие страны, как Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан, Казахстан; исследуются механизмы, используемые приверженцами радикального ислама для воздействия на политическую ситуацию в Центральной Азии, угрозы и вызовы, исходящие от террористических организаций, а также вопрос о том, как государства будут предотвращать такие движения. В результате проведенной работы был сделан вывод о том, что: В начале XXI века ислам все больше политизируется. Во время всплеска антизападных и антиамериканских протестов исламизм (политический ислам) стал объединяющей силой для «идеологически разнородных движений» различного толка на фундаменталистской основе, направленных против существующего порядка вещей, за установление планетарной власти шариата.

Ключевые слова: радикализация ислама, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан, Казахстан, Террористические организации, механизмы влияния на политическую ситуацию, государственные планы стран Центральной Азии по решению проблемы радикализма.

Annotation. This paper examines the problem of the influence of radical Islam on the political situation in Central Asia. The purpose of this study is to analyze the history of radicalization of Islam and identify the totality of objective forces influencing the political situation in Central Asian countries. The objectives of this work are to search for and identify the most dangerous threats and consequences that Islamic terrorist organizations carry, to study the problems existing in the Islamic states of Central Asia, as well as to study the methods by which the acute situation can be resolved in the future. This paper presents and analyzes such Islamic countries as Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Afghanistan, Kazakhstan; the mechanisms used by adherents of radical Islam on the political situation in Central Asia, threats and challenges posed by terrorist organizations, as well as the question of how states will prevent such movements are investigated. As a result of the work, it was concluded that: At the beginning of the XXI century, Islam is increasingly politicized. During the surge of anti-Western and anti-American protests, Islamism (political Islam) became a unifying force for “ideologically heterogeneous movements” of various

kinds on a fundamentalist basis, directed against the existing order of things, for the establishment of the planetary power of Sharia.

Key words: Radicalization of Islam, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Afghanistan, Kazakhstan, Terrorist organizations, mechanisms of influence on the political situation, state plans of Central Asian countries to solve the problem of radicalism.

Introduction

The issue of countering terrorism does not lose its relevance during the pandemic. On the contrary, the epidemiological crisis, unprecedented in its scale, which has engulfed the whole world and affected all spheres of public life and economic activity, has revealed several problems that create fertile ground for the spread of ideas of violent extremism and terrorism.

There is an increase in poverty and unemployment, an increase in the number of migrants and internally displaced persons. All these crisis phenomena in the economy and social life can increase inequality, create risks of exacerbation of conflicts of a social, ethnic, religious, and other nature.

This problem is especially urgent in connection with the situation in the countries of the Central Asian region. Finding ways to counter the terrorist threat in these countries is especially important for neighboring states such as Russia and China. In this regard, it is necessary to determine both the causes of these phenomena and their nature, as well as the effectiveness of the anti-terrorist measures used today by the governments of the Central Asian states.

Results and their interpretation

In the “Diplomatic Dictionary” of the Moscow State Institute of International Relations, radicalism is defined as a type of political thinking action aimed at a radical change in the political system, political relations, institutions; characterized using extreme, often violent methods [1]. Manifestations of radicalism can be observed in various spheres of public life, such as politics, religion, economics.

Lunkasha Yu.V., Lyudkevich Yu.N. and Grishay E.V., in their scientific article “Problems of Radicalization of the Central Asian Region at the Present Stage” [2], defined radicalization as a process in which people or groups of people become adherents of a political, religious, or other extremism. It is important to understand that it is not specific religions, national or other groups that are subject to radicalization. Under certain conditions, each person or each group of people can radicalize. In this regard, it is advisable to consider the causes of Islamic radicalization, due to which a person can become an adherent of jihadism; such reasons can be both social and individual. The former includes the presence in the region of a significant marginalized minority; suspicious attitude of society towards certain groups of people; the spread in society of hostility towards religion and towards Islam; unpopular foreign policy (support for repressive regimes in Muslim countries); the existence of networks for recruiting supporters into radical movements. Personal ties with radicalized people are often cited as individual factors; dissatisfaction with life, combined with a desire to do something important and meaningful; passion for new experiences and rebellion; desire to be a part of something big; compassion towards oppressed fellow believers; teenage anxiety and insecurity. This list is, of course, not exhaustive; the presence of these factors does not necessarily mean radicalization, just as their apparent absence does not mean that radicalization is not to be feared. Today, the term “radicalism” in the language of most media is in the gray area between “democracy” and “extremism”. The expression “politically radical” in the current public consciousness is anti-democratic, aimed at the abolition of the existing system or the rule of law in favor of an authoritarian or even totalitarian system. Religious radicalism often spills over into a form of religious fanaticism [3]. In Islam, such fundamental provisions as belief in the afterlife and the Day of Judgment, in heaven and hell, contributed, since the belief that the “Shaheed” (who died for the faith) will go to heaven: “... And those who are killed in the way of Allah — He will never mislead their deeds: He will lead them and keep their state in order and enter them into paradise, which He gave them to know” (Quran, Muhammad, verses 5–7) [4]. Under the

conditions of Muslim expansion, fanaticism as one of the ideological factors played an important role in the conquest of foreign territories, especially since the Koran contains the ideas of the need to spread Islam by Muslims around the world as executors of the mission of Allah: “We sent you only as a mercy for the worlds” (Al-Anbiya, Prophets, verse 107) [5], “reminder for the worlds” (Tafsir al-Saadi, Yusuf, verse 104) [6], etc. Islam in this case began to be perceived by many as an ideology that justifies wars of conquest; excessive emphasis on the fight against infidels inevitably led to the radicalization of the Teaching. Created over the centuries and based on all the richness of the religious and cultural tradition, the feeling of superiority and intolerance towards infidels has become an imperative in the action of many representatives of Islam. Naturally, all this could not but affect not only the norms of behavior and value orientations of all those who proudly always considered themselves to be members of the community (Ummah), but also, ultimately, the social psychology of people.

Hence the state of focus on the fight against the enemy, which is so characteristic of radical Muslims, and its definition by the concept of “kafir” (infidel). Death for faith in the fight against infidels is closely connected with such a concept as jihad — the struggle for faith. In the Qur’an, the war for faith is imputed to the duty of the followers of Islam as sacred, it is elevated to the rank of fulfilling a divine mission, backed up by the authority of Allah. Many of the teachings contained in the fundamental sources of Islam can be interpreted as the slogans of jihad in the form of a “sword” (ghazawat), that is, a war for faith. The theory of jihad from the point of view of Islamic radicals proceeds from the fact that conflict is and will be the rule, at least until the Messiah (Mahdi) comes. Therefore, Islamists believe that the only possible response of the Muslim world to the current regimes in the countries of the spread of Islam, under which Western spiritual models dominate, can only be a holy war in its sense of force. Only after the overthrow of these regimes and the restoration of the unity of all Muslims, as was the case in the golden era of the Caliphates, can peaceful relations be established. Exaggeration of the role of political Islam and over-concern with political Islam, which is essentially limited in the traditional post-Soviet context,

but in Central Asian countries this factor is considered one of the most important factors in their social and cultural life.

To begin with, it is important to note the fact that Islamic terrorist groups are in very wide contact with each other. This is since they have two common enemies: the Western way of life and Israel, as a state of infidels, which occupied the sacred lands of Islam. It is a form of radical Islam associated with the belief that for Islamic countries to return to their “former greatness”, orthodox Muslims must abandon everything that is associated with “Western spiritual values and the Western way of life.” It is necessary to return to the origins, to the “foundation” of Islam exactly in the form in which it was preached by the prophet Muhammad.

It should be emphasized that Muslims have never declared war on Christianity — after all, it is one of the three Abrahamic religions (along with Islam and Judaism), and adherents of Islam revere Abraham and Jesus as prophets. Jihad for militant Islamism is a struggle with the West as an enemy of Islam. At the same time, fundamentalism (Salafiya) acts as an ideological basis for them, but not the main and not the only one.

In fact, fundamentalism is not necessarily equivalent to political radicalism, extremism, and does not directly act as a cause of terrorism. Terrorist fanatics think least of all the “purification” of Islam; The roots of their hatred for the West, primarily for America, are not religious, but cultural, civilizational, psychological and geopolitical [7]. Of the latest trends in the criminal and political process in the countries of the Central Asian region, which pose the greatest threat to security, it is necessary to note the growth in the interaction of organized crime groups with Islamist radical organizations. In Kyrgyzstan, this trend is most clearly associated with the activities of the Islamic Movement of Uzbekistan, Uighur separatist Islamist organizations. These are some of the characteristics of the criminal and, first, drug-criminal imperative in modern Central Asian political processes. Discussing about the history of the development of radical Islam in the late 20th century — early 21st, we can notice that the collapse of the Soviet Union and the collapse of its cultural and ideological system led to the formation of a spiritual and ideological vacuum, which forced

the states of the region to form a new ideology from scratch, mostly parts based on their national traditions, after which the search for answers to difficult questions of everyday life began on the basis of religious ideas. As one of the leading Russian experts on Islamic issues, A.V. Malashenko in his work [Islam: century XXI] [8], Appeal to the idea of “original development” is easy to understand, given the difficulties of copying other people’s models, resulting in numerous costs”.

The ban on freedom of religion, which had been in effect for a long time on the territory of the former USSR, as well as repressive measures applied to the Islamic clergy, led to the fact that the system of religious education was destroyed in the country, and the general religious enlightenment of the population gradually decreased. The situation was aggravated by the emergence of an underground religious formation, which also led to the decay of traditional Islamic ideas that had been preached for centuries in the region. Thus, during the years of Soviet power, as Malashenko writes, “the decline of Hanafi Islam, traditional for Central Asia, occurred ... a kind of deformed model of Islam arose — adapted to an atheistic state, loyal to its ideology, allowing violations of Islamic prohibitions” [9]. All this prepared fertile ground for the initial strengthening and further development of Islamist ideas in the region. An important role in the strengthening of extremism in the region during this period was played by the graduates of the institutions of several Arab states who returned to their homeland, who managed to take positions in several mosques and began to preach the ideas of “pure Islam” [10]. Terrorism, in turn, is an instrument of Islamic radicalism and is exclusively violent.

Terrorist groups in Central Asia and their demands

Among the modern terrorist groups operating in the territory of Central Asia, one can name the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) [11]. This organization was founded in 1996. and is the largest terrorist group in the region. The main goals can be identified: the fight against the regime of Islam Karimov and the creation of an Islamic state in all five states of Central Asia. The Taliban is an

Islamist movement that originated in Afghanistan among students of Islamic religious schools in 1994 [12]. The Taliban were in power: in Afghanistan from 1996 to 2001 (“Islamic Emirate of Afghanistan”); in the Waziristan region in northern Pakistan (“Islamic State of Waziristan”) from 2004 to 2006. The number of the organization is 27,000 people. It was diplomatically recognized by three states: the United Arab Emirates; Pakistan; Saudi Arabia. It has been designated a terrorist organization by the UN Security Council.

“Hizb ut-Tahrir al-Islami” [13] (“Islamic Liberation Party”) — operates in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, terrorist organizations of Central Asia.

“Islom lashkarlari” (“Warriors of Islam”) — operates in Uzbekistan.

“Tovba” (“Repentance”) — has supporters and activists in Kyrgyzstan and Uzbekistan.

National Revolutionary Front of East Turkestan” — an extremist organization pursuing the goal of creating a Uighur state on the territory of the states of Central Asia.

“Akromids” — a religious Islamic trend in Uzbekistan, operates in the Ferghana Valley [14].

Recently, the spread of the ideas of Islamic extremism has been greatly facilitated by the intensification of the activities of radical Islamists. For these purposes, they have created a powerful propaganda apparatus, using both traditional and the most modern methods and methods. Among the most common: sermons in mosques, publication of printed materials (magazines, books, booklets, posters), broadcasting on special radio and television channels (including satellite), using the worldwide computer network Internet. All these measures contribute to the emergence of new supporters of radical Islam, including those belonging to the middle and well-educated segments of the population. Islamic extremists are characterized by an intolerant attitude towards any dissent, fanaticism, rejection of the present and idealization of the past. Most of them firmly believe that they have absolute truth, and they must fulfill their mission in that part of humanity that professes Islam. At the same time, most importantly, religious fanatics do not care about the moral side of the matter: whether they

have the right to endanger the lives and safety of many hundreds and even thousands of people in the name of achieving happiness in their understanding. Colonel V. Kondratiev writes in his article “Activation of Islamic Extremist Organizations” [15]: Islamic extremists consider the achievement of three main goals to be the result of their activities. First, the establishment in society of the norms of a “true” Islamic state. Extremist leaders call the existing forms of government in Islamic countries secular since they mainly apply Western laws and the Western legal code. Therefore, in their opinion, most regimes currently existing in the Arab states are illegitimate, and there are all “legal grounds” to overthrow them. Non-Muslim countries should be subject to violent Islamization.

Secondly, the introduction into public practice of the norms of Sharia, which determine the principles, as well as the rules of the daily life of Muslims. At the same time, extremists reject the possibility of any revision of the provisions of the Sharia, seeking to apply in modern conditions the norms that developed in the 7th–8th centuries. And thirdly, the restoration of the Caliphate. The ideologists of Islamic extremism motivate their aspirations by the desire of tens of millions of destitute residents of Muslim countries to restore historical justice by returning to the origins of Islam and restoring the Great Caliphate. According to their plans, it will include North Africa, the Arabian Peninsula, the countries of the Near and Middle East, the western part of India, Central Asia, Transcaucasia, and the North Caucasus. Contemporary Islamic extremists blame and belittle the faith of those Muslims who abandon the idea of restoring the Caliphate, seeing their position as blasphemy and opposition to the revival of Islamic values and governance structures. The forms and methods of activity of Islamic extremists are determined by the fusion of radical Islamic ideology based on the declaration of jihad to all enemies of the Islamic world with the practice of terrorism. The third point can be supplemented with the opinion of the club of military leaders of the Russian Federation of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences that: “The main reason, in our opinion, is the desire of radical Islamic circles to expand their territorial presence, to seize new lands, world wealth and the masses of the population. This is what is called the creation

of a world caliphate” [16].

The danger of influencing the politics of Central Asia by radical Islam

History shows that all the loudest terrorist events of our time occur at the end of the 20th and beginning of the 21st century. It was during this period that the strategy of modern terrorism was developed, its tactics were improved and honed [17]. Terrorists are beginning to unite, putting the latest scientific achievements of mankind at their service. For example, in Uzbekistan, one of the most tragic episodes in the history of modern Uzbekistan took place in the Ferghana Valley. The so-called Andijan events, during which the authorities of the republic sent troops into the city according to unofficial estimates, claimed the lives of more than 700 people, the official death toll was 187 people with a demand for justice. On May 13, 2005, in Andijan, in eastern Uzbekistan, government troops opened fire on civilians who had gathered at the head of the city's square demanding justice. On that tragic day, a lot of people died, many fled to the neighboring state of Kyrgyzstan for their lives. Kyrgyzstan to Uzbekistan. On March 29, 2004, several explosions were carried out in the capital of Uzbekistan, Tashkent, and Bukhara. More than 20 people were injured and 2 policemen were killed during the riots. Currently, there has been a transformation in the tactics of terrorism. Previously, it existed mainly in the form of single attempts on the heads of states, governments, and high-ranking officials. Now the situation has changed dramatically. Modern terrorism is no longer isolated individual actions. These primarily include the use or threat of use of nuclear, chemical, and bacteriological weapons, radioactive or highly toxic chemical, biological substances, as well as attempts to seize nuclear and other industrial facilities by extremists. Modern terrorists have taken a course to use the achievements of scientific and technological progress, which generates new types of terrorism, more and more destructive. The means of terrorist activity include various devices, devices, machines, tools, and substances that are used to influence certain objects of terror. In general, these means are diverse — these are means either specially created for solving terrorist tasks

or used in other areas of activity. Often the same means are used to solve various tasks of terrorism.

Assessing the activities of terrorist organizations in Central Asia at the present time, the following should be noted. Today, the largest terrorist organizations in the CAR have similar strategic goals, as well as developed multivariate tactics for achieving them. At the same time, the autonomy of their armed component, the strength of networks and the stability of the cells, as well as the technical equipment are constantly increasing, while the geography of actions and the circle of decision-makers are expanding. The main threat to the security of Central Asia is the situation in Afghanistan, where the Taliban provide great organizational and material support to the Islamic movement of Uzbekistan. The group consists of thousands of militants from all Central Asian states, as well as China, Turkey, Azerbaijan, and Chechnya. In Tajikistan, the tensest situation in terms of the threat of religious extremism and terrorism in Central Asia. It is estimated that over 80% of the Internet audience in Tajikistan encounters extremist content online [18]. The Afghan-Tajik border is practically unguarded. For the southern part of Kyrgyzstan, the traditional threat is the activities of extremist groups from neighboring Tajikistan and Uzbekistan. One of the reasons is the weakness of the law enforcement structures of Kyrgyzstan. The country's authorities in Turkmenistan are tightening their anti-terrorist activities, focusing on combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Ways for states to prevent radicalism

The website of the national database of legislation of the Republic of Uzbekistan posted a resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan on measures to implement national goals and objectives in the field of sustainable development for the period up to 2030. In paragraphs 16.5, 16. as it is noted that it is necessary to significantly reduce the scale of corruption and extremism in all their forms and strengthen the relevant national institutions by expanding their cooperation at the national and international levels

in the prevention of violence, combating terrorism, extremism, and other types of crime [19]. The heads of state of Central Asia highly appreciate the work carried out by religious figures to raise the morale of society, protect the population from the influence of alien and false religious ideas, and educate vigilance and consciousness. This recognition encourages the clergy to work more selflessly to maintain peace and stability in the Central Asian society.

Based on the foregoing, it is also necessary to pay attention to the following to ensure the stability of the socio-spiritual and religious situation in the region, strengthen the fight against various religious extremist movements and prevent young people from joining foreign ideas: constantly informing citizens about religious processes on the ground, further strengthening practical interaction with relevant organizations and departments to ensure the stability of the situation; increasing the effectiveness of practical measures and spiritual and educational work aimed at educating young people in the spirit of secularism and patriotism in educational institutions, public meetings, enterprises and organizations; Increasing the quantity and quality of holding round tables and seminars in educational institutions on such topics as “Peace is the highest good”, “There is no place for extremism and terrorism in Islam”, “Religious extremist movements are a threat to the state and society”, the use of videos exposing a crime; Systematic explanatory work to eliminate cases of illegal religious education in mosques and individual houses (cells); participate in round tables in local media about the threat of religious extremism and missionary ideas to society, increase the number of speeches exposing the fact that the ideas of international terrorism and religious extremism are based on tendentious geopolitical goals, fanatical distortions of Islam; Websites of the Tashkent Islamic University, the Muslim Board of Uzbekistan, the Tashkent Islamic Institute, the Imam Bukhari International Center, local branches of the OMI are dedicated to highlighting purely Islamic teachings and the claims of various informal, biased movements (especially sectarianism, takfir, migration, jihad) regular submission of articles of scientific content; ensure vigilance and vigilance in society, organize events aimed at increasing the responsibility

of the family in educating young people and actively participate in such events, participate in conversations with migrant workers in order to prevent their influence from jihadist groups; pay special attention to the narrowing and elimination of the “field of activity” extremists by strengthening charitable activities in cooperation with authorities, enterprises, organizations, the “Mahalla” and “Nuroni” [20] foundations; Engage in educational work with individuals convicted of crimes committed as part of religious extremist movements, who are currently on the road to recovery and released under an amnesty, and emphasize the positive impact on them, explaining the true nature and harmful consequences of fanaticism. Keeping peace requires vigilance and vigilance. In this regard, in the current era of globalization among our people, especially among young people, a sense of national pride is deepening, an important task remains the formation of ideological immunity to protect against alien ideas.

Conclusion

Islam today is the most important factor in world politics. Unfortunately, one of the manifestations of Islam is the activity of radical organizations. Muslim radicalism has deep historical roots and traditions. It arose in the IX–XI centuries. The ideology of modern radicalism in terms of goals, objectives, tactics, methods of struggle is not much different from the radical trends in Islam that preceded it. The difference is only in the scale of activities. The radicalism of Islamist movements is directly dependent on the originality of the Islamic doctrine, which consists in the fusion of the sacred and secular interests of the community and the individual in it, in the division of the world into the area of peace and the area of war. this, it seems to us, explains the severity of the Islamic challenges to the West, which take the form of a clash of civilizations. Any threat to the habitual way of life, infringement of national pride, blow to ethnic self-consciousness is perceived as an attempt on Islam. this gives bitterness to the speeches of radical Islamists.

Bibliography

1. Diplomatic dictionary for students/ Ed. count; under the hand A.V. Yakovenko, Dr. jurid. sciences, professors M.: Publishing House of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2022. — 298 p.
2. *Lunkash Yu.V., Lyudkevich Yu.N., Grishai E.V.* Problems of radicalization of the Central Asian region at the present stage. [Electronic resource]// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-radikalizatsiya-sredneaziatskogo-regiona-na-sovremennom-etape> (date of access: 02/17/2022).
3. Studwood.net Modern radical Islam: origins, origin, and transformation into the largest factor in world politics in the last third of the 20th century (2022).
4. LITMIR. Sura 47. Muhammad, verses 5-7. [Electronic resource]// URL: <https://www.litmir.me/br/?b=92870&p=127> (date of access: 02/18/2022).
5. QuranOnline. Al-Anbiya, Prophets, verse 107. [Electronic resource]// URL: <https://quran-online.ru/21:107> (date of access: 02/18/2022).
6. Interpretation of the Quran. Tafsir as-Saadi, Yusuf, ayat 104. [Electronic resource]// URL: <http://tafsir.ru/tafsir-as-saadi-sura-jusuf-ayat-103-104/> (date of access: 02/18/2022).
7. *Kapyshev A., Petrichkovich E.* On the issue of the threat of Islamist terrorism. [Electronic resource]// URL: <https://articlekz.com/article/11814> (date of access: 19.02.2022).
8. *Malashenko A.V.* Islam: XXI century. — Moscow: Institute of the Middle East; Institute for the Dialogue of Civilizations, 2019. — 230 p.
9. *Malashenko A.V.* Islamism in Central Asia: Today and Tomorrow// Russia-Central Asia-Radical Islam East-West. — M., 2009. — 184 s
10. *Polyakov K.I.* Islamic extremism in Central Asia / Ed. ed. V.V. Naumkin, R. Ya. Emanuilov. — M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2014. — 136 p.
11. Main terrorist organizations of Central Asia. [Electronic resource]// URL: <http://zakoniporjadok.my1.ru/publ/4-1-0-5069> (date of access: 19.02.2022).
12. Arguments and Facts. Aif.ru Al-Qaeda, Hamas, Taliban: 8 largest Islamist groups in the world

13. The commonwealth of independent states anti-terrorism center. Organizations designated as terrorist basing on the judgment of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan as of 26 September 2016. [Electronic resource]// URL: <https://www.eng.cisatc.org/1289/134/160/1270> (accessed: (26.02.2022)).
14. AllBest. Consideration of the activities of terrorist organizations in Central Asia. Many radical forces aim to create an Islamic state here — FANO (Fergana, Andijan, Namangan, Osh) in the Fergana Valley, as part of the World Islamic Caliphate. [Electronic resource]// URL: https://otherreferats.allbest.ru/political/00121948_0.html (date of access: 03/01/2022).
15. *Kondratiev V.* Activation of the activities of islamic extremists organizations. [Electronic resource]// URL: <http://nozdr.ru/data/media/biblio/voentech/zhurnaly/zvo/2001/ZVO%202001%2011.pdf> (date of access: 03/06/2022). -с3-5
16. CLUB OF VOICE LEADERS OF THE RUSSIAN FEDERATION. Islamism and national security of the Russian Federation. federatsii.pdf (03/15/2022). — p. 4
17. AllBest. Islamic extremism and terrorism in international relations. [Electronic resource]// URL: https://revolution.allbest.ru/international/00754638_0.html (date of access: 03/15/2022).
18. post-Soviet space 2020. Security of Central Asia. [Electronic resource]// URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-centralasia-security> (date of access: 18.03.2022).
19. Lex.Uz. Additional measures to accelerate the implementation of national goals and objectives in the field of sustainable development until 2030 (resource).
20. Committee on religious affairs under the cabinet of ministers of the republic of uzbekistan. Current trends in the fight against religious extremism and international terrorism in our country. [Electronic resource]// URL: <https://religions.uz/news/detail?id=443> (date of access: 03/23/2022).

УДК 327

Ши Юйчэнь,

аспирант
кафедры политологии Востока,
Институт стран Азии и Африки,
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва

**ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ К ИНТЕГРАЦИИ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ИНТЕГРАЦИИ —
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ АСЕАН**

Shi Yuchen,

Postgraduate Student,
Political Department,
Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow.
E-mail: msushiyuchen@mail.ru

**A POSSIBLE PATH TO ASIA-PACIFIC INTEGRATION —
REGIONAL INTEGRATION FACILITATED BY ASEAN**

Аннотация. Азиатско-Тихоокеанский регион является регионом с высокими темпами экономического роста, но в то же время уровень региональной интеграции в АТР очень низкий, в нём отсутствуют эффективные механизмы регионального сотрудничества и интеграции. Недоверие между основными экономическими державами и влияние США препятствуют продвижению региональной интеграции. АСЕАН, успешный образец регионального сотрудничества в АТР, такая организация состоит из малых стран, пользуется доверием крупных экономических держав, включая Китай, Японию и Южную Корею, имеет собственный потенциал для экономического развития. АСЕАН и механизм многостороннего сотрудничества, который она активно продвигает, можно стать возможным вариантом постепенного повышения уровня регионального сотрудничества в этом сложном и противоречивом регионе АТР.

Ключевые слова: АСЕАН, Азиатско-Тихоокеанский регион, региональная интеграция, регионализм, КНР.

Abstract. The Asia-Pacific region is a region with high rates of economic growth, but at the same time the level of regional integration in the Asia-Pacific region is very low, it

lacks effective mechanisms for regional cooperation and integration. Mistrust between the major economic powers and U.S. influence hinder the advancement of regional integration. ASEAN, a successful model of regional cooperation in the Asia-Pacific region, such an organization composed of small countries, enjoys the confidence of major economic powers, including China, Japan and South Korea, and has its own potential for economic development. ASEAN and the multilateral cooperation mechanism it actively promotes could become a possible option for gradually increasing the level of regional cooperation in this complex and controversial Asia-Pacific region.

Key words: ASEAN, Asia-Pacific, regional integration, regionalism, PRC.

Как важный полюс мирового экономического развития, Азиатско-Тихоокеанский регион поддерживает высокий уровень экономического развития, при этом Япония, Южная Корея, Китай и страны Юго-Восточной Азии играют важную роль в развитии мировой экономики. Однако экономическому развитию региона мешали структура власти и региональный порядок, конфликта во время холодной войны и влияние затерриториальных держав, а также сложные исторические и культурные факторы, которые препятствовали развитию региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В современной истории Азиатско-Тихоокеанский регион всегда рассматривался как раздел, борьба и противостояние во времена холодной войны, но на самом деле этот регион является местом, где ранее в мире практиковался регионализм. Конечно, ранний регионализм был не только не четко определен, но и совершенно отличался от сегодняшнего регионализма. В истории Восточной Азии появилась интегрированная система: «система Хуа-И» или «Приточная система» с центром в Китае. Такая система основаны существенно отличаются от региональной кооперации, порождаемой регионализмом.

Ялтинская система после Второй мировой войны установила, что основная структура власти в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризуется единой структурой: страны Восточной и Юго-Восточной Азии сильно зависят от Соединенных Штатов в сфере экономической торговли и политической безопасности. Как самая влиятельная страна, Соединенные Штаты всегда пытались установить региональную модель развития во главе с со-

бой в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такая региональная модель может быть охарактеризован как регионализм «в рамках орбиты великих держав» [2, с. 49]. Создание Организации Договора о Юго-Восточной Азии (СЕАТО) является конкретным проявлением. Эта организация изначально задумывалась как копия НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно первоначальной идее, СЕАТО координировала действия армий каждого государства-члена для достижения цели коллективной обороны. Но СЕАТО включает только две страны Юго-Восточной Азии, в то время большинство национальные государства Азиатско-Тихоокеанского региона отказались присоединиться к СЕАТО. Модель СЕАТО фокусируется на военных и политических целях, а экономика только в одностороннем порядке предоставляет экономическую помощь от Соединенных Штатов. По мнению А. Ачарии, судьба СЕАТО продемонстрировала неспособность построить извне регионализм в Азии [2, с. 50].

В связи с подъемом Китая Азиатско-Тихоокеанский регион сформировал двойная структура, то есть в этом регионе существование КНР как экономическим центром и США как центром безопасности. В то же время в АТР появилась конкуренция между АСЕАН, Китаем, Японией и США за лидерство в региональном сотрудничестве. Окончание холодной войны и быстрое экономическое развитие не смогли кардинально изменить противоречия острых конфликтов в АТР. В это время конкуренция между Китаем и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе становился все более очевидным, так как быстрое экономическое развитие Китая и его растущее влияние на регион стали основным вызовом для США в XXI веке.

Китайские политологи считают, что с 50-х годов XX века появились две волны регионализма. Первая волна, так называемый, старый или традиционный регионализм, началась после окончания Второй мировой войны и продолжалась до 1970-х годов. Эта волна в основном была сосредоточена на Европе, основной акцент ставился на межправительственное сотрудничество. Вторая волна началась примерно в конце холодной войны и продолжается по сей день. Эта волна в основном была сосредоточена на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Негосударственные субъ-

екты, такие как экономические и социальные силы, ценятся, а идеологические различия между странами размываются [6, р. 95].

В ответ на вторую волну развития регионализма Норман Палмер предложил новый регионализм. Новый регионализм не только возрождение старого регионализма, это новый важный фактор в современных международных отношениях. Новый регионализм имеет следующие отличительные характеристики: (1) на него больше влияют внешние факторы; (2) исходя из потребностей регионального экономического развития, он сформировал фундамент, который возглавляется силами экономической интеграции и постепенно расширяется в области региональной политической безопасности; (3) региональное сотрудничество с характеристиками «открытости» и «экстраверсии», выход за существующие границы регионального сотрудничества и поддержка участия стран за пределами региона [р. 2–19]. Новый регионализм больше не ограничивается одними только лишь военными целями в области безопасности и экономики, а включает такие аспекты, как права человека, демократия, экономика, окружающая среда, культура, общество и Интернет [3, с. 293].

Таким образом, традиционный старый регионализм, который преуспел в Европе, не может способствовать интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона должны начать изучать новую теорию регионализма, ожидая, что под влиянием этой теории будут объединены страны с малой однородностью. Эта теория была усовершенствована и реализована АСЕАН и сублимирована в «открытый регионализм», также известный как «спокойный регионализм».

Принято считать, что АСЕАН первая предложила создать механизм регионального сотрудничества для Азиатско-Тихоокеанского региона [4, р. 24]. АСЕАН как региональная организация стала играть все большую роль. АСЕАН должна сыграть свою роль в условиях отсутствия консенсуса и сохраняющегося недоверия между крупными экономиками Азиатско-Тихоокеанского региона. До тех пор, пока АСЕАН воспринимается как нейтральная и независимая, она может продолжать играть ведущую роль. Поэтому страны Азиатско-Тихоокеанского региона

склонны поддерживать АСЕАН в руководстве развитием процессов региональной интеграции в регионе.

В отличие от Европы, в АТР понятие «сообщество» — не значит разделение суверенитета. Регионализм в АТР фокусируется на экономической интеграции, движимой государством и правительством. Развитие регионализма в АТР не просто имитирует институциональную структуру ЕС, страны АТР нашли Альтернативный подход — сосредоточение на отмене границ для движения товаров, капитала и рабочей силы на ранней стадии регионализма при очень ограниченной координации политики. Такой подход особенно тесно связан с идеей «открытого регионализма» в Восточной Азии [1, с. 15]. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона по большей части считают, что региональная интеграция может варьироваться от чисто экономической перспективы рыночной и торговой интеграции до интеграции рыночной политики и, наконец, до полностью интегрированного экономического и политического союза [8, р. 279].

Процесс регионализации в Азии обусловлен ответом на вызовы глобализации. Последствия азиатского финансового кризиса 1997 года заставили страны АТР осознать, что существующий механизм сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе не справляется с угрозами, которые несет с собой развитие глобализации, а усиление устойчивости к влиянию мирового финансового кризиса и поддержка стабильного и быстрого экономического роста — основные цели стран АТР в XXI веке. С этой целью стал активно развиваться новый регионализм с азиатскими характеристиками, временно отложены в сторону споры между странами, появилась задача, как можно скорее реализовать взаимодействие в области экономического сотрудничества и даже создать региональный координационный механизм экономического сотрудничества через общую цель экономического развития. Такие взгляды и планы стали общими целями АСЕАН и Китая — двух крупнейших экономик Азиатско-Тихоокеанского региона.

В то же время уникальная культура «азиатских ценностей» и общая идентичность в Азии также играют определенную роль в продвижении интеграционного процесса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Азия представляет собой особый, отличный

от европейского опыта пример цивилизационной динамики [1, с. 47]. Основываясь на истории колонизации, большинство стран АТР дорожат национальным суверенитетом и отвергают любые региональные институциональные механизмы, подрывающие национальный суверенитет. Эти страны предпочитают строить мягкую систему, а не обязывающую жесткую систему на региональном уровне. Сингапурские ученые отметили, что гибкой азиатской культурой может помочь АСЕАН создать уникальный механизм регионального сотрудничества в азиатско-тихоокеанском стиле [5, р. 10].

По этой причине подход АСЕАН, основанный на консенсусе и невмешательстве во внутренние дела, приветствуется многими странами этого региона [5, р. 199]. АСЕАН, союз малых стран, активно продвигал и развивал новый регионализм с характеристиками АСЕАН, руководил созданием различных механизмов регионального сотрудничества и содействовал процессу интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китай также поддерживает развитие регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Чтобы избежать беспокойства других стран и препятствий со стороны Соединенных Штатов, вызванных процессом прямого лидерства Китая в развитии регионализма, Китай поддерживает АСЕАН, союз малых стран, чтобы играть большую роль, чем он сам, активно участвовать в институтах регионального сотрудничества, созданных АСЕАН.

Считается, что региональная интеграция Азиатско-тихоокеанского региона с центром АСЕАН использует диалог как основной метод содействия институционализации регионального сотрудничества. Регионализация в АТР как открытый и развивающийся, избегающий ограничений национального суверенитета, подчеркивающий равноправное участие и совместные консультации, создание механизмов регионального сотрудничества. АСЕАН создала несколько механизмов и рамок регионального сотрудничества, в основном включающих следующие.

Региональный форум АСЕАН (АРФ). В настоящее время, насчитывая 26 государств-членов и ЕС, она является крупнейшей и наиболее влиятельной официальной многосторонней органи-

зацией политического диалога и диалога по вопросам безопасности в Азии.

Механизм сотрудничества АСЕАН+1. Это рамки сотрудничества между АСЕАН и Китаем, АСЕАН и Южной Кореей и АСЕАН и Японией для обсуждения важных вопросов и сотрудничества.

Механизм сотрудничества АСЕАН +3. Это рамочная программа сотрудничества АСЕАН и Китаем, Японией и Южной Кореей, которая включает саммиты и встречи на уровне министров и фокусируется на финансах, науке и технологиях, а также экономике.

Восточноазиатский саммит (East Asia Summit). Саммит, организованный действующим председателем АСЕАН, состоит из 10 стран АСЕАН вместе с Китаем, Японией, Кореей и экстерриториальными странами (США, Россия, Австралия, Новая Зеландия и Индия).

В ноябре 2011 года АСЕАН предложила инициативу Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), направленную на создание региональной структуры свободной торговли с АСЕАН в центре. В ноябре 2020 года на четвертой встрече лидеров ВРЭП было официально подписано соглашение ВСЭП.

При активном продвижении АСЕАН, даже Восточная Азия, где региональная интеграция является наиболее сложной, начало процессу региональной интеграции между КНР-Япония-РК. В рамках АСЕАН+3, Китай, Япония и Южная Корея начали предварительные консультации по созданию Зоны свободных торговли между тремя странами. Вне рамок АСЕАН+3 отдельные встречи лидеров Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея, которые проводятся с 2008 года, стали механизмом регулярного сотрудничества. Хотя процесс региональной интеграции в Восточной Азии все еще сталкивается со многими неопределенностями, это уже замечательное начало.

Как избежать обострения и без того острых конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, избежать прямого конфликта между КНР и США и в то же время еще больше способствовать экономической интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы и впредь обеспечивать пространство для экономического

роста. Процесс региональной интеграции при содействии АСЕАН может стать путем вперед для регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в будущем.

Таким образом, регионализм в Азиатско-Тихоокеанском регионе претерпел множество различных конфигураций в сочетании с уникальными культурными факторами Азиатско-Тихоокеанского региона, а не просто скопировал европейскую модель. Азиатско-Тихоокеанский регионализм постепенно перешел от первоначальных усилий независимого национального государства создать военное, политическое сообщество во главе с Соединенными Штатами за пределами региона к новому регионализму во главе с региональной организацией АСЕАН, главной целью которой стало содействие экономической интеграции. Считается, что азиатско-тихоокеанский регионализм использует диалог, как основной метод содействия институционализации регионального сотрудничества. Регионализм в АТР можно охарактеризовать, как открытый и развивающийся, избегающий ограничений национального суверенитета, подчеркивающий равноправное участие и совместные консультации, создающий механизмы регионального сотрудничества. В схеме регионализма АТР страны с разным уровнем развития сообща добиваются целей в процессе региональной интеграции.

Список литературы

1. *Либман А.М.,* Винокуров Е.Ю. Региональные организации: типы и логика развития. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. — 88 с.
2. *Михайленко Е.Б.* Регионалистика. Классические и современные подходы. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 116 с.
3. *Ши Юйчэнь.* Развитие регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере взаимодействия Китая и АСЕАН // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — № 3. — С. 292–298.
4. *Ma Ying.* Regionalism and Developing countries. — Beijing: China Social Sciences Press, 2002. — 308 p.
5. *Mahbubani K., Sng J.* The ASEAN Miracle — A Catalyst for Peace. — Singapore: NUS Press, 2017. — 283 p.

6. *Miao Ji, Li Fujian*. China and Asian Regionalism // Foreign Theoretical Trends. — 2015. — No 2. — P. 95–104.
7. *Norman D.P.* The New Regionalism in Asia and the Pacific. — Mass: Lexington Books, 1991. — 432 p.
8. *Robson P.* The Economics of International Integration. — London: Allen & Unwin, 1987. — P. 279.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

*Материалы межвузовской студенческой конференции
(26 мая 2022 г.)*

Сборник статей

**INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS**

*Materials of the interuniversity student conference
(May 26, 2022)*

Collection of articles

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка и дизайн — *И.С. Надворский*

Подписано в печать 29.06.2022. Формат 60×90/16.

Гарнитура SchoolBookAC. Усл. печ. л. 13,25.

Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.)

Негосударственная автономная некоммерческая организация
высшего образования

«Институт мировых цивилизаций»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1

Тел.: +7 (499) 261-11-26

www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано в ООО «Стромынка Принт»

107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, кор. 5, этаж 5, пом. IX, комн. 25

